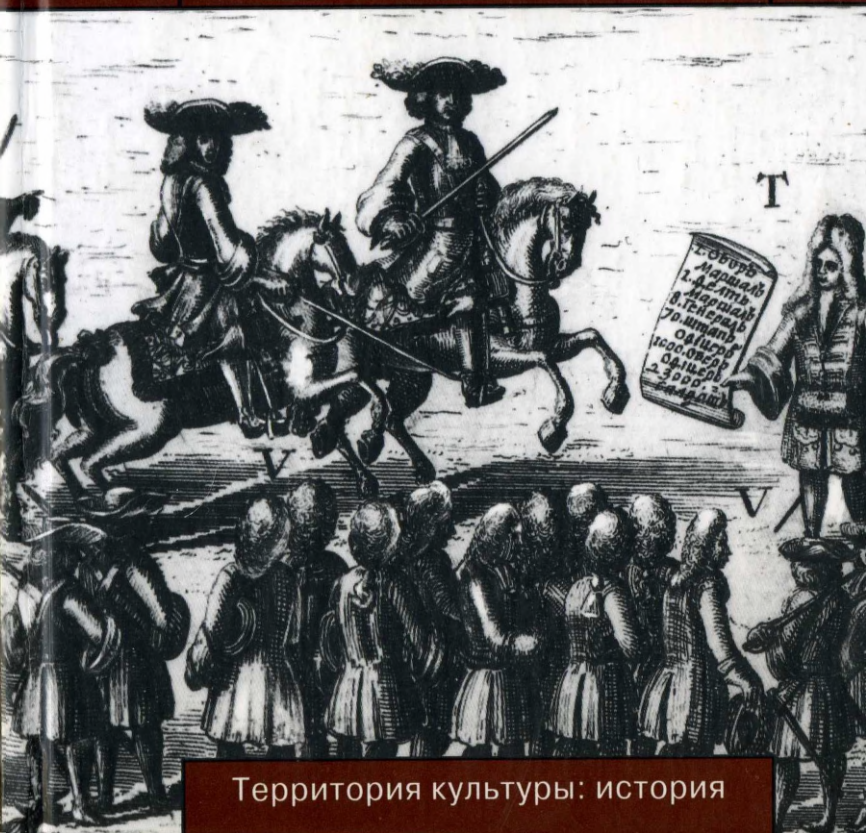


А. Малинов, С. Погодин

Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ



Территория культуры: история



Территория культуры:
история



S. Newsland

Социологический институт Российской Академии наук
(Санкт-Петербург)

А. Малинов, С. Погодин

**Александр
Лаппо-Данилевский:
историк и философ**



Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»
2001

УДК 94(47)
ББК 63
М18

Федеральная программа книгоиздания России

Художники *М. Лидина, С. Пилипенко*
Фотография на переплете — *А. Беляковой*

А. В. Малинов, С. Н. Погодин

М18 Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. —
Санкт-Петербург: «Искусство—СПБ», 2001 г. — 285 с.

ISBN 5-210-01552-1

В монографии впервые исследуется творчество крупнейшего историка и философа конца XIX — начала XX века, основателя петербургско-ленинградской школы историков. Судьба Лаппо-Данилевского рассмотрена авторами как пример служения науке и обществу, а его труды глубоко проанализированы. Для специалистов-историков и читателей, интересующихся прошлым отечественной науки и культуры.

УДК 94(47)
ББК 63

© Издательство «Искусство—СПБ», 2001 г.
© А. В. Малинов, С. Н. Погодин, текст, 2001 г.
© М. Лидина, С. Пилипенко, оформление, 2001 г.

ISBN 5-210-01552-1

К читателю

(А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа)

Конец XIX — начало XX века — сложный период в истории России и русской культуры. Это время промышленного подъема, несомненных достижений в развитии науки и техники — и время глубоких социальных потрясений, нашедших свое крайнее выражение в революционных событиях 1905 и 1917 годов. Буря революции внесла коренные перемены во все области жизни. Она смела сословные и национальные барьеры, открыла путь в науку и культуру многим из тех, кто в дореволюционной России принадлежал к так называемым низам общества. Вместе с тем, покончив со старой Россией, революция положила конец и дореволюционной культурной традиции, имевшей свои ценности и своих служителей. Этот сложный и болезненный процесс с особой остротой ощущался в послереволюционном Петрограде. Английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, посетивший Петроград осенью 1920 года, был потрясен увиденным, особенно тяжелыми условиями, в которых жили и которые мужественно переносили петроградские ученые. Вспоминая об этом, Уэллс писал: «В доме литературы и искусства мы слышали кое-какие жалобы на нужду и лишения, но ученые молчали об этом. Все они страстно желают получить научную литературу; знания им дороже хлеба». «Для науки, — подытоживал свои впечатления Герберт Уэллс, — катастрофа 1917—1918 годов оказалась совершенно гибель-

ной»¹. Трагичность положения усугублялась потерями, которые понес в эти годы научный мир Петербурга. Смерть некоторых выдающихся ученых воспринималась их коллегами как неизбежное следствие пережитой катастрофы. Потерей, ставшей своего рода символом, была и смерть выдающегося петербургского историка Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. Александр Евгеньевич Пресняков вскоре после кончины А. С. Лаппо-Данилевского писал: «Буря революции не вывела его из научной, академической среды. Но крайне тягостно переживал он распад той культуры, которая его вскормила, и подрыв многого в той традиции, которая, при всей ее исторической условности, была носителем дорогих ему „абсолютных ценностей“». И когда заболевание, казавшееся случайным и не грозным, унесло его из жизни 7 февраля старого стиля 1919 г., у близко его знавших осталось смутное чувство связи этой безвременной кончины с историческим моментом. Носитель глубоких культурных традиций не перенес ее трагической ломки»².

Действительно, потрясения, вызванные революцией и гражданской войной, многими воспринимались как всемирная трагедия. Однако культурная традиция старой России, во многом связанная с Петербургом — Петроградом, не исчезла бесследно. Она стала составной частью той культурной жизни, которая сложилась в послереволюционные годы. Важные элементы старой традиции, такие, как высокий профессионализм и преданность науке, спо-

¹ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 24—25.

² Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 44—45.

собствовали возрождению культурной и научной деятельности в новых социальных и политических условиях.

Сейчас, вступив в новое тысячелетие, наука в России в целом и в Петербурге в частности вновь переживает трудные времена. И все же жизнестойкость лучших традиций, сохранившихся в ученой и культурной среде, вселяет надежду, что они не только не будут утрачены, но и преумножатся.

Показателем жизнестойкости этих традиций является неослабевающий интерес к научному наследию лучших представителей науки и культуры. Весьма симптоматично, что в наши дни историки и философы вновь обращаются к жизни, трудам и взглядам А. С. Лаппо-Данилевского, стараются разобраться в особенностях этой неординарной личности.

Одной из отличительных черт А. С. Лаппо-Данилевского было его особое положение среди петербургских историков. Тесно связанный своей работой прежде всего с Российской Академией наук, А. С. Лаппо-Данилевский одновременно играл заметную и вместе с тем особенную роль в жизни историко-филологического факультета Петербургского университета. С начала 1890-х годов он читал там курсы и вел семинары. В его лице, по свидетельству А. Е. Преснякова, в университет «вошла крупная преподавательская сила». Однако, по словам того же А. Е. Преснякова, «А. С. Лаппо-Данилевский так и остался до конца дней своих вне факультета, на ролях „приват-доцента“». Отмечая «необычайные направления» преподавательской деятельности А. С. Лаппо-Данилевского, Пресняков именно этими направлениями объяснял «отчасти своеобразное положение А. С. Лаппо-Данилевского в университетской (факультетской) среде, которое, в

общем, было ему тягостно». Уточняя сказанное, Пресняков писал далее, что А. С. Лаппо-Данилевский, «можно сказать, не вошел в историческую школу Петроградского университета, а поставил рядом с ней свою особую, казавшуюся многим не исторической, а теоретической, выпадавшей из строя факультетского преподавания русской истории»¹.

Особое место заняли в жизни студентов-историков руководимые А. С. Лаппо-Данилевским семинары по методологии истории и по дипломатике частных актов. Немногим под силу было пройти трудную школу занятий в этих семинарах, но те, кто заслужили право носить имя учеников А. С. Лаппо-Данилевского, сами стали со временем создателями своих школ, питомцы которых отличались высоким профессионализмом.

В наследии А. С. Лаппо-Данилевского, явившемся результатом напряженных и порой мучительных поисков истины, тесно перекрещиваются исторические и философские проблемы. Анализ трудов и взглядов А. С. Лаппо-Данилевского, сопоставление мнений, о нем высказанных, выявление наиболее значительных достижений в его творчестве — сложная и непростая задача. Одной из предпринятых в настоящее время попыток решить эту задачу является предлагаемая вниманию читателей монография. Авторы подробно и аргументированно излагают в ней свой взгляд на жизнь и творчество А. С. Лаппо-Данилевского.

*А. Н. Цамутали,
доктор исторических наук*

¹ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 24—25.

Введение

Как правило, с обывательской точки зрения жизнь ученого малособытийна. Главные события его жизни — научные открытия и, конечно, книги. Академику Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому в этом смысле особенно не повезло. Основной труд его жизни — исследование «История политических идей в России XVIII века в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» — в большей своей части так и остался неопубликованным. Образно говоря, его научное наследие подобно айсбергу. Значительная часть созданных им работ осела в архиве. Однако дело здесь не в холодном академизме исследования, а, скорее, в климате эпохи. Друг и соратник ученого по работе в Академии наук академик С. Ф. Ольденбург в статье, посвященной Лаппо-Данилевскому, признал такое положение дел типичным для отечественной науки, назвав его «кладбищем русских научных начинаний»¹. Впрочем, это несколько не умаляет значения научной деятельности Лаппо-Данилевского. Не будет преувеличением сказать, что вся его жизнь была посвящена науке. Это не высокие слова, а констатация его жизненного пути.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский — один из наиболее разносторонних историков своего времени. Им написаны работы по социально-экономической и политической истории России, по истории культуры, источниковедению (особенно дипломатики, археографии), методологии истории. Широта его научных интересов, стремление охватить как можно больше областей знания поражают: он изучал юридические и экономи-

ческие науки, физику, химию, астрономию, самостоятельно прошел полный курс математического факультета, очень много занимался историей науки. Сам он объяснял свой жадный интерес «искренним желанием изучать те или другие явления без всяких предубеждений, стремлением к истине, стремлением, в силу которого душа болезненно рвется на простор, хотя и прикована тяжелыми цепями к миру конкретных представлений, сознание мучительно бьется в железной клетке, но согрывается надеждой когда-либо вылететь на чистый воздух, возвратиться на лоно природы и отождествить свое „я“ с мировым бытием»².

Вне связи исторической науки с общими философскими проблемами, с социологической ориентацией истории, с вопросами личной и общественной этики он не мыслил свой труд. Благодаря широкой постановке научной деятельности, энциклопедическим познаниям, Лаппо-Данилевским был накоплен и систематизирован огромный запас фактов и идей, ставших основой новых концепций. Однако этот энциклопедизм был чужд начетничеству, в нем просматривалась самостоятельная и глубокая научная мысль.

Основной научной специальностью Лаппо-Данилевского была история России. Вместе с этим широкое понимание задач историка сделало его — на фоне современного ему состояния исторической науки — преимущественно теоретиком исторического познания и археографом. В русской историографии он был убежденным представителем исторического идеализма. В его концепции истории движущей, творческой ее силой являлось человеческое сознание, как индивидуальное, так и коллективное.

Лаппо-Данилевский создал школу научно-критического изучения источников и стал первым учителем-методологом. Философское начало в его творчестве постепенно стало преобладать над историческим, но его философско-методологические построения всегда служили целям и интересам истории. Он не был философом в строгом смысле слова и не оставил после себя чисто философских сочинений. Однако общетеоретический и философский подходы были определяющими в его научной деятельности.

В чем же проявлялась философская составляющая его научных интересов? Это, прежде всего, теоретическая направленность его исканий, цель которых состояла в удовлетворении чисто познавательных потребностей. Затем, это попытка сделать науку и научное знание предметом философского исследования. Согласно его определению, наука «есть объективная система понятий, охватывающих возможно больше данных нашего опыта», «наук» много, но как система знания она едина. Более того, «наука должна быть объективным знанием»³. Под наукой ученый понимал исторически данное, развивающееся знание, особенность которого и состоит в стремлении к «единству» и в развитии.

Примечания

¹ *Ольденбург С. Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. № 6. С. 168.

² *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразования // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Т. 23. 1890. С. VII.

³ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 1. СПб., 1910. С. 63.

БИОГРАФИЯ

Начало пути

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский родился 15 января 1863 года в имении Удачное села Мало-Софиевка Гуляйпольской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, в богатой дворянской семье. Детство и отрочество его прошли в южном имении отца. Отец его, Сергей Александрович, гвардии штабс-ротмистр, был несколько лет предводителем дворянства Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, а затем вице-губернатором Таврической губернии. Не имея возможности, по занимаемой должности, постоянно проживать с семьей, он мало внимания уделял сыну. Поэтому всю заботу о его воспитании и образовании взяла на себя мать — Наталья Федоровна (урожденная Чуйкевич). С раннего детства она сумела привить юноше любовь к чтению, иностранным языкам. Благодаря ей будущий ученый получил хорошее домашнее образование, которое вместе с усадебной культурой, по выражению историка А. Е. Преснякова, наложило «на весь его облик отпечаток своеобразного аристократизма»¹.

В 1873 году Сергея Александровича назначили таврическим вице-губернатором и семья переехала в Симферополь. В том же году Саша Лаппо-Данилевский поступил в первый класс симферопольской гимназии. Все время обучения он оставался лучшим учеником в классе и имя его не сходило с почетной гимназической доски. Уже в школе почувствовал он интерес к научным исследованиям. Его письменные работы отличались серьезной постановкой проблем и прекрасным изложением. В стенах гимназии впервые проявилась его тяга к истории, чему способствовал учитель Ф. Ф. Лашков, увлеченно занимавшийся исследованиями архивных документов, касающихся прошлого Крыма. Именно он привил любовь Лаппо-Данилевскому к историческому материалу и источникам.

В эти годы будущего историка особенно привлекала античность. Сильное впечатление на него произвела «История Греции» Дж. Грота. О влиянии этого труда на формирование мировоззрения Лаппо-Данилевского следует сказать особо. Книга Грота была «эпохой» в историографии античного мира. В своем труде автор дал блестящую, оригинальную и живую картину древнегреческой политической жизни. В ней впервые была показана история государства, проникнутая духом либерализма и демократизма. Это исследование формировало понимание связи исторических знаний с углубленным рассмотрением общих вопросов политической и общественной жизни, объединяло интерес к истории с размышлением над проблемами общественной и личной этики. Все это было столь хорошо усвоено Лаппо-Данилевским, что всю свою последующую жизнь он опирался на многие положения, высказанные в этой

книге. Но не только политический аспект работы Грота оказал большое влияние на будущего историка. Грот блестяще знал литературу и современные исследования, критически пересматривал многие общепринятые факты и интерпретации античной истории. Оригинальность мышления английского ученого, его свобода от шаблонов, стала своеобразным эталоном для дальнейшей научной работы Лаппо-Данилевского.

Уже в юношеские годы у Александра проявились равные способности как к гуманитарным наукам, музыке, так и к математике. От матери, прекрасной пианистки, он унаследовал музыкальное дарование и играл на фортепьяно, достигнув в этом искусстве совершенства. Он был знатоком и ценителем серьезной музыки и одно время даже пробовал себя в качестве композитора.

Свидетельством мировоззренческих исканий в юношеские годы является переплетенная в сафьян «Зеленая книжка». Как видно из надписи, она была подарена одиннадцатилетнему Александру его тетушкой, родной сестрой матери, М. Ф. Чуйкевич, имевшей на него сильное влияние: «Моему дорогому племяннику и другу Александру Лаппо-Данилевскому, для того чтобы здесь записывались все хорошие идеи, которые у него появятся и которые он услышит, в память о тете и друге Марии Чуйкевич. 30 августа 1873 г.» В этой книжке содержатся записи и выписки, относящиеся ко времени с 1875 по 1887 год. Их не очень много, но они чрезвычайно показательны. Лаппо-Данилевский отмечал, что книжка не раз служила ему материалом для «examen de conscience» (сознательного экзамена). Страницы «Зеленой книжки» много говорят о его внутренней жизни. В 1902 году в одном из писем (от 27 апреля) к жене он

писал: «Ты пишешь про зеленую книжку с замочком. Недавно мне пришла в голову мысль, как, в сущности, редко каждый из нас остается наедине с самим собой и как полезно было бы иногда углубляться в самого себя или, напротив, выйти из себя и посмотреть на себя со стороны. И вот под влиянием такой мысли я и достал зеленую книжку. Посмотри ее. В ней искренно, хотя высокопарно, высказано несколько настроений, которые тогда переживались»².

Как и у большинства его сверстников, интеллектуальный облик молодого человека складывался под влиянием книг. В круг чтения входили произведения Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Монтескье, Вольтера, Канта, Макиавелли, Гизо, Карлейля. В эти же годы он начал заниматься философией. В автобиографической заметке Лаппо-Данилевский отмечал, что по популярному труду Дж. Г. Льюиса «История философии» познакомился с системами Конта и Милля, а под влиянием Тэйлора, Спенсера и Грота стал увлекаться первобытной культурой и античным миром³. Определенное влияние на него оказала публицистика Н. К. Михайловского. Вот достаточно красноречивая запись из дневника: «Есть два понятия, которые для меня особенно дороги: понятие истины и понятие правды. Под истиной я разумею логическую мысль, мысль строгую, беспристрастную, безмятежную, но и безнадежную. Под правдой я разумею не логическую мысль, а нравственное чувство, то чувство, благодаря которому он [человек] не только рассматривает свою жизнь как субъективное патологическое явление, не только возвышается до объективного ее изучения, но ею участвует и в окружающей жизни. Человек, в противопостав-

лении со вселенной, такое ничтожество в пространстве, о котором и говорить нечего и думать не стоит. Но если он будет рассматривать себя как атом, как частицу, хотя бы малейшую частицу мирового здания, как шорох, незначительный звук в гармонии вселенной, словом, если мы взглянем на себя как на участников в мировой жизни, не человеческой только, но именно мировой, — тогда получим значение и станем на свое место. А между тем занять такое место человек может лишь тогда, когда он станет служителем начала истины и правды, когда подчинится взаимодействию этих начал. Вот почему для меня особенно дороги эти два понятия»⁴.

В 1882 году Лаппо-Данилевский закончил гимназию с золотой медалью и в том же году поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. Во время обучения он проявил себя как очень добросовестный студент. По словам И. М. Гревса, «с самого начала основным центром его занятий стала русская история, хотя не забывались и другие, уже сделавшиеся любимыми областями: история всеобщая, философия, археология»⁵. Успеху в исследованиях по истории способствовал широкий общенаучный кругозор начинающего ученого. Лаппо-Данилевский изучал не только исторические, но и юридические, экономические науки, а также физику, химию, астрономию, самостоятельно прошел полный курс математического факультета — в его архиве сохранились рукописи по теории вероятности, дифференцированному исчислению. В университете Лаппо-Данилевский поражал своими знаниями не только однокурс-

ников, но и профессоров. Он многим импонировал, его уважали, некоторые даже преклонялись.

Пользуясь заслуженным уважением, он в то же время вызывал некоторую отчужденность у своих товарищей. И. М. Гревс рисует следующий образ: «В его наружном виде было что-то, действующее неприятно, по внешности, холодное, замкнуто-недоступное, можно было думать, высокомерное, горделиво индивидуалистическое. Происходило это от совершившейся внутри его и не законченной еще работы, связанной с борьбой духа. Высокая требовательность к себе вызывала строгое отношение к жизни, обостряла юношеское самолюбие, которое иногда развивалось с болезненной силой. Ощущение собственных недостатков вызывало осторожное отношение к другим, иногда недоверие, боязнь потерять достоинство. Кроме того, он был застенчив, нелюдим и неуклюж, шероховат. Это приводило часто к неловкой манере при обращении с другими (но именно манера, внешность), к отчужденности, это придавало его фигуре „накрахмаленный“ вид»⁶. Один из ближайших учеников Лаппо-Данилевского, А. Е. Пресняков, дал ему следующую характеристику: «Его внешний облик, культурно выработанный, сдержанный и замкнутый, таил эту натуру, глубоко искреннюю, впечатлительную, алчущую и жаждущую свободы духа от всякой двойственности, от психологических противоречий, свободы мысли от противоречий логических»⁷.

В студенческие годы отчетливо проявилась его политическая индифферентность. Увлечению революционными идеями, что было свойственно молодежи 80-х годов, Лаппо-Данилевский предпочел участие в студенческом научном литературном обществе, которое

противопоставило научную работу «как карьеризму, так и преждевременному политиканству и революционерству»⁸.

В конце 1881 года вышел студенческий устав, одной из целей которого было: «содействовать научным и литературным занятиям студентов, устраивая рефераты и чтения, предпринимая переводы иностранных сборников и издания в виде сборников или отдельных выпусков лучших студенческих диссертаций и статей, приписывая научные и литературные занятия членам и выписывая научные и литературные журналы и книги для пользования членов»⁹. Весной 1882 года группа студентов во главе с А. А. Корниловым, Д. И. Шаховским и братьями Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбургскими создала Студенческое научно-литературное общество при Петербургском университете. Девизом его стало — «поддерживать в жизни возникшего союза одухотворенную идейность вместе с гуманной терпимостью, всех объединяющею»¹⁰. Члены кружка проповедовали «воздержание» от политики, предпочитая научную работу. В те годы, когда молодежь вместе со всем русским обществом начинала уставать от политики, призыв добросовестно учиться, а затем мирно, сознательно работать на благо своей родины был весьма привлекательным и актуальным.

В 1884—1886 годах Лаппо-Данилевский принимал самое активное участие в деятельности этого общества, куда был привлечен Ф. Ф. Ольденбургом. Лаппо-Данилевский стал одним из организаторов исторического кружка, несколько лет являлся секретарем его «научного отдела». На одном из заседаний он сделал доклад о теории прогресса, но, к сожалению, ни текста, ни более подробных сведений о докладе не сохранилось¹¹.

Помимо студенческого литературного общества при университете Лаппо-Данилевский входил и в «Приютское братство». Братство было основано в 1885 году, его участники называли себя «приютницами», по названию будущего общего имения, которое собирались купить, однако этого не произошло. Братство было скреплено не только личными дружескими, но и родственными связями. Лаппо-Данилевский женился на Елене Дмитриевне Бакарюковой, двоюродной сестре Марии Сергеевны Зарудной — жены И. М. Гревса. Та, в свою очередь, приходилась родственницей Наталье Сергеевне Старицкой — жене В. И. Вернадского. Сестра Елены Дмитриевны, Мария, была женой Федора Федоровича Ольденбурга.

Размышления Лаппо-Данилевского о жизни, дружбе, науке в тот период хорошо представляют его письма к М. С. Гревсу, одному из самых близких ему людей. Так, он цитирует близкую ему по духу мысль Платона о добродетели: она едина и высшее знание есть вместе с тем и высшая добродетель. Служение науке и истине для него есть единый процесс. «Мне кажется, — писал он, — что я готов отдать все, чтобы на миг взглянуть прямо на солнце, увидеть истину». И в другом письме добавляет: «Я хочу жить по правде и истине»¹².

Служение науке понималось как важнейшая ценность и долг, а отсюда следовало и мучительное сомнение в своих способностях. «Чувствую иногда неуверенность в себе. Во-первых, физически я слишком ничтожен, чтобы служить науке, во-вторых, и претензии очень большие: хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым, который дает новое освещение не только некоторым проблемам

науки, но и основным принципам науки. Не думайте, — обращался он к М. С. Гревс, — что это самолюбие, это во всяком случае мои потребности и идеи»¹³. Подобные сомнения усиливались размышлениями о смерти, а из них вытекала очень рано осознанная цель — успеть сделать как можно больше. В двадцативосьмилетнем возрасте в письме к своей будущей жене Лаппо-Данилевский писал: «Личные чувства не должны мешать делу, которому служишь и которое выше всего частного. Только иной раз так страшно хотелось бы знать, долго ли будешь в состоянии служить этому делу. Если не долго, то надо бы поскорее свои теории обнародовать, не для того, чтобы высказать цельную систему, а лишь для того, чтобы по крайней мере несколькими мыслями дать другим толчок, повод, быть может, иногда новую теорию. Если долго, если есть время, то можно еще многое-многое обдумать и все представить в лучшем виде. Итак, успех работы зависит в значительной мере от того, что не знаешь, и элемент случайности вносится в такое дело, которое ничего случайного не должно было бы иметь»¹⁴.

Университетская деятельность

После окончания университета Лаппо-Данилевский был оставлен для подготовки к профессорскому званию и приступил к написанию магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований». Научным руководителем его диссертации стал Е. Е. Замысловский, занимавшийся XVII веком. Диссертация была успешно защищена 9 мая 1890 года. Оппонентами

выступили профессора Н. И. Кареев и С. Ф. Платонов. Первый дал высокую оценку работе, отметив, что автор заявил о себе как ученый, заслуживающий особого внимания специалистов. Аналогичную характеристику высказал и второй оппонент¹⁵. При подготовке магистерской работы проявились самостоятельность и независимость научного мышления диссертанта. «А. С. Лаппо-Данилевский, — вспоминал позже А. Е. Пресняков, — одинокий и замкнутый в напряженной личной работе, не примыкал ни к какой „школе“, не был чьим-либо учеником, в подлинном смысле этого слова, да, по-видимому, никогда не искал живого общения и личного сближения с кем-либо из университетских преподавателей. В занятиях своих он шел своими путями, подчиняясь внутренней последовательности собственной мысли, и тем, чем стал, был обязан самому себе, упорному самостоятельному кабинетному труду»¹⁶. Сам Александр Сергеевич признавал лишь влияние на формирование своих взглядов историко-юридического направления Б. Н. Чичерина и А. Д. Грановского¹⁷, что и определило выбор «государственной» темы диссертационного исследования. Для представителей этого направления как более ранних его этапов (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин), так и непосредственных предшественников Лаппо-Данилевского (В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, И. Ф. Леонтович) характерно стремление к поиску внутренних закономерностей развития русской истории. Как отмечает Н. В. Иллерецкая, «именно историками государственной школы выдвигается идея органического развития народной жизни из собственных творческих сил и элементов»¹⁸. Исторический про-

цесс при таком подходе понимается как смена политико-юридических форм. История изучает общественную жизнь в широком смысле слова, раскрывает законы общественного развития. Не случайно поэтому Лаппо-Данилевский, исходя из этих представлений, пришел к осознанию необходимости дальнейшей разработки идеи О. Конта о создании положительной науки об обществе — социологии. В связи с этим вполне правомерно рассматривать Лаппо-Данилевского как одного из основоположников отечественной социологии¹⁹. Однако творчество русского историка вносит определенную динамику в традицию государственной школы. Если К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин во многом придерживались гегельянского взгляда на исторический процесс, а В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский и И. Ф. Леонтович ориентировались уже на позитивистскую программу, то Лаппо-Данилевский вновь со временем возвращается от позитивизма к идеалистическому взгляду на историю, что в наиболее полной мере сказалось в неокантианской направленности его методологических исследований.

После успешной защиты диссертации Лаппо-Данилевский непосредственно приступил к педагогической деятельности. Недолгое время он даже преподавал в средней школе, но, по наблюдению одного из учеников, не обнаружил специфической жилки педагога²⁰. Основная преподавательская работа Александра Сергеевича сосредоточилась в Историко-филологическом институте и в Петроградском университете²¹. Самостоятельность мышления и подчеркнутая аристократическая независимость Лаппо-Данилевского привели к тому, что он казался среди деятелей русской историографии, по

выражению А. Е. Преснякова, человеком иной культуры и стал вне основных «школьных» направлений в деятельности факультета. «А. С. Лаппо-Данилевский так и остался до конца своих дней вне факультета, на ролях „приват-доцента“. Членом факультета, полноправным и влиятельным в направлении факультетской деятельности он так и не стал». Чуждым и неприемлемым для большинства коллег-историков было все усиливавшееся по ходу эволюции его научных взглядов стремление к теоретизированию и философствованию. «Не русская история сама по себе, а теория и методология исторической науки (на русском материале) заняли господствующее положение в преподавании А. С. Лаппо-Данилевского», — отмечал Пресняков²². Некоторые историки, как, например, И. М. Гревс, относились к этому с пониманием: «Постепенно, можно сказать, философ в А. С. Л-Д-ском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца, и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их и как это понимание развивалось, вырастая в концепцию широкой полноты и стройности»²³. Только в 1918 году Лаппо-Данилевский был избран сверхштатным профессором Петроградского университета²⁴. Одновременно он преподавал специальный курс по истории первобытной культуры человека в частной гимназии Л. С. Таганцевой²⁵.

В университете Лаппо-Данилевский никогда не читал общего курса русской истории. Основу его преподавания составляли лекции и практические занятия по русской истории XVIII века, истории сословий, дипломатике частных актов, русской историографии. Он

вел многочисленные семинарии философского содержания, посвященные, как он сам выражался, «теории обществоведения»: практические занятия по VI книге «Системы логики» Д. С. Милля (1899/900 и 1900/01), по систематике социальных явлений разных степеней (1901/02), анализу простейших социальных взаимодействий (1903/04), теории ценности и ее приложения к обществоведению (1904/05), теории эволюции и ее применении к обществоведению и истории (1906/07), логике общественных наук и истории (1908/09 и 1909/10), теории исторического знания, разбору важнейших учений о ценности (1910/11), критическому разбору важнейших учений о развитии (1911/12), критическому разбору главнейших учений о случайности (1912/13), критическому разбору главнейших учений о ценности (1913/14 и 1917/18), критическому разбору главнейших учений, касающихся проблемы «чужого я» (1914/15), методологии социальных и исторических наук (1915/16), логике социальных и исторических наук (1918/19). Сам Александр Сергеевич отмечал, что свои методологические семинарии «вел в духе критической философии»²⁶. Практические занятия по теории обществоведения — «многосодержательный семинарий», по выражению Преснякова, — посещали не только историки, но и философы и юристы.

В 1894/95 году Лаппо-Данилевский читал курс «Методы изучения источников и явлений русской истории», который представлял собой беседы «по основным принципам обществоведения в небольшом кружке сверстников и младших товарищей по факультету»²⁷. Сложность восприятия его курсов заключалась в том, что в этот период ученый увлекся символизацией фило-

софских, исторических идей и графическим изображением хода их развития. Он применял эти приемы при изложении некоторых вопросов, вычерчивая на доске кривые развития разных сторон исторического процесса и откладывая на координатах условные единицы их взаимоотношений. Говорил о независимых переменных в общественных явлениях, о человеке как «интеграле» ряда изменяющихся элементов²⁸. Студенческая аудитория не была готова к восприятию подобных курсов, поэтому лекции читались в присутствии одного или двух студентов. Его первые методологические курсы строились на основе позитивистских идей. Труды О. Конта и Д. С. Милля рекомендовались аудитории в качестве основных пособий. Пресняков, бывший одним из первых слушателей этих курсов, отмечал, что преподаватель «давал по каждому вопросу обстоятельное введение в виде историко-философского или „систематического“ очерка»²⁹.

С осени 1903 года Лаппо-Данилевский начал вести в университете практические занятия по дипломатике, одной из вспомогательных исторических наук, изучающих форму и содержание актов. Ученый применял к дипломатике некоторые категории общего источниковедения и благодаря этому сумел создать русскую школу дипломатики частных актов. Вокруг него объединилась группа студентов, поставившая своей целью составление каталога напечатанных актов от допетровской Руси до начала XVIII века³⁰. Для реализации этой задачи предстояло не только установить ту огромную массу печатных изданий XVIII—XX веков, в которых могли оказаться частные акты, но и изучить их в подлиннике, занеся актовый материал на карточки соот-

ветствующего образца. Для каталога было просмотрено около шести тысяч томов различных изданий. Работа началась с описания актовых сборников Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Санкт-Петербургской Духовной академии. Итогом этой долгой и кропотливой работы стали доклады по крестьянскому вопросу, сделанные А. А. Биейком о порядных, С. Н. Валком о полных и докладных, Б. А. Романовым о служилых, В. В. Струве о жилых кабалах. В последующие годы Лаппо-Данилевский предложил новую тему — духовные грамоты митрополитов, великих и удельных князей и княгинь, а также духовные грамоты новгородских, двинских, московских служивых, торговых людей и крестьян до XV века. На основе изучения этих документов были сделаны сообщения: А. И. Андреевым о духовных грамотах великих князей и княгинь, И. Н. Куном о двинских духовных грамотах XV века. Всего в работе приняло участие шестнадцать человек.

В 1906 году руководство факультета поручило Лаппо-Данилевскому курс «Методология истории» для студентов³¹. Сам он находил название курса неудачным и считал необходимым подчеркнуть обществоведческий и теоретический характер предмета. Курс методологии истории был сложен для восприятия в студенческой аудитории. Б. А. Романов отмечал в своих воспоминаниях: «Многие теперь, может быть, признаются, что, когда дело дошло до „номотетического построения“, мы перестали понимать, в таком плачевном состоянии прошло все первое полугодие, и надо сказать, что непонимание как-то углублялось, чем дальше, тем больше»³². Курс сопровождался семинарскими занятиями.

Они были посвящены систематическому изложению теории исторического знания в двух направлениях — номотетическом и идиографическом, а также учению об объекте исторического знания. На занятиях рассматривались методы исторического изучения в той их части, которые касались методологии источниковедения, то есть, главным образом, учения об источниках, об их интерпретации и критике³³. Занятия по этому предмету предполагали у студентов и общую философскую подготовку, и хорошее знакомство с проблемами исторического знания.

Другой стороной университетской деятельности Лаппо-Данилевского было многолетнее руководство студенческим научным кружком, официально именованным «беседами по предметам факультетского преподавания». С 1909 года он возглавил руководство «Историческим кружком» и «Секцией русской истории» в составе университетского исторического общества. Благодаря ему студенческое общество стало настолько популярным, что его заседания посещали многие приват-доценты и профессора университета, не только историко-филологического, но и других факультетов. Научный кружок и семинары Лаппо-Данилевского, по оценке В. Р. Лейкиной-Свирской, были значительной ступенью в организации научного труда. Их особенность состояла в создании исследовательских коллективов, а также в привлечении результатов других наук³⁴.

Благодаря этим занятиям Лаппо-Данилевскому удалось создать настоящую научную школу. Руководитель никогда не «давил» на конкретное содержание научной работы своих учеников, а только руководил занятиями,

со свойственной ему деликатностью добиваясь в конце концов настоящего понимания истинно научных методов познания. Как отмечал один из его воспитанников, В. И. Веретенников, «ученики Александра Сергеевича никогда не были рабами его ученой мысли, а всегда были свободными питомцами ее!»³⁵

Лекции Лаппо-Данилевского были внешне не эффективны. Он не был тем, кого обычно называют блестящим лектором, он никогда не собирал больших аудиторий. Его лекции были трудны для восприятия, но при этом исключительно содержательны. Ученый не давал своим слушателям готовых, точных и красиво выстроенных мыслей, а побуждал студентов совместно их моделировать.

Более успешными в педагогическом плане были семинарские занятия Лаппо-Данилевского, служившие хорошей практикой становления и развития научного мышления учеников и способствовавшие укреплению их исследовательской самостоятельности. Лаппо-Данилевский в этом отношении был примером. Требования к студентам были очень высокие, и это, с одной стороны, определило немногочисленность студенческой аудитории, а с другой — ее стабильность. «Для многих участие в семинарах было и остается настоящей эпохой в умственном, в частности — в научном их развитии и созревании», — отмечал Т. И. Райнов³⁶.

В семинаре принимало участие около десяти человек. Семинар, как и лекционный курс, был рассчитан на три — четыре года. Одному вопросу посвящалось два семестра, в течение которых разбирались основные из существующих подходов. Однако семинары Лаппо-Данилевского постигла та же участь, что и его лекцион-

ный курс. «Особой популярностью, вследствие своей трудности и „сухости“, занятия в семинарии, как видно, не отличались. Но зато немногочисленный состав участников, по большей части, стоял высоко в качественном смысле», — констатировал их участник Т. И. Райнов³⁷. Семинарские занятия проходили следующим образом. Один из участников делал доклад, излагая чью-либо точку зрения по данному вопросу. Затем руководитель семинара давал оценку доклада, указывая на его достоинства и недостатки, как пишет Т. И. Райнов, «больше внимания уделяя недостаткам — с педагогической целью»³⁸. После этого высказывались другие участники, выступления которых переходили в дискуссии. Лаппо-Данилевский обычно принимал участие в них как третейский судья и подводил итог, часто сопровождая его собственным критическим разбором соответствующего учения. Завершая описание семинара Лаппо-Данилевского, Т. И. Райнов приводит свои очень интересные и доброжелательные впечатления от манеры устных выступлений своего учителя, вполне заслуживающие того, чтобы привести их полностью: «Мнения свои А. С. Лаппо-Данилевский высказывает всегда с крайней осторожностью, точно, ясно и соразмерно с качеством и степенью оправдывающих мотивов. С его мнениями можно не соглашаться, но их никогда нельзя упрекнуть в отсутствии величайшей продуманности, отчетливости и ценности в том или ином отношении. В связи с этим стоит у него крайний словесный ригоризм, решительная антипатия к риторике и вообще к аргументации *ad hominem*, тем более — к попыткам выдать суррогат доказательства за само доказательство. Его мысль всегда открыта, подчиняя себе

„форму“ и с какой-то бесстрашной и всепобеждающей искренностью идя прямо к цели, не заботясь о том, что иногда при этом приходится почти „ворочать камнями“ слова <...> Он говорит, как пишет, — заботясь о внутренней стройности и четкости мысли и всего меньше — об ее красоте. Другая особенность А. С. Лаппо-Данилевского — чрезвычайная обостренность различающей, аналитической функции мышления. Он не выносит „клубков“ в составе мысли. Все пестрое он безжалостно, но с тонкою осторожностью разлагает на части. Его мысль не избегает сложного, — только неорганизованная, хаотическая сложность внушает ей антипатию. Его ум, быть может, особенно дисциплинированный историческими изучениями... особенно чутко ко всяким, в отдельности ничтожным, но в целом, в связи — важным оттенкам мысли»³⁹. Такие достоинства ума, как «научная осторожность и глубокая критичность», отмечал и другой, более предвзятый критик Лапо-Данилевского — Н. Д. Кондратьев⁴⁰.

Особо следует сказать и о такой форме общения со студентами, как знаменитые «пятничные беседы». В своих воспоминаниях Б. Д. Греков описывает их следующим образом: «Пятница — это был день, когда Александр Сергеевич сидел после своего обеда дома и когда всякий желающий мог к нему прийти просто или повидать его или же по какому-либо делу. Тут вы могли встретить и студента, и приехавшего из-за границы иностранного ученого, и начинающего приват-доцента, и просто любителя-ученого; историки, и словесники, и философы, все находили в беседе с Александром Сергеевичем решение своих сомнений, отводили здесь душу, потому что все они знали, что почти нет во-

проса, над которым бы Александр Сергеевич уже не думал и где не было бы у него своего мнения»⁴¹. Как отмечал Г. В. Вернадский, постоянными участниками этих вечеров были историк русского права М. А. Дьконов и археограф С. Н. Валк, а также иностранные историки Ф. Гольдер и Р. Г. Лорд⁴².

Отношение Лаппо-Данилевского к ученикам заслуживает особого упоминания. Это была одна из важнейших сторон его жизни. В письме Кауфмана к Лаппо-Данилевскому есть интересные сведения о нем как о педагоге: «Я всегда думал, что к Вам имеют студенты крупный респект, но в то же время несколько побаиваются и считают генералом. А вот Гессен, а за ним и Лапшин уверяют меня, что Вас не только уважают, но и любят, и притом главное — именно за отсутствие генеральства и за хорошее отношение к занимающимся»⁴³. Взаимоотношения часто начинались непросто, с усилиями и колебаниями, но в дальнейшем скреплялись внутренним, интеллектуальным и нравственным, единством. Влияние Лаппо-Данилевского на учеников было огромно. С. Н. Валк вспоминал в одном из писем к своему учителю: «В третьем году я пошел впервые в Ваш семинарий, который Вы вели, если вспомните, по истории крестьян, и на меня повеяло чем-то новым, сразу произведшим на меня необычное впечатление. Однако новое это было далеко и от моих прежних настроений. Вместо рвущегося вперед порыва энтузиазма я здесь впервые увидел... методическое стремление к новым научным приобретениям. Все они вели к одному — к преклонению перед наукой, к вере, что, научно работая, приобщаешься к чему-то самому важному в мире»⁴⁴.

Служение Российской Академии наук

29 сентября 1899 года на заседании историко-филологического отделения Императорской Академии наук была зачитана записка о научных трудах Лаппо-Данилевского, подписанная академиками К. С. Веселовским, Н. Ф. Дубровиным, В. В. Латышевым и И. И. Янжулом. В конце ее было отмечено: «К этому мы должны присовокупить, что незабвенный наш товарищ В. Г. Васильевский весною нынешнего года собирався предложить Лаппо-Данилевского на место, сделавшееся вакантным со смертью А. А. Куника (18 января 1899 года), и только болезнь, а потом неожиданная кончина (13 мая 1899 года) были причиною, что он не исполнил этого намерения. Перед отъездом своим за границу он в этих видах составил уже об ученых трудах Лаппо-Данилевского подробную записку, которая и легла в основу настоящего нашего представления»⁴⁵. Следует отметить, что еще в 1890 году академик Васильевский в беседе с академиком М. А. Дьяконовым сказал о Лаппо-Данилевском: «Он прирожденный академик и, конечно, им будет»⁴⁶.

При баллотировке на заседании отделения словесности Императорской Академии наук 4 декабря 1899 года Лаппо-Данилевский получил двадцать пять голосов «за», четыре «против», а на заседании историко-филологического отделения все одиннадцать членов отделения проголосовали единогласно⁴⁷. В возрасте тридцати шести лет он был избран в члены Императорской Академии наук, в звании адъюнкта. С 6 апреля 1902 года становится экстраординарным, а с 5 февраля 1905 года ординарным академиком. Небезынтересно для

сравнения отметить, что С. М. Соловьев был избран в академики в возрасте пятидесяти двух лет, В. О. Ключевский — в пятьдесят девять лет, К. Н. Бестужев-Рюмин — в шестьдесят один год, В. С. Иконников — в семьдесят три года⁴⁸.

Значительная часть жизни ученого была связана с Академией наук, в работе которой он принимал самое активное участие. После избрания в ее состав Лаппо-Данилевский так определил свое участие в ее работе: «Я думаю, что меня выбрали в академию для того, чтобы я посвятил ей все свои силы, отдал ей всю свою работу»⁴⁹. По его мнению, основная научная деятельность должна была проходить в научных учреждениях.

По инициативе Академии наук было принято решение о публикации исторических памятников. Однако издание многих из них затягивалось либо было прекращено. 24 мая 1899 года Лаппо-Данилевский обратился к отделению историко-филологических наук Российской Академии наук с предложением разработать план издания «Архивных документов XVI—XVIII веков». Отделение поддержало его предложение и постановило: «Просить Лаппо-Данилевского составить план издания и представить его на рассмотрение отделения»⁵⁰.

Реализация такого масштабного мероприятия требовала специальной подготовки и организации. Историк начал с изучения методов научной архивной обработки документов как в России, так и за границей. Во время заграничной командировки он познакомился с изданиями исторических документов в Германии, Австрии и Италии, изучил устройство Прусского тайного государственного архива и методов ведения в нем ука-

зателя рукописных актов. Особое внимание он уделил ознакомлению с правилами организации работ в Central-Direction der Monumenta Germaniae Historica, в исторической комиссии при Мюнхенской Академии наук, в Итальянском историческом институте при Accademia dei Lincei и в Австрийском институте исторических исследований при Венском университете. Детальный анализ издательской деятельности исторических документов за границей привел русского историка к выводу о необходимости строго научного подхода к изданиям подобного рода и особенно важном значении издания частных актов. Именно под влиянием этого у него сложился план издания грамот Коллегии экономии, богатога частными актами.

В соответствии с этим на заседании историко-филологического отделения Академии наук Лаппо-Данилевский представил «План издания архивных документов XVI—XVIII веков»⁵¹. Продолжением его инициативы стал «План издания сборника частных и правительственных великорусских актов XIV—XVIII веков», опубликованный 23 января 1901 года⁵². В них указывалось на большое значение организации архивно-издательской работы.

В течение двадцати лет Лаппо-Данилевский следил за осуществлением проекта, стремясь сделать его образцом издания архивных документов в России. Для этой цели он разработал план и составил «Свод правил, касающихся издания грамот Коллегии экономии», в котором содержалась не только программа подготовки конкретных документов, но были поставлены и научные задачи: выработка принципов, методов и приемов публикации исторических актов. Их реализация требовала

соответствующих работников, подготовку которых взял на себя студенческий кружок. В нем составлялся каталог частных актов и терминологический словарь. Так постепенно складывались правила подготовки к изданию архивных фондов и принципы самого издания. По мере подготовки издания выяснилась необходимость дальнейшего уточнения и разработки приемов издания. Новизна дела потребовала выработки правил, которые в дальнейшем неоднократно подвергались переделке в зависимости от изучения новейших западноевропейских изданий. К 1909 году основной текст правил «Сборника грамот Коллегии экономии» был закончен. В последние месяцы своей жизни Лаппо-Данилевский вновь собирался переработать уже готовый текст. К великому сожалению, он не дожил до выхода в свет этого издания. Только в 1922 году его ученик А. И. Андреев издал задуманный «Свод правил, касающихся издания Коллегии экономии», но уже под другим названием⁵³.

Результатом восемнадцатилетней работы стала публикация первого тома «Сборника грамот Коллегии экономии», объемом сорок четыре печатных листа, предисловие к которому написал Лаппо-Данилевский. После смерти академика вышло еще два тома⁵⁴. С. Н. Валк считал «основным археографическим трудом» Лаппо-Данилевского именно «Сборник грамот Коллегии экономии»⁵⁵ и, давая ему оценку, отмечал, что этот «Сборник» стал новым этапом в русской археографии, впервые выведшим ее на уровень общеевропейских достижений. «Выход „Сборника“ и „Правил его издания“ знаменует переход от кустарного донаучного периода к научной археографии»⁵⁶.

В 1903 году студенческий научный кружок, руководимый Лаппо-Данилевским, начал составление каталога частных актов. Работа потребовала внимательного анализа каждой разновидности акта. В 1911 году Лаппо-Данилевский предложил издать каталог, однако работа над ним не была закончена и продолжалась после смерти ее организатора. О судьбе каталога с сожалением вспоминал С. Н. Валк — он «неосмотрительно» хранился на частной квартире одного из участников работы. Во время блокады Ленинграда «вся многолетняя невознагражденная работа погибла»⁵⁷. Отрывок каталога, правда в очень скромном варианте, был напечатан в 1936 году⁵⁸. Судьба терминологического словаря была иной. 22 февраля 1917 года Лаппо-Данилевский предложил его к печати, но он вышел только в 1922 году, без упоминания имени автора и участников семинара, с отметкой «Под редакцией и с предисловием А. И. Андреева»⁵⁹.

К первым годам деятельности Лаппо-Данилевского в Академии наук относится и серия его работ, связанная с именем и научной деятельностью академика А. А. Куника. В статье «Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов»⁶⁰ Лаппо-Данилевский дал картину обширных научных начинаний историка, указал на его активное участие в издании трудов многих авторов. Характеристика, которую Лаппо-Данилевский дал Кунику, близка к его собственной исследовательской позиции. Обоих историков объединяла большая требовательность к своему труду, что часто мешало закончить работу. К Лаппо-Данилевскому вполне применимы слова А. А. Куника, сказанные им о себе: «Давно взял себе за правило особенно подозрительно относить-

ся к самому себе в отношении к цитатам» — и слова Лаппо-Данилевского о Кунике, желание которого возможно лучше обставить печатный труд «иногда вредно отражалось на ходе руководимого им издания»⁶¹. Неуверенность приводила к незавершенности многих начинаний. «Александр Сергеевич часто брал назад уже подписанные к печати листы, потому что ему казалось, что он еще что-то может исправить и дополнить», — вспоминал С. Ф. Ольденбург⁶².

Лаппо-Данилевский исключительно внимательно отнесся к наследию А. А. Куника. Прежде всего, он изучил его печатные работы. «Так как большинство из них богато научным содержанием, — отмечал Лаппо-Данилевский, — значение которого, в виду развития нашей исторической литературы, с каждым годом уменьшается, а многие оказываются сочинениями посторонних лиц, ожидающих появления их в свет, то я считаю долгом представить отделению список изданий А. А. Куника, начатых печатанием в академической типографии, с тем чтобы предварительно выяснить историю их возникновения, а также внешнее состояние в настоящее время и, таким образом, способствовать скорейшему решению их участи»⁶³. Лаппо-Данилевский проделал большую работу, он издал почти все труды Куника⁶⁴.

В 1903 году Лаппо-Данилевский обратил внимание на губернские научные архивные комиссии. Результатом его работы в этом направлении стала «Записка»⁶⁵, в которой был поставлен вопрос о задачах архивных комиссий и о их несогласованности. «Губернские архивные комиссии, — отмечал историк, — лишены общей инструкции, которой они могли бы руководство-

ваться в своей научной деятельности, а между тем некоторые из них вполне сознают необходимость объединить деятельности комиссий»⁶⁶. «Записка» способствовала привлечению внимания к работе провинциальных научных учреждений.

По поручению Академии наук Лаппо-Данилевский принял активное участие в издании сборника «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси» (СПб., 1907), к которому он предпослал вступительную записку и свое исследование «Печати последних Галицко-Владимирских князей и их советников», а также предварительную заметку о составлении сборника и дополнениях к нему. Он также содействовал публикации работы А.-И. Гиппинга, поместив в книге свои ценные замечания⁶⁷.

Существен был вклад Лаппо-Данилевского в издание «Писем и бумаг Петра Великого», предпринятое Постоянной исторической комиссией. Лаппо-Данилевский взял на себя роль главного контролера этого издания, первым редактором которого являлся академик А. Ф. Бычков (1818—1899), после смерти которого работу продолжил его сын — И. А. Бычков (1858—1944). Под его руководством были подготовлены не только материалы пятого, шестого и первый выпуск седьмого тома «Писем и бумаг Императора Петра Великого» (1907—1918), но и собраны материалы для последующих томов. Однако их издание прекратилось в 1918 году. После смерти И. А. Быčkova работу по редактированию последующих изданий взял на себя ученик Лаппо-Данилевского А. И. Андреев, издавший второй выпуск седьмого тома. В предисловии к нему отмечалось: «При подготовке второго выпуска седьмого тома „Писем и бумаг Императора Петра Великого“ были со-

хранены в основном те археографические приемы, которые соблюдались при издании всех предшествующих томов»⁶⁸. Иными словами, в издании 1946 года использовались приемы подготовки архивных материалов, разработанные Лаппо-Данилевским.

Лаппо-Данилевский создал комиссию по изданию сочинений, бумаг и писем М. М. Сперанского, поставив себе задачу полнее выяснить личность и деятельность этого крупнейшего государственного деятеля⁶⁹. Плану издания полного собрания сочинений предшествовала большая архивная работа. Следовало выяснить судьбу личного архива Сперанского, выявить новые документы, провести их тщательный текстологический и источниковедческий анализ. Эту работу выполняли ученики Лаппо-Данилевского — С. В. Вознесенский и С. Н. Валк. К сожалению, это издание не увидело свет, оно не могло осуществиться в то время, которое, по замечанию Лаппо-Данилевского «не особенно располагает к отвлеченным занятиям»⁷⁰. Только в 1961 году, благодаря усилиям Валка, эта работа была опубликована⁷¹.

В 1908 году Лаппо-Данилевский внес на рассмотрение Академии наук «Записку об усилении личного состава историко-филологического отделения», в которой предложил увеличить состав этого отделения по разряду исторических и политических наук. Эта инициатива получила поддержку, ему удалось добиться расширения отделения. Особое внимание историк уделял социологическим исследованиям. Во второй половине 1918 года он создал и возглавил комиссию по учреждению Института социальных наук, подробный план которого сам разработал⁷². По его мнению, институт должен был

стать центром, объединяющим деятельность научных обществ, имеющих целью изучение социальных наук. Однако этот его план не был реализован.

В первые годы работы в Академии наук наряду с «Грамотами Коллегии экономии» Лаппо-Данилевский стал инициатором издания «Памятников старины русского законодательства XVII—XVIII веков». В заявлении, поданном им в отделение исторических наук и филологии, отмечалось: «Одною из самых существенных потребностей русской исторической науки должно, конечно, признать критическое издание важнейших памятников старинного русского законодательства. В самом деле, древнейшие из них, как-то Русская Правда, судебники и проч., уже под руками в научных изданиях Археологической комиссии и частных лиц, но таких же изданий Уложения царя Алексея Михайловича и следующих за ним по времени законодательных актов до сих пор не существует; русским историкам приходится пользоваться совершенно устаревшими и малопригодными для научных целей сборниками XVIII-го века и Полным собранием законов. В последнем, однако, такие памятники изданы без соблюдения самых элементарных правил всякого критического издания; ни истории текста, ни его редакции и разночтений в нем не указано, подлинные тексты в окончательном их виде воспроизведены не без многих опечатков»⁷³.

Лаппо-Данилевский обратился к ведущим историкам с предложением принять участие в издании ряда текстов. Первыми на его предложение откликнулись М. А. Дьяконов, взявшийся за подготовку «Уложения», Н. Д. Чечулин — «Наказа Екатерины», В. Н. Бенеше-

вич — «Кормовой книги» и О. И. Остроградский — «Новоторгового устава». Впоследствии к ним присоединились М. М. Богословский, подготовивший «Воеводские инструкции Петра Великого», П. В. Верховский — «Духовный регламент», А. А. Кизеветтер — «Городовое положение Императрицы Екатерины II», А. А. Жижиленко и А. В. Бородин — «Артикул воинский». Сам Лаппо-Данилевский взял на себя подготовку «Учреждения о губерниях» 1775 года⁷⁴.

Работа над «Памятниками» выявила необходимость издания параллельной серии материалов. В 1909 году Лаппо-Данилевский отмечал: «При изучении истории текста некоторых памятников русского законодательства и архивных разысканиях, сопряженных с таким изучением, исследователи встречают новые материалы для истории русского законодательства, письма, бумаги, проекты, указы, „книги“ и т. п., содержание которых представляет большой научный интерес частью для истории возникновения текста, частью для применения законов в жизни, но далеко не все может быть использовано при издании „Памятников“. Весьма желательно было бы, в дополнении к серии „Памятников“, издать „Материалы для истории русского законодательства“, которые могли бы выходить отдельными выпусками в приложении к изданию соответствующих памятников, например под заглавием: „Материалы для истории Новоторгового Устава“, „Материалы для истории учреждения о губерниях“ и т. д.»⁷⁵ Лаппо-Данилевский принял участие в издании первых листов «Городового положения» 1785 года, организовал подготовительные работы по публикации «Артикула Воинского» и других памятников. Он участвовал в издании второго тома

«Записок Станислава Августа Понятовского» и третьего тома «Трудов В. Г. Васильевского».

Обязанности Лаппо-Данилевского были многообразны. Условно их можно разделить на четыре направления. Первое — это научная характеристика ученого, которого академия намеревалась привлечь к сотрудничеству. На ее основе принималось соответствующее решение. Лаппо-Данилевскому пришлось давать оценку творчеству таких русских ученых, как В. О. Ключевский, Ф. И. Успенский, Е. Ф. Шмурло, М. А. Дьяконов, В. И. Лучицкий, Д. А. Корсаков, Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, А. А. Кизеветтер, И. А. Линниченко, а также иностранных исследователей: Э. Мейера, Брайса, Моно, Гирке, Виоллэ, Лависса, Я. Голля, Бутра, Дайса, А. Пиренна.

Второй вид деятельности — это некрологи и характеристики итогов деятельности скончавшихся членов академии. Именно в этом ключе Лаппо-Данилевским сделаны научные портреты Н. Ф. Дубровина, Г. А. Леера, В. Б. Антоновича, В. О. Ключевского, А. А. Куника, Д. Ф. Кобеко, Я. Карло, А. Сореля, Г. Ирегека, К. К. Шпрены.

К третьему виду можно отнести разбор научных трудов, претендентов на соискание разных премий, учрежденных Академией наук. К этому вопросу Лаппо-Данилевский подходил не только критически, но и пытался подчеркнуть самостоятельность исследований.

Четвертая форма работ Лаппо-Данилевского в академии сводилась к оценке готовящихся к печати произведений, на которые он составлял отзывы.

Много времени Лаппо-Данилевский уделял работе в различного рода комиссиях, созданных Академией

наук. Он принимал самое активное участие в учреждении в 1902 году Постоянной исторической комиссии, тесно связанной с ученым корреспондентом отделения исторических наук и филологии в Риме. В комиссию вошли Лаппо-Данилевский, Н. Д. Дубровин и П. В. Никитин. По ее поручению Александр Сергеевич в 1903 году составил «Проект положения об обязанностях и службе ученого корреспондента историко-филологического отделения Императорской Академии наук в Риме» и «Предварительную инструкцию ученому корреспонденту»⁷⁶. Мечтою академика было добиться открытия исторического института в Риме от Императорской Академии наук. Однако отсутствие финансирования делало эту цель недостижимой. Понимая это, он сосредоточил свои усилия на работе ученого корреспондента. На эту должность был назначен Е. Ф. Шмурло, талантливый историк, прекрасно знакомый с архивным делом, знаток Италии. В письме от 28 сентября 1908 года он сообщал Лаппо-Данилевскому, что был на Мальте и «данные о Т. П. Шереметьеве (1698) нашел там почти полностью, за исключением, видимо, пропавшей грамоты Петра В. к гроссмейстеру», нашел также данные «по истории Мальтийского Ордена и Екатерины II»⁷⁷. В другом письме он сообщал, что в Симанском архиве есть подлинная грамота царя Федора Ивановича Филиппу Испанскому, и просил разрешения постоянной исторической комиссии на сбор материалов в городах Италии, а также спрашивал мнение Лаппо-Данилевского по этому вопросу⁷⁸. Благодаря деятельности Е. Ф. Шмурло, а также поддержки со стороны Лаппо-Данилевского, на основании материалов XVI—XVIII веков были изданы две серии — «Россия и

Италия» и «Памятники дипломатических и культурных сношений России и Италии»⁷⁹.

Работа в Академии наук предполагала широкие международные контакты. Лаппо-Данилевский состоял членом Международной ассоциации академий и принимал участие в пересмотре положений этой организации. Был председателем и выступал с докладами на международных исторических съездах в Берлине в 1908 году и в 1913 году в Лондоне⁸⁰. На лондонском конгрессе русский историк предложил провести следующий конгресс в Петербурге. Это предложение было принято, и он возглавил организационный комитет по проведению в 1918 году в столице России исторического конгресса⁸¹. Одновременно Лаппо-Данилевским был поставлен вопрос о правах русского языка на международных конгрессах, который и должен был быть решен на петербургском конгрессе. С большим энтузиазмом историк принялся за подготовку к этому научному мероприятию, которое он задумал широко и системно. Он мечтал сделать конгресс образцовым. Однако начало первой мировой войны и дальнейшие события в России помешали осуществлению этих планов.

Александр Сергеевич не только поддерживал разносторонние контакты с зарубежными учеными, но и деятельно помогал иностранным коллегам, приезжавшим в Россию. «Для Европы и Америки, — вспоминал Г. В. Вернадский, — Лаппо-Данилевский был живой связью с русской исторической наукой. Когда кто-либо из иностранных ученых приезжал в Россию для занятий в архивах и библиотеках, он прежде всего обращался в Академию наук к Лаппо-Данилевскому, и тот налажи-

вал ему нужные для него знакомства с русскими коллегами и учеными учреждениями»⁸².

Помимо Академии наук, Лаппо-Данилевский вел большую работу и в других научно-общественных организациях России. В мае 1894 года по предложению Л. Н. Майкова, А. Ф. и И. А. Бычковых и Е. Е. Замысловского он был избран в члены Археографической комиссии. В Лаппо-Данилевском коллеги признали ученого, «зарекомендовавшего себя несколькими почтенными археографическими и историческими трудами», а защищенная им диссертация «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» — «труд весьма добросовестный, обнаруживший близкое знакомство автора с источниками, и для которого г. Лаппо-Данилевский много поработал с рукописными материалами, хранящимися в Московских архивах Министерства юстиции и Министерства иностранных дел и в Императорской Публичной библиотеке»⁸³.

Лаппо-Данилевский ответственно подошел к работе в Археографической комиссии. Так, в июне 1889 года он писал М. А. Дьяконову: «Начал я читать Русскую историческую библиотеку. Прочел и думал написать отзыв Лисовскому, но остановился в нерешительности. Представьте себе, что вторая книга записная Московского стола (книга полковым делам кн. Михаила Ал. Черкасского) есть не что иное, как простая перепечатка той же книги, напечатанной в разрядных книгах! Сделано это, очевидно, по незнанию издателя, который ничем не обмолвился в предисловии о том, что эта книга уже была издана, и *говорит о новых* материалах, которые она содержит. Затем опечаток много, между

прочим: обратные деньги вместо оброчные; Казельский приказ, вероятно, вместо Казанского. Переписные книги Ростова второй половины XVII века — не переписные, а писцовые, и не просто выпись из них, а, очевидно, сотная выпись, притом не второй, а по всем вероятиям первой половины XVII века! И это издание ученейшего, патентованного учреждения!»⁸⁴

Первым поручением Лаппо-Данилевского в комиссии стало издание Нижегородской писцовой книги. Он предложил дополнить это издание переписной книгой Нижнего Новгорода 1678 года⁸⁵. Таким образом, к публикации предназначался уже целый комплекс нижегородских документов — писцовая книга 1621—1622 годов, сотная грамота, по ней составленная, и переписная книга 1678 года. Это издание стало знаменательным событием в деятельности историка. Вместо случайных, неупорядоченных, разрозненных документов стали публиковаться важные для науки исторические материалы. Перед комиссией был поставлен вопрос о выработке строгого плана издания отдельных групп источников, составление которого было возложено на редакционные совещания под председательством Лаппо-Данилевского. Как заметил А. Е. Пресняков, работы Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии были связаны с теми архивными разысканиями, которые были им начаты при подготовке «Организации прямого обложения...»⁸⁶.

Опыт публикатора и навыки организатора научной работы особенно ярко проявились у Лаппо-Данилевского в издании писцовых книг. Издание писцовых книг не было новым делом для Археографической комиссии. Еще в 1859 году были перепечатаны Новгород-

ские писцовые книги под редакцией П. И. Савваитова и А. И. Тимофеева и писцовые книги Ижорской земли под редакцией А. А. Куника. Сложилась устойчивая традиция публикаций источников такого рода. Лаппо-Данилевский во многом по-новому подошел к ней. Вместо традиционных кратких предисловий к документам он стал составлять обширные предисловия, ставшие, по существу, обстоятельными исследованиями публикуемых памятников.

В предисловии к «Кормленной книге Костромской чети» он определил особое место источника среди других аналогичных документов, выяснил исключительную финансовую цель ее составления и показал, какой большой материал для истории уездного дворянства давала эта книга. Высокую оценку предисловия к Нижегородским писцовой и переписной книгам дал С. Н. Валк: «Предисловие в таком составе и в таком исполнении явилось в тогдашней археографии образцом теоретически продуманного, разностороннего его построения»⁸⁷. Рассматривая состав этого предисловия, Валк отмечал, что, во-первых, в нем мы находим суждения «об общем источниковедческом значении писцовых книг, как материала первостепенной важности для изучения истории тягловых классов русского общества XV—XVII веков»; во-вторых, сведения об истории составления издаваемых книг; в-третьих, в нем дано палеографическое описание рукописей; в-четвертых, изложены приемы издания и, наконец, в-пятых, определен состав указателей⁸⁸.

Издания, подготовленные Лаппо-Данилевским в Археографической комиссии, укрепляли его научный авторитет. При его избрании в 1899 году в Академию

наук отмечалось, что редактируемые им издания отличаются «удачным и точным воспроизведением текстов, снабженных критическим аппаратом», и сопровождаются введениями, посвященными «ученой разработке той или другой специальной темы»⁸⁹. Лаппо-Данилевский многие годы плодотворно сотрудничал с Археографической комиссией, к работе которой «относился с неизменным интересом и принимал живое участие во всех ее занятиях... и в разработке научных вопросов, в них рассматривавшихся»⁹⁰.

В недавно опубликованной книге В. С. Брачева, посвященной Археографической комиссии, утверждается, что комиссия не проявляла интереса к крупномасштабным, капитальным изданиям, и, в частности, указывается на бездействие Лаппо-Данилевского⁹¹. Однако следует напомнить, что именно в это время Лаппо-Данилевский готовит в Академии наук издание грамот Коллегии экономии.

Лаппо-Данилевский также входил в состав Императорской Археологической комиссии Министерства народного просвещения и состоял одно время секретарем, а затем председателем секции русской истории Исторического общества, созданного по инициативе Н. И. Кареева при Санкт-Петербургском университете, и секретарем Отделения Русских и Славянских древностей Императорского Археологического общества.

Кроме этого Лаппо-Данилевский сотрудничал с Особой комиссией при Императорском Русском историческом обществе, членом которой он являлся с марта 1914 года. Задача, которая была поставлена перед этой комиссией, состояла в приведении в надлежащее состояние местных правительственных архивов и находя-

щихся в них исторических материалов, а также в разработке мер по их сохранению. Комиссию возглавлял помощник председателя общества А. Н. Куломзин, секретарем был С. М. Середонин. Для реализации поставленных задач было решено провести в Петрограде съезд представителей архивных комиссий. В мае 1914 года съезд состоялся, в его решениях было записано: просить об увеличении числа архивных комиссий, выяснить полномочия этих комиссий и предоставить каждой из них право изучать в своем районе архивы всех ведомств и учреждений, продолжить начатое многими комиссиями обследование местных архивов⁹². По итогам съезда Особая комиссия выявила районы действий существующих архивных комиссий и обратилась к губернаторам тех областей, в которых архивных комиссий еще не было, с запросом о их создании. Особое внимание комиссии было обращено на рукописные фонды, заслуживающие сохранения в местных архивах. Война 1914 года существенно повлияла на деятельность Особой комиссии. Ей пришлось отказаться от исполнения многих постановлений съезда. Однако комиссия продолжала, по мере возможности, содействовать архивным работам своих местных сотрудников. После смерти С. М. Середонина в январе 1915 года Лаппо-Данилевского избрали секретарем Особой комиссии.

В качестве представителя Академии наук Лаппо-Данилевский выступал с лекциями за границей. Так, например, в 1916 году в Англии он прочел лекцию о русской науке, в которой указал на специфические черты русских ученых. С. Ф. Ольденбург в своих воспоминаниях следующим образом описывал вечер у Лаппо-Данилевского накануне его отъезда в Англию:

«Он [Лаппо-Данилевский] говорил и увлекался тем, что говорил. „Я много думал о своей теме, — сказал он, — много перечел и пересмотрел, и мне показалось, что я ясно вижу, как через всю научную работу русских ученых, в какой бы области они ни работали, проходит одно настроение, одно чувство, одна мысль: их работа связывается с жизнью, с тем, что мы в России зовем идеею; для русского ученого нет науки вне жизни и без жизни; конечно, есть отдельные исключения, но это те исключения, которые, как говорится, подтверждают правило. Припомним хорошенько русских историков и в XVIII и в XIX веках и в наши дни, и ты согласишься со мною. Вот это мне бы так хотелось сказать на Западе, дать им понять, чем мы живем, что живит нашу работу. Не знаю, найду ли я только настоящие слова“»⁹³. Лекция имела большой успех и была опубликована⁹⁴. По этому поводу Э. Л. Радлов писал Лаппо-Данилевскому: «Я с величайшим удовольствием прочел Ваш превосходный очерк истории умственной, по преимуществу, научной жизни России. Думаю, что никто, кроме Вас, не в состоянии написать такого очерка, охватывающего всю научную Россию»⁹⁵. В том же году Лаппо-Данилевский был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета (LLD).

Значительное место в кругу профессионального общения Александра Сергеевича занимали британские историки. В мае 1915 года группа английских историков обратилась в Российскую Академию наук с предложением о создании русскими учеными развернутого обобщающего курса истории России для англоязычного читателя. Задачей издания, по замыслу оксфордского профессора Ф. А. Гольдера, было ознакомление анг-

лийского читателя с фактами и малоизвестными вехами русской истории. С этой целью предполагалось привлечь к подготовке многотомника наиболее авторитетных русских историков. Инициаторы работы обратились к Лаппо-Данилевскому с просьбой подобрать и возглавить авторский коллектив, а также стать главным редактором и содиректором издания, которое должно было выйти в лондонском издательстве «Macmillan and Co».

Практическое осуществление замысла началось в апреле 1916 года. В письме Лаппо-Данилевского к Гольдеру от 13 апреля говорилось о состоявшейся у него встрече с «М. А. Дьяконовым, Пресняковым, Корниловым, Барковым, Рождественским и договоренности с отсутствовавшими, но согласившимися принять участие в работе Приселковым, Вернадским и Шахматовым». В этом же письме он приводил план издания: «Т. 1. 1. Историография (история русской истории — Лаппо-Данилевский); 2. Славянские древности — Шахматов; 3. Киевская Русь — Приселков; 4. Литовская Русь — Дьяконов, проф. Рождественский, Платонов (?); Т. 2. 1. Петр Великий и пр. — проф. Богословский (?); 2. Его преемники — проф. Полиевктов, проф. Готье (?) и др.; Екатерина Вторая — проф. Кизеветтер (?), Лаппо-Данилевский, Барков и др.; Т. 3. Александр I, Николай I, Александр II и III — Корнилов (А. А.), проф. Полиевктов и др. Т. 4. Редактор для этого тома еще не найден»⁹⁶. Сложность издания этого труда была обусловлена несколькими причинами. Авторы не смогли вовремя представить свои материалы. В результате первоначально установленный еще в апреле 1916 года контрольный срок до 15 мая 1917 года был

продлен до 20 августа. К тому же возникли некоторые научные трения с английской стороной. Впоследствии главными и непреодолимыми оказались не научные и организационные препятствия, а политические.

Лаппо-Данилевскому приходилось много заниматься организационной работой. Он был членом Международного социологического института. После образования в 1916 году Российского Социологического общества им. М. М. Ковалевского он стал его первым председателем. В том же году ученый был избран в члены Русского Исторического общества и секретарем состоявшей при обществе особой комиссии по сохранению местных архивных материалов. В 1917 году он был избран председателем подкомиссии по предложенному им изданию сборника «Русская наука».

Большую часть своей жизни Лаппо-Данилевский сторонился активного участия в общественно-политической жизни. Однако в 1905 году обстоятельства изменились. Историк был избран в Государственный совет в качестве представителя Академии наук. И. М. Гревс писал в этой связи, что не терпевший политики Александр Сергеевич тем не менее «считал долгом отдавать дань служению родине и народу, которых он всегда любил и почитал. Скрепя сердце он принял избрание в Государственный совет во время Первой Думы»⁹⁷. Но уже в мае 1906 года он в письме к А. А. Шахматову пессимистически высказывался относительно своей деятельности в Государственном совете⁹⁸. Позднее, в июне 1906 года, он писал секретарю Академии наук и своему другу С. Ф. Ольденбургу: «Первая половина прошла плохо, чему немало содействовало заседание в Гос. Совете»⁹⁹. В Государственном совете Лаппо-Данилевский

выступал лишь один раз — по поводу отмены смертной казни. Не будучи по своему характеру политиком, ученый счел, что работа в этом органе приводит только к потере ценного для него времени, которое он с большей пользой мог бы употребить на науку. Поэтому он вышел из состава членов Государственного совета незадолго до закрытия его первой сессии.

По поручению Академии наук совместно с академиком А. А. Шахматовым Лаппо-Данилевский составил записку «О свободе печати», принятую общим собранием академии 12 марта 1905 года. В ней подробно была рассмотрена судьба российской печати и указано на то непоправимое зло, какое наносит народу отсутствие свободы слова. В записке, в частности, отмечалось: «Общество, признающее печать всегда и везде выразительницей своего мнения, требует от государства одного, — и это даже в сложном деле борьбы с социальными недугами, которыми болеет всякая страна, — оно требует свободы для своего мнения, для своего слова... судьба нашей печати и вместе с тем судьба общества находится во власти правительства. Неужели оно пренебрежет печатью именно теперь, когда так важно оградить общество от разложения и осуществить великие реформы? Освобождение печати неотложно, его ждет вся Россия!»¹⁰⁰

Лаппо-Данилевский был членом кадетской партии. После февральской революции 1917 года он входил в комиссию Ф. Ф. Кокошкина по выработке избирательного закона Учредительным собранием¹⁰¹. По свидетельству И. М. Гревса, Александру Сергеевичу «хотелось поддержать благородный опыт Временного правительства спасти родину и ее честь, сохранить культуру,

организуя свободу»¹⁰². Однако ученый так и не смог включиться в активную политическую деятельность.

Революция, война поразили Лаппо-Данилевского. Насилие всегда было неприемлемо для его нравственного сознания. То, что последовало после октябрьских событий 1917 года, стало для ученого тяжелой мукой. «Можно с уверенностью сказать, что душевное настроение, созданное октябрьским переворотом, подорвав творческую энергию Александра Сергеевича, заставило его прежде всего задуматься о реализации своего накопленного исследовательского достояния», — констатировал С. Н. Валк¹⁰³.

Последний год жизни Лаппо-Данилевского был полностью посвящен науке. В работе он видел свое спасение. Перестройка государственной системы привела к упразднению множества прежних правительственных учреждений, к созданию новых, к спешной реорганизации старых, что осложняло работу архивов. Архивное дело стало зависимо от политической конъюнктуры. В итоге часть ценнейших архивных фондов погибла. В этих условиях Лаппо-Данилевский стал организатором Союза архивных деятелей, который был образован в марте 1917 года¹⁰⁴. В союз вошли, кроме отдельных представителей, более тридцати столичных и провинциальных учреждений, представляющих архивы и рукописные хранилища. В июне 1917 года Временное правительство утвердило устав союза. Главной целью его стало создание авторитетного и полномочного органа по руководству организацией архивного дела в России, органа, который имел бы общее государственное значение. Союз наметил ряд задач по разработке принципов и методов архивоведения, составил программу издания

трудов справочного и научного характера, а также проведения курсов и лекций по теории и практике архивного дела. Лаппо-Данилевский был председателем межведомственного совещания по вопросу о положении губернских ученых архивных комиссий. В этом качестве он руководил охраной материалов и эвакуацией архивов из Петрограда.

Первым шагом союза должен был стать созыв все-русского съезда архивных деятелей, разработка положения о местных архивных организациях и создание центральной архивной комиссии — полномочного органа по управлению всем архивным делом. Была разработана программа съезда, проведение его было назначено на декабрь 1917 года.

После октября 1917 года начинания Союза архивных деятелей не получили поддержки у советской власти. Союз превратился в частный кружок без полномочий и средств, в этих условиях он даже не мог справиться с задачей спасения и охраны гибнущих архивных ценностей. Декретом Совета Народных Комиссаров от 1 июня 1918 года было создано Главное управление архивного дела. В соответствии с декретом все архивы правительственных учреждений были ликвидированы, а хранящиеся в них дела и документы передавались в единый государственный архивный фонд. Лаппо-Данилевский вошел как представитель Академии наук в первый совет по делам управления государственным архивным фондом и принял деятельное участие в выработке основ намеченной реформы архивного дела¹⁰⁵. Однако дальнейшее подчинение Главархива новому правительству нивелировало значение совета, и Лаппо-Данилевский вышел из него.

В начале 1919 года Лаппо-Данилевский заболел, на ноге образовался нарыв, его поместили на лечение в Военно-медицинскую академию. В больнице он продолжал следить за работой руководимых им комиссий и научных учреждений, просматривал корректуру и отчеты, готовил к печати новую редакцию «Методологии истории». После операции начался процесс выздоровления. Однако гнойные остатки не были удалены полностью и стали быстро распространяться по всему организму. П. А. Сорокин так вспоминал о последних днях Лаппо-Данилевского: «На прошлой неделе, когда я посещал его, он выглядел живым скелетом. Слабо улыбаясь, он рассказал, что несколькими днями ранее, по дороге в академию, упал и слегка повредил ногу. Три дня спустя я навестил его в больнице, где ему сделали хирургическую операцию. Лежа в больничной койке, этот умирающий человек читал „Феноменологию духа“ Гегеля. „Никогда не было времени внимательно проштудировать ее, — прошептал он, — Начну сейчас“. На следующий день он скончался»¹⁰⁶. Это произошло 7 февраля 1919 года.

Примечания

¹ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 9.

² Цит. по: Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 50.

³ *Лаппо-Данилевский А. С.* Автобиографический очерк // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 1. Пг., 1915. С. 406.

⁴ Цит. по: Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 64—65.

⁵ *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 54.

⁶ Там же.

⁷ *Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 85.

⁸ *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 59.

⁹ *Гревс И. М.* Очерк первый. Из университетских лет. «Студенческое научно-литературное общество» в Петербурге. 1880-е годы // Былое. 1918. № 12. Кн. 6, июнь. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 59.

¹² Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 39 об., 10, 7.

¹³ Там же. Л. 37.

¹⁴ Там же. Ф. 934. Оп. 5. Д. 222. Л. 5 об.

¹⁵ См.: Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 24.

¹⁶ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 16.

¹⁷ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 1. С. 406.

¹⁸ *Иллерецкая Н. В.* Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998. С. 57.

¹⁹ См., напр.: *Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX—XX веков. М., 1995.

²⁰ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 21.

²¹ Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Л., 1928. С. 8.

²² *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 67, 25, 24.

²³ *Гревс М. И.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 60—61.

²⁴ Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. С. 8.

²⁵ См.: *Стасова Е. Д.* Воспоминания. М., 1969. С. 21—22.

²⁶ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 1. С. 408.

²⁷ *Гревс И. М.* В годы юности // Былое. 1919. № 12. С. 80—81.

²⁸ См.: *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3. С. 13; *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 54—55.

²⁹ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 56.

³⁰ См.: *Андреев А. И.* Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частнопровольных актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященный Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 1—7.

³¹ См.: *Шилов А. А., Андреев А. И.* Лекции и практические занятия А. С. Лаппо-Данилевского в Петроградском университете // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 42—43.

³² Романов Б. А. А. С. Лаппо-Данилевский в университете // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 183.

³³ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. 1. СПб., 1910; он же. Методология истории. Вып. 2. СПб. 1913.

³⁴ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 94.

³⁵ Веретенников В. И. Памяти дорогого учителя // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 202.

³⁶ Райнов Т. И. О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского (к 25-летию ученой деятельности) // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3. С. 56, 57.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 57.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Кондратьев Н. Д. Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского // Историческое обозрение. 1915. Т. XX. С. 105.

⁴¹ Греков Б. Д. Ученая и учебная деятельность А. С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1919. № 56. С. 155.

⁴² Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 187—188.

⁴³ Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 2. Д. 142. Л. 7.

⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 278. Л. 87—91 об.

⁴⁵ Цит. по: Известия Российской Академии наук. 1919. № 8—11. С. 361.

⁴⁶ Там же. С. 360.

⁴⁷ Там же. С. 361.

⁴⁸ См.: Академия наук СССР. Персональный состав. М., 1974. Кн. 1.

⁴⁹ Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 164.

⁵⁰ Протоколы заседаний Отделения исторических наук и филологии. 1900. V. 24. § 147.

⁵¹ См.: Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской Академии наук. 1900. 1-е приложение к протоколу заседания от 25 октября 1900 г.

⁵² См.: Там же. 1901. 2-е приложение к протоколу заседания от 10 января 1901 г.

⁵³ См.: Правила издания сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

⁵⁴ См.: Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922; Т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кевроло-Меденского и Ванского уездов. Л., 1929.

⁵⁵ См.: *Копанев А. И.* Археологическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1978. Т. 9. С. 82.

⁵⁶ *Валк С. Н.* Сборник грамот Коллегии экономии: Историкографические заметки // *Валк С. Н.* Избранные труды по археографии. СПб., 1991. С. 34.

⁵⁷ Цит. по: *Копанев А. И.* Археологическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 9. С. 89.

⁵⁸ См.: *Проблемы источниковедения*. М.; Л., 1936. Сб. 2. С. 333—379.

⁵⁹ См.: *Терминологический словарь частных актов Московского государства* / Под ред. и с предисл. А. И. Андреева. Пг., 1922.

⁶⁰ *Известия Императорской Академии наук*. VI серия. Т. VIII. 1914. № 18. С. 1455—1479.

⁶¹ Там же. С. 1478.

⁶² *Русский исторический журнал*. 1920. Кн. 6. С. 169.

⁶³ *Лаппо-Данилевский А. С.* Записка о трудах А. А. Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии // *Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской Академии наук*. 1900. Приложение к протоколу заседания 16 февраля 1900 г. С. 2.

⁶⁴ См.: Там же; Издание статей А. А. Куника: «Открытое письмо к сухопутным морякам» // *Известия Аль-Бекри и дру-*

гих авторов о Руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903; Карты и планы Невы и Ниэншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. (Приготовлены и изданы под ред. А. А. Куника и А. С. Лаппо-Данилевского). СПб., 1913; Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниэншанца. Приложение к труду А. И. Гиппинга «Нева и Ниэншанц» с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916.

⁶⁵ См.: Записка академика А. С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий // Известия Императорской Академии наук. V серия. Т. XXII. № 1. 1905. С. OIII—OVII.

⁶⁶ Там же. С. OIII.

⁶⁷ См.: Нева и Ниэншанц. Сост. А. И. Гиппин. Вступ. статья Л.-Данилевского. Ч. I. СПб., 1909. С. I—XVI.

⁶⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. II. М., 1946. С. V.

⁶⁹ См.: *Александров А. А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского // Археографический ежегодник. 1993. М., 1995. С. 172—188.

⁷⁰ Цит. по: *Шмидт С. О.* Привлечение интеллигенции к советскому строительству // Интеллигенция и революция, XX век. М., 1985. С. 165.

⁷¹ См.: *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Подг. к печ. А. И. Копанев и Н. В. Кукушкина. Под ред. С. Н. Валка. М.: Л., 1961.

⁷² См.: Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской Академии наук // Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии наук. 1918. Приложение к протоколу заседания от 18 (5) июня 1918 г.

⁷³ Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской Академии наук. 1909. 16 октября, § 188.

⁷⁴ См.: Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1—2. С. 142.

⁷⁵ Протоколы заседаний историко-филологического отделения Императорской Академии наук. 1909. 14 января, § 20.

⁷⁶ См.: Отчеты Академии наук за 1903 г. СПб., 1903. С.15.

⁷⁷ Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 2. Д. 338. Л. 26.

⁷⁸ Там же. Л. 57 об., 59.

⁷⁹ Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Сост. Е. Ф. Шмурло. Т. 1. Вып. 1. 1907; Вып. 2. 1911; Т. 2. Вып. 1. 1908; Вып. 2. 1913; Т. 3. Вып. 1. 1914; Вып. 2. 1915; Т. 4. 1915.

⁸⁰ См.: Сообщение о международном конгрессе историков, проходившем в Берлине 6—12 августа 1908 года // Известия Императорской Академии наук. Серия IV. Т. II. 1908. № 14. С. 1113—1116; L'idée de l'Etat et son evolution en Russie depuis les troubles du XVII-eme siecle jusqu'aux reforme du XVIII-me // Essays in legal history read before the International Congress of historical studies held in London, ed. by P. Vinogradoff. Oxford. 1913. P. 356—383.

⁸¹ См.: Программа международного исторического конгресса в С.-Петербурге в 1918 г. СПб., 1913.

⁸² *Вернадский Г. В.* Русская историография. С. 187.

⁸³ Летопись занятий Археографической комиссии за 1888—1894 гг. СПб., 1903. Вып. 11. С. 180, 181.

⁸⁴ Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 698. Л. 1.

⁸⁵ См.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1895—1899 гг. Вып. 12. С. 26, 27.

⁸⁶ *Пресняков А. Е.* Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 100.

⁸⁷ Цит. по: *Копанев А. И.* Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 9. С. 84.

⁸⁸ Там же. С. 84, 85.

⁸⁹ Летопись занятий Археографической комиссии за 1919—1922 гг. Л., 1925. Вып. 32. С. 11.

⁹⁰ Там же. С. 24.

⁹¹ *Брачев В. С.* Петербургская Археографическая комиссия. 1834—1929 гг. СПб., 1997. С. 88.

⁹² См: Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6—8 мая 1914 г. СПб., 1914.

⁹³ Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 179—180.

⁹⁴ The development of science and learning in Russia // *Russian Realities and Problems* edit. by J. D. Duff. Cambridge. 1917. P. 153—229.

⁹⁵ Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 2. Д. 240. Л. 2.

⁹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 300. Л. 3; Д. 127. Л. 24—25.

⁹⁷ Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 185.

⁹⁸ См.: Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 134. Оп. 3. Д. 821. Л. 26.

⁹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1906 г. Д. 1. Л. 156.

¹⁰⁰ Цит. по: Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 171—172.

¹⁰¹ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. Пг., 1917. С. 25.

¹⁰² Там же. С. 78—79.

¹⁰³ Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 244.

¹⁰⁴ См.: *Пресняков А. Е.* Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 205—222.

¹⁰⁵ См.: Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 521—523.

¹⁰⁶ *Сорокин П. А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 145.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Первые исторические работы

В ряду русских историков Лаппо-Данилевский занимает свое обособленное положение. История России — главная тема его специальных исторических изысканий. Но даже при изучении частных проблем русской истории он старался исходить из общего представления о задачах и целях научного исторического исследования. «Его научный интерес, — писал А. Е. Пресняков, — был сосредоточен, можно сказать, не на русской истории ради нее самой, как у большинства представителей этой специальности, а на исторической науке в целом, в ее принципиальных, теоретических основах и методах. Русский материал — как в смысле источников, так и в смысле изучаемых явлений — представляется лишь существенным, но внешним условием его ученой работы, объектом экспериментального применения, проверки и конкретизации общих представлений о методологических и феноменологических задачах исторической науки»¹. Для Лаппо-Данилевского было важно широкое и общее понимание самой истории, даже не исторического процесса, а самого исторического предмета. Предметную область

истории, по его мнению, составляют явления духовные, хозяйственные и правовые, взаимодействующие в пределах разнородных социальных групп (народов), а также то отношение, в каком народы состоят друг к другу². Свой первый курс по русской истории, прочитанный в Историко-филологическом институте в 1890/91 году, Лаппо-Данилевский начинал именно с такого определения истории: «Прошло время, когда история была лишь только искусственным литературным рассказом любопытных и поучительных происшествий. Как наука, которая изучает явления развития, обнаруживающиеся во взаимодействии индивидуумов, история в настоящее время следит за развитием этого взаимоотношения, в каком находились между собой явления духовные, т. е. религиозно-нравственные, умственные и эстетические, хозяйственные и правовые в пределах разнородных социальных групп, народов, а также отмечает то положительное или отрицательное влияние, какое эти народы мирным или враждебным путем оказывали друг на друга»³.

Задача исследования национальной, а именно русской, истории стала следствием такого понимания предмета истории, его конкретизации. Для философского отношения к истории особенно важен подход к частным историческим проблемам со стороны обобщающего взгляда на саму историю, обоснованного мировоззренчески и гносеологически. В утверждении такого подхода и проявилась, прежде всего, философская направленность работы Лаппо-Данилевского. «Он, напротив, — констатировал А. Е. Пресняков, — сознательно и упорно работает над сочетанием в себе философа и историка, и это наложило особый отпечаток на

всю его научную деятельность. <...> Его мысль шла всегда от общего к частному, от общих задач мировоззрения и теоретических предпосылок к конкретным задачам научного исследования»⁴.

Уточнение масштаба исторического исследования возможно либо со стороны общей нормы, определяющей свой объем на всеобщем понятии человечества, либо со стороны специфических, а потому разнородных признаков или типов конкретных проявлений человечества — отдельных народностей или, со стороны познания, национальных типов. Отсюда возникает два дополняющих друг друга вида истории: всеобщая и национальная история. В речи, произнесенной во время защиты магистерской диссертации, Лаппо-Данилевский следующим образом уточнил отношения двух этих видов истории: «Всеобщая история занимается изучением норм общественного развития, общих всему человечеству, или, по крайней мере, цивилизованной его части. Специальное изучение исторического развития известной народности, например, стремится к определению специфических ее признаков. Всеобщий историк, разумеется, знакомится с историей отдельных народностей, но отвлекает от них одни общие нормы; историк, специально изучающий историю той или другой народности, напротив, следит за теми видоизменениями, каким подвергаются общие нормы под влиянием специфических особенностей изучаемого ими типа, и, таким образом, проверяет, исправляет и дополняет выводы, уже занесенные на страницы всеобщей истории. Вот почему изучение национальной истории должно иметь особенно ценные результаты в том случае, когда

обращено будет на периоды наиболее резкого развития специфических особенностей изучаемого типа»⁵.

Особенность подхода Лаппо-Данилевского к русской истории состояла в изложении ее вне культурно-исторической периодизации. Так, рассматривая Великокорусское государство XV—XVI веков, историк объединял его с Московским государством XVII века. Видное место в работах Лаппо-Данилевского по русской истории занял XVIII век, период, когда сложился определенный уклад государственного и социального строя. Обращение к этому времени было связано с рождением, по его мнению, новой общественности, новой духовной культуры, новых форм социально-экономической жизни, правосознания и правовой деятельности.

Уже в студенческие годы появились первые работы Лаппо-Данилевского по русской истории⁶. В этих исследованиях были затронуты темы, которые разрабатывались им и в дальнейшем. Так, например, разбирая труд В. И. Ламанского «*Secrets de l'état de Venise*», начинающий историк поднял вопрос о необходимости систематического пересмотра иностранных архивов с целью извлечения из них всего, что имеет отношение к русской истории. В частности, он отмечал особое значение итальянских архивов для истории церковно-религиозных отношений России с Западной Европой и роли Московского государства в «восточном вопросе». Этот замысел был осуществлен, когда был образован корреспондентский пункт Академии наук в Риме.

Первым крупным сочинением историка были «Скифские древности»⁷, написанные еще в студенческие годы, затем переработанные и напечатанные в 1887

году. В этой статье соединялись русская история, античность и археология, а также были привлечены методы изучения вещественных и художественных памятников, анализ письменных источников. Однако работа показала неопытность автора, проявившуюся, прежде всего, в неточном названии, которое сужало научный замысел и в строгом смысле не соответствовало разрабатываемой теме.

В то же время эта работа показала умение автора хорошо пользоваться различными источниками, а также способность их анализировать. Его исследование было построено на основе богатого географического и исторического материала, классической и новейшей литературы, внимательного и всестороннего изучения археологических данных. Молодой исследователь одним из первых в отечественной исторической литературе дал картину жизни и быта, обычаев и общественного устройства различных скифских племен. Огромное внимание было уделено тому, что сегодня называется «историей повседневности», — занятиям, пище, жилью, одежде, утвари, вооружению, нравам и обычаям, семейным отношениям, верованиям скифов. «Скифские древности» должны были раскрыть дух народа, без которого, по словам Лаппо-Данилевского, «жизнь перестает быть жизнью, народ — народом»⁸.

В этом исследовании Лаппо-Данилевский также обнаружил умение устанавливать факты и извлекать из них необходимую информацию. Анализ фактов позволил выделить исторические этапы и особенности развития западных и восточных скифов, описать их взаимоотношения с греческими колониями в Северном Причерноморье. Однако скудность источников, на которую

постоянно указывал исследователь, не позволила ответить на ряд вопросов, что, в свою очередь, породило спорность некоторых выводов. Так, например, Лаппо-Данилевский считал скифскую культуру вторичной, обусловленной греческими образцами. Он не признавал самостоятельного «звериного стиля» в искусстве скифов. Понимая спорность многих своих выводов, историк не претендовал на их абсолютность. «Вполне сознаем, — писал он, — что исследование это многое оставляет неясным, многое может быть и неправильно решенным. Но тому извинением, по крайней мере отчасти, могут служить, с одной стороны, те затруднения, которые встречаются тут так часто на пути, с другой — молодость и неопытность пера, писавшего эти строки»⁹.

В исследовании Лаппо-Данилевского проявился излишний педантизм молодого ученого, что, в частности, обнаружилось в доказательстве археологическими данными очевидных и известных вещей. Например, он отмечал, что «для охоты, кроме оружия, скифы употребляли охотничьих собак», или посвятил несколько страниц описанию привязанности и почитания скифами коней, указывая на нахождение конских остатков в курганах¹⁰. Тем не менее следует признать, что здесь в полной мере (хотя и несколько ученически) проявилось традиционное для его творчества стремление к точности и фактическому обоснованию выводов.

Работа молодого ученого вызвала большой отклик среди специалистов. В развернутой рецензии Ф. Г. Мищенко¹¹, известного филолога, специалиста по древним греческим и латинским рукописям о скифах, был высказан ряд критических замечаний, касающихся положе-

ний Лаппо-Данилевского. Речь шла об отсутствии различия между восточными и западными скифами; нечеткости понятий, связанных с характеристикой западноскифских погребальных обрядов; о предвзятом и догматическом изложении географии и топографии Скифии.

Дискуссионный характер рецензии Мищенко спровоцировал ответ Лаппо-Данилевского. В нем отчетливо просматривается научная корректность историка, который не оправдывается и в то же время признает многие свои ошибки. «Критика г. Мищенко на мое сочинение о скифских древностях, — отвечал историк, — появившаяся в сентябрьской книжке ЖМНП, кажется мне во многих отношениях вполне справедливой»¹². Соглашаясь частично со своим оппонентом, Лаппо-Данилевский в то же время отстаивал правомерность своей точки зрения. Его аргументация повторила основные положения, высказанные в работе, в еще более четкой форме.

«Скифские древности» оказались своеобразной заявкой на будущее и показали, что от молодого историка следует ожидать интересных исследований. Археология осталась одним из его устойчивых научных интересов. Внимательно следя за развитием этой науки в России и в других странах, Лаппо-Данилевский опубликовал в 1893 году монографию «Древности кургана Карагодеуаш как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до Р. Х.»¹³.

Курган Карагодеуаш находился в двух километрах от станицы Крымской земли Кубанского войска и был обнаружен в 1888 году членом кубанского статистического комитета Е. Ф. Филициным. Результаты раскопок оказались очень обнадеживающими, а предметы, найденные в нем, имели большую ценность. Исследова-

ние этого кургана археологическая комиссия поручила Лаппо-Данилевскому, который взял на себя описание самих раскопок и определение бытового и исторического значения древностей кургана. Так же как и в своей предыдущей работе, историк продемонстрировал обстоятельное знакомство с источниками по скифскому вопросу и тщательное знание новых материалов.

Сооружение кургана, на основании художественных особенностей найденных в нем предметов, Лаппо-Данилевский отнес ко второй половине IV или началу III века до н. э. Изучение же известий древних авторов о племенах, живших у северо-восточных берегов Черного моря, привело исследователя к заключению, что в кургане Карагодеуашх похоронены царь и царица племени синдов, которое он считал возможным причислить к меодам, родственникам скифско-сарматских племен.

К студенческим же годам относится начало активного изучения Лаппо-Данилевским архивных материалов. На их основе им был опубликован ряд специальных этюдов: о величине дворовых и огородных мест древнерусского города¹⁴, о «приправочных» книгах XVII века¹⁵, о «поверстной и указной книгах» Ямского приказа¹⁶. Уже после окончания университета было опубликовано исследование о «мостовых и решеточных деньгах» в Новгороде и Москве в XVII веке¹⁷, а также этюды, предпосланные изданиям «Кормленной книги Костромской чети»¹⁸, «писцовой и переписной книги» по Нижнему Новгороду¹⁹, «записной книги» крепостных актов дьяка Д. Алябьева²⁰, «отрывков из дела о сборе земли, дров и денег на „емчужное дело“ с погостов Новгородских пятин XVI века»²¹, «веревной книги Николаевского Корельского монастыря 1707 г.»²².

История Московского государства XVII века

На четвертом курсе университета молодой ученый начал заниматься историей московского государственного строя. Исследование этой темы он продолжил и после окончания в 1886 году университета. В 1890 году Лаппо-Данилевский защитил магистерскую диссертацию «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований», которая вышла отдельной книгой, вызвав большой интерес специалистов. Обширную рецензию на нее по поручению Академии наук дал П. Н. Милюков. Работа Лаппо-Данилевского, по признанию рецензента, стала одним из «самых замечательных явлений в русской исторической литературе»²³.

Выбор темы был очень удачен с точки зрения интересов современной науки и общественной жизни России и Западной Европы того времени. Это наглядно проявилось в вышедшей в том же году работе И. И. Янжула «Основные начала финансовой науки», в которой была показана популярность финансовых вопросов в современном обществе и их всестороннее значение для экономической, политической и культурной жизни страны. «Состоянием финансов, — писал И. И. Янжул, — в настоящее время измеряется самое могущество государств: не в солдатах их главная сила, а прежде всего в тех имущественных средствах, которыми они могут располагать в данную минуту; финансы являются мерилем благосостояния страны, мерилем цивилизации». Следует отметить еще один момент, высказанный И. И. Янжулом и имеющий непосредственное отношение к исследованию Лаппо-Данилевского:

«Самые формы правления до известной степени определяются финансовой организацией и финансовыми потребностями государства, без знакомства с финансовою организацией нельзя понимать ни истории, ни политики, ни государственного устройства; до такой степени все это тесно связано, слито с теми или иными финансовыми явлениями»²⁴.

Проблема, поставленная в исследовании Лаппо-Данилевского, в той или иной степени затрагивалась в работах видных отечественных историков. В трудах Б. Н. Чичерина, В. И. Сергеевича, В. О. Ключевского были подробно рассмотрены взаимоотношения между податными классами. В работах по истории местного управления Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, Н. В. Калачева была дана картина местного финансового управления и организации центральных финансовых учреждений. Вопросы истории русских финансов нашли отражение в исследованиях Ю. А. Гагеймстера, И. Д. Беляева, В. И. Кури, Н. А. Осокина.

Труд Лаппо-Данилевского существенно отличался от большинства исследований по данной теме, прежде всего широтой поставленной задачи. Автор не ограничился разбором происхождения и видов прямых налогов, порядка обложения, их раскладки и взимания, а дал обзор общественных условий, на почве которых возникла организация прямого обложения. В работе была рассмотрена история финансовых приказов, а также поднят вопрос о том, куда поступали прямые налоги и как они распределялись по центральным учреждениям.

Другая особенность работы состояла в обилии документального материала, использованного автором.

Он не только учитывал все вышедшие к моменту написания работы источники, но и привлек значительное количество материалов, разбросанных по многочисленным, малодоступным провинциальным изданиям — губернским ведомостям, памятным книжкам, ежегодникам статистических комитетов. Благодаря этому в научный оборот было введено несколько новых важных документов: данные о количестве отписанных в посадское тягло дворов и людей. Особое значение имел рукописный материал, извлеченный из московских архивов Министерства юстиции и Министерства иностранных дел, а также из Публичной библиотеки в Петербурге.

Одним из основных рукописных источников работы Лаппо-Данилевского явились писцовые книги. По существу, он открыл в них значимый историко-юридический источник — в предшествующей русской исторической и юридической литературе они не рассматривались в таком качестве и столь обстоятельно. В работе были детально изучены разновидности писцовых книг. Своим исследованием Лаппо-Данилевский опроверг точку зрения византологов, пытавшихся доказать заимствование из Византии образцов, на основе которых составлялись отечественные писцовые книги²⁵. Подвергая строгой критике способы и приемы составления писцовых книг, а также степень их достоверности, молодой историк пришел к заключению, что «народные переписи, производившиеся в Московском государстве с XV века до второй половины XVII века, едва ли имели равные им правительственные предприятия в Западной Европе за тот же период времени»²⁶.

Практически одновременно с работой Лаппо-Данилевского вышла близкая по теме книга Н. Д. Чечулина

«Города Московского государства в XVI веке» (СПб., 1890). Сочинение Чечулина было также составлено на основе писцовых книг. Общий источник объединял и одновременно разъединял авторов. Разница заключалась в методологических приемах. Лаппо-Данилевский извлекал из писцовых книг только те данные, которые были ему необходимы для раскрытия темы. Чечулин же брал из каждой писцовой книги все данные для истории населения каждого отдельного города в XVI веке, и следовательно, все его изложение оказалось в зависимости от материала, находившегося в этих книгах. Лаппо-Данилевский дополнял материал новыми источниками, Чечулин же строил свое исследование на одном источнике. В этом проявилась особенность источниковедческого метода Лаппо-Данилевского — стремление к охвату по возможности большего количества источников и сопоставления их друг с другом. Впоследствии этот метод был обоснован в его «Методологии истории».

Включив в работу громадное количество материала, Лаппо-Данилевский сумел с ним справиться надлежащим образом. Материал не подавил исследователя, а был строго систематизирован и упорядочен, что явилось одним из несомненных достоинств книги.

Анализ источников позволил историку реконструировать финансовую систему и тем самым показать существенные особенности московского государственного и общественного строя. Для раскрытия финансовых отношений Лаппо-Данилевскому пришлось воспользоваться теоретическими знаниями в области финансового права и финансовой истории западноевропейских стран.

Более широкая задача, поставленная Лаппо-Данилевским в этой работе, состояла в изучении специфических особенностей истории русского народа как особенного национального типа. Он считал, что «развитие великорусской национальности было довольно односторонним. Оно сказывалось главным образом в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, а не в разностороннем историческом движении всей совокупности народных сил»²⁷. Таким образом на первый план выдвигалась история государства, что было характерно для «юридической» школы в русской историографии. Эта историографическая традиция к концу 80-х годов XIX века в значительной мере себя исчерпала. Поэтому выход книги Лаппо-Данилевского был встречен как возрождение основных положений этой школы.

Исследователь считал, что изучение русской истории может дать ценные результаты только в том случае, если оно будет направлено на изучение периодов более резкого развития специфических особенностей национального типа. Московское государство как определенный тип, по мнению историка, начало складываться в XIV—XV веках, но только с XVI века оно сформировалось как целостное явление. В XVII веке государственный строй обретает уже определенные и устойчивые взаимоотношения, которые регулируются по преимуществу правительственной деятельностью. Вот почему правительственная история должна стоять на первом плане при изучении XVII века, а в ней определяющее значение приобретала финансовая и военная организация.

Развивая юридическую теорию исторического процесса, движущей силой которого является «идея госу-

дарства», Лаппо-Данилевский опирался на существующую (хотя бы и в «свернутом» состоянии) в общественном сознании потребность в гармонии государственных интересов с интересами народных масс. Идея государства декларируется им как абсолютная ценность, которая постепенно осознается обществом и выступает как самодовлеющая сила. «По мере того, как росло и крепло Московское государство, в обществе развивалось сознание тех обязанностей, какие падали на его членов», — констатировал историк и утверждал, что это сознание «легло в основание правительственной деятельности и нередко руководило общественной мыслью»²⁸. Таким образом, он высказал мысль, что исторический процесс совершается движимый развитием идей, лишенных при этом какого-либо классового содержания.

Лаппо-Данилевский сконцентрировал внимание на вопросах государственного хозяйства Московской Руси, исследовал финансовую историю России как одну из сторон ее общегосударственной жизни. В этом и заключалось отличие его труда от работ историков-юристов, с одной стороны, и от исследований специального и узкофинансового характера, с другой.

Основное внимание было уделено рассмотрению организации прямого обложения как наиболее важного источника пополнения казны. Это не было случайностью, поскольку Лаппо-Данилевский считал, что финансовая политика Московского государства в XVII веке была направлена не на поощрение предпринимательской деятельности, а на пополнение казны любыми средствами. Следует отметить и тот факт, что он сделал попытку исторически объяснить происхождение прямо-

го обложения. Рассматривая развитие прямого обложения, историк обоснованно установил его связь, во первых, с изменениями, которые произошли во второй половине XVI века в областной администрации, и, во-вторых, с данью, которую население восточноевропейской равнины, как завоеванное, должно было платить победителям, сперва хазарам и норманнам, а с XIII века — татарам. Эта дань имела доминирующее значение до самого конца XV века, превратившись впоследствии в разнообразные подати и утратив свой исконный характер. Дань — первый и первоначально единственный тип прямой подати; отсюда необыкновенная устойчивость понимания этого термина в смысле прямого налога в противоположность пошлине — косвенному налогу.

Выясняя социально-экономические условия, при которых складывалась организация прямого обложения, Лаппо-Данилевский показал их влияние на общественный строй. Исследуемые явления были представлены в динамике, определенной местными условиями древнерусской жизни. Историк пришел к выводу, что определенная система налогов оформилась лишь к концу XVII века²⁹.

Между различными слоями населения в государстве, считал исследователь, сложилось разумное распределение обязанностей: одни служили, другие выполняли податные обязанности, платили прямые налоги. Среди последних главным слоем являлось крестьянство, объединенное в общины-волости. Складывание общины, в свою очередь, было в немалой степени вызвано полицейскими и фискальными интересами государства. Но Лаппо-Данилевский видел и структурирующую

роль экономических устремлений общины: так на почве тягла возникло самоуправление. Под воздействием тягловых нужд спланировалась и посадская община, интересы которой далеко не всегда совпадали с крестьянской.

В работе была подробно проанализирована система расклада податей со стороны правительства и мира, организация взимания податей царской администрацией, движение податных сумм из областных в центральные учреждения. Все попытки царской власти в XVII веке создать строгую систему центральных органов финансового управления историк признавал малоэффективными, так как «во главе народа русского не стояло еще гениального ума, который сумел возвыситься над потребностями минуты до более общего плана административных реформ...»³⁰.

Лаппо-Данилевский пришел к следующим выводам. Во-первых, до последней четверти XVII века в Московском государстве не существовало строго определенной и теоретически выработанной системы налогов. Во-вторых, тягловые интересы в XVII веке были центральными как в крестьянской, так и в посадской общине. Это обусловило влияние правительства на общину, которое выразилось главным образом в стремлении прикрепить тяглецов к месту. В-третьих, подробно рассмотрев податные единицы, которыми правительство измеряло налогоспособность отдельных лиц и целых поселений, он дал характеристику единицам измерений: *саха*, «*живущая четверть*» и *двор*. Подробно были выяснены причины перехода в финансовой системе от первой из них ко второй и третьей. Лаппо-Данилевский впервые сформулировал точное определение «живущей четверти» как податной единицы, состоящей из определенно-

го, но изменявшегося (сообразно роду поместья) числа крестьянских и бобыльских дворов, служившей переходной ступенью от посотной подати к подворной. В-четвертых, на основании государственных росписей и смет историк пришел к заключению, что финансовая система Московского государства XVII века носила чисто репарационный характер. В-пятых, общий вывод всего исследования состоял в установлении связи между общей русской государственной жизнью того времени и финансовой системой, выразившейся в постепенном поглощении частных интересов государственными, в усилении централизации и милитаризма.

Работа Лаппо-Данилевского вызвала много откликов среди специалистов³¹. Из них следует особо отметить рецензию и книгу П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого». Хотя его исследование и выходило за рамки московского периода, но примерно четверть его посвящена выяснению основных черт московского государственного хозяйства в XVII века. Книга Милюкова во многом дополняла работу Лаппо-Данилевского.

Оба историка строили свои исследования главным образом на архивных источниках. Именно здесь и проявилось научное «зазнайство» Милюкова, что нашло свое отражение в рецензии. Он упрекал Лаппо-Данилевского в формулировании выводов на подборе единичных фактов: «Автор и здесь накопил весьма значительную массу единичных фактов, но не занялся их предварительной критикой, отделением в них индивидуальных черт от общих и ограничился простым сопоставлением их» — или: «Автор делает заключение об

установленном порядке по единичным случаям, подбор которых всегда будет не полон, сколько бы автор ни накапливал их, и пользоваться которыми нет надобности при существовании более надежных источников». В результате такого приема, по мнению рецензента, Лаппо-Данилевский «слишком часто приходит к заключению, что искомый, им порядок заключается в полном беспорядке, а описываемые им факты сводились к полной бесформенности»³². Такую характеристику можно было бы признать справедливой, если бы П. Н. Милюков доказал, что Лаппо-Данилевский мог получить более точные выводы на основании доступного ему материала.

Удалось ли самому Милюкову найти лучшие источники и прийти к более бесспорным выводам? Однозначно ответить на этот вопрос сложно, поскольку исследовательский материал в значительной своей части всегда случаен. Поэтому он охотно признавал, что окончательный приговор по поводу обсуждаемых им спорных вопросов принадлежит третьим лицам³³.

В своей работе Милюков придал многим положениям Лаппо-Данилевского дискуссионный характер. Воспользовавшись исследовательскими результатами своего предшественника, он при написании диссертации избежал многих промахов. Наиболее ценными оказались выводы по истории податного обложения, а именно по истории окладных единиц — сохи и «живущей четверти».

В XVII веке появился новый способ обложения — по «живущим четвертям». Лаппо-Данилевский первый предложил подробное объяснение этой системы, указав, что «живущая четверть» явилась переходной стадией от сошного обложения к подворному. «Слишком

резкий переход от сохи к двору смягчился тем, что облагаться стало не каждое отдельное хозяйство, а небольшая сумма таких хозяйств»³⁴.

К этому объяснению П. Н. Милюков предложил существенную поправку. «Живущая четверть», согласно его взгляду, стоит в тесной связи с сотным обложением и составляет один из видов применения сотного письма, «именно один из способов его раскладки, хотя далеко не повсеместной», а потому не относится к дворовому обложению, которое возникло позднее и применялось к особым категориям сборов³⁵. Повторив свои прежние выводы в рецензии, Милюков прибавил несколько новых соображений и сформулировал значение «живущей четверти» следующим образом: «Московское правительство оставило старое название „живущей четверти пашни“, но приравнило его определенному количеству дворов и таким образом получило новую окладную единицу, столь же мало похожую на прежнюю, как мало походила соха, определенная известным количеством четвертей, на старую соху — единицу рабочей силы»³⁶. Из всего сказанного Милюковым о сборах с «живущей четверти» по писцовым книгам, составленным по правилам сотного письма, следует заключить, что единицей оклада по-прежнему оставалась соха, хотя теперь вводилось новое измерение — сох по числу дворов, приравниваемых четвертям пашни. Много неясного осталось и в выяснении условий, при которых возникло понятие о «живущей четверти».

Объяснение, предложенное Лаппо-Данилевским, хотя и страдало некоторой схематичностью, но рельефно отмечало ту практическую почву, на которой могла действительно зародиться идея о необходимости перенести тя-

жесть податного бремени с земли на двор: серьезным препятствием к увеличению запасов, столь необходимому после опустошений Смутного времени, являлось опасение, что с каждого вновь распаханного клочка земли необходимо платить лишние сборы³⁷. Чтобы устранить это препятствие к развитию народного земледельческого хозяйства, была введена «живущая четверть».

П. Н. Милюков находил такое объяснение неверным, мотивируя это следующим образом. Во-первых, «живая четверть» вводилась указами 1630—1631 годов, когда земледельческая культура успела значительно оправиться после Смуты. Во-вторых, причиной, вызвавшей реформу, следовало считать не уменьшение запасов и упадок земледелия, а как раз обратные явления — подъем земледельческих хозяйств и, в частности, увеличение запасов³⁸.

Своеобразным третейским судьей спора Лаппо-Данилевского и Милюкова выступил М. А. Дьяконов³⁹. Рассматривая положения Милюкова, он упоминал указ 1630 года, в котором сказано: «а за монастыри указали класть в живущую пашню против прежнему своего государства указу». Когда был издан этот прежний указ, неясно. Но, благодаря исследованиям самого Милюкова, стало известно о существовании писцовых книг, «составленных, по-видимому, раньше указов, но оставивших пробелы для внесения перевода на живущие четверти и внесших этот перевод позднее»⁴⁰. В числе таких книг сам Милюков называл книгу 1624 года. Следовательно, распоряжение класть в «живущие четверти» дворы дано было еще раньше. В. О. Ключевский высказывал мысль, что первый опыт такого рода относился к правлению Бориса Годунова⁴¹. Подводя итог

спора о «живущей четверти», М. А. Дьяконов констатировал: «Такое объяснение нам кажется недостаточно вразумительным, так как в конце концов естественно возникает вопрос: почему же правительство, вместо того, чтобы добыть сведения о размерах действительно обработанной земли, сочло нужным добыть сведения о количестве вновь созданных им платежных единиц? Если объяснение г. Лаппо-Данилевского „бьет мимо цели“, как выражается автор (т. е. Милюков. — А. М., С. П.), то его объяснение, по нашему мнению, не достигает цели»⁴².

В споре с Милюковым Лаппо-Данилевский оказался в крайне невыгодном положении, поскольку он оперировал материалами XVII века, не обладая достаточными знаниями о предшествующей эпохе. Вопросы государственного хозяйства Московской Руси были вообще мало разработаны, и труд Лаппо-Данилевского явился крупным научным достижением в исследовании этой темы. Поэтому, выступая в качестве оппонента, Милюков не мог не признать его ценность и значимость. Академия наук присудила Лаппо-Данилевскому премию имени графа С. С. Уварова.

Изучение национальной истории в диссертации Лаппо-Данилевского сводилось к обнаружению национального типа, характерные черты которого проявились в государственном строе. Последующая разработка данной темы в трудах русского историка вполне логично привела к исследованию идеи государства и ее эволюции. В частности, этому был посвящен доклад на Международном Историческом конгрессе в Лондоне в 1913 году. «В сущности, — писал он, — идея государства отличается нормативным характером: она содержит

понятие о том отношении, которое должно быть между государем и подданными, а не только понятие о принудительной власти, которую государство имеет над частными лицами». Однако XVII век рассматривается здесь уже не как время наиболее полного воплощения национального типа, а как переходная эпоха между двумя основными идеями государства — религиозной и светской. «Эволюция идеи русского государства получила в то время направление, которое легко определить: в начале XVI века она была скорее религиозной, чем светской; в начале XVIII века она становится скорее светской, чем религиозной»⁴³. На этом фундаменте определились основные темы последующих исторических разысканий ученого — это русская государственность в ее отношении к государственному и общественному строю и два аспекта этого отношения: история сословий и эволюция правосознания и государственных понятий.

После защиты магистерской диссертации изучение русской государственности в ее отношении к обществу осталось в центре внимания исторических исследований Лаппо-Данилевского. Он сосредоточил свой научный интерес, с одной стороны, на истории сословий, с другой, на выяснение эволюции правосознания и государственных понятий. В дальнейшем он касался лишь отдельных вопросов русской истории московского периода. Так, в статье «Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI—XVII веков»⁴⁴ историк исследовал одно из явлений служилого землевладения, принципиально важного для истории русского поземельного права. Лаппо-Данилевский занялся мало исследованными до него «выслуженными вотчинами» XVI и XVII

веков, то есть землями, которые жаловались начиная с Ивана Грозного служилым людям в награду за особенную государственную работу, тогда как поместья давались просто как средства к отправлению службы. Интересно, что он указал на ход ограничения прав вотчинников. Так, сначала женщина, высвобождаясь из-под родового ига, стала наследовать вотчину наряду с мужчинами. «Но, — по его словам, — такой порядок стоял в противоречии с понятиями древнего канонического права. Церковь указала правительству на это противоречие, а правительство поспешило им воспользоваться для ограждения государственных интересов». Однако народу не стало легче как от этого, так и от других подобных ограничений прав вотчинников. Со времени прикрепления крестьян положение податных сословий ухудшилось. «Стало развиваться пожалование населенными имениями, столь распространенное в XVIII веке и прекращенное лишь императором Александром I в 1801 году»⁴⁵. Эта статья продемонстрировала широкий взгляд историка на рассматриваемую тему. Он уловил в частном вопросе общие черты российской истории, в частности такую важную из них, как отношение между родовым и государственным началами.

Исследования русской истории и культуры XVIII века

Продолжая исследования экономической истории России XVII—XVIII веков, Лаппо-Данилевский особое внимание уделил промышленным и торговым ассоциациям. Возникновение промышленных и торговых компаний освещалось в западноевропейской литературе

как экономистами, так и юристами. В России таких работ к тому времени не было, и поэтому исследования Лаппо-Данилевского стали первыми в этом направлении. Задачу, которую поставил себе историк, была достаточно трудной, он справедливо констатировал, что «история русского народного хозяйства в XVIII столетии до сих пор еще очень мало разработана... большинство источников, имеющих важное значение для работ подобного рода, состоит из рукописей, плохо описанных и, конечно, далеко не всегда доступных исследователю»⁴⁶.

Не ориентируясь лишь на общие положения, Лаппо-Данилевский всегда стремился дать строго согласованные выводы, опирающиеся на конкретный материал. Он старался выяснить точный смысл употребляемых терминов, дать предварительную критическую разработку соответствующих понятий. Именно такую работу он проделал и в данном историческом очерке, который начинался с разбора понятия «компания». Историк четко определил сферу своего исследования, что обеспечило детальное и полное рассмотрение социально-экономических реалий.

Предметом изучения были вопросы экономической истории. «Так как русское капиталистическое производство первой половины XVIII столетия, — отмечал Лаппо-Данилевский, — если не исключительно, то преимущественно сосредоточилось в компаниях, то и история их с этой именно точки зрения приобретает существенное значение в общем процессе развития русского народного хозяйства за указанный период времени»⁴⁷. В качестве составной части этой задачи он рассматривал определение основных типов компаний. Его иссле-

дование было непосредственно интересно и для юристов. Появление компаний не явилось, с точки зрения историка, случайным результатом правительственной политики, а было закономерным итогом взаимодействия условий, которые коренились в народной жизни. Он указывал, что компании существовали и до середины XVII века, и приводил тому ряд примеров. Рассматривая компании, русский историк уточнял терминологию. Обращаясь к словарю Савари, в котором отрицалось принципиальное различие между компаниями и товариществами, Лаппо-Данилевский отмечал, что в состав компаний с большим капиталом входило более значительное число участников, нуждающихся в особых привилегиях, полученных с разрешения правительства. Вместе с этим историк вводил в свою работу и понятие фабричных товариществ. Таким образом, тема исследования оказалась двойственной: с одной стороны, это так называемые компании XVII века, с другой — товарищества вообще, как капиталистическая форма предприятия.

Лаппо-Данилевский пришел к выводу, что возникновение компаний было непосредственно связано с деятельностью иностранцев. В этой связи он указывал на проекты Ордын-Нащокина, которые должны были привести к заимствованию форм компанейской организации. В работе приводился любопытный доклад, представленный царю Алексею Михайловичу, в котором был изложен проект устройства китоловного промысла и добычи сала по примеру голландских и французских купцов. Среди возникших ассоциаций, по мнению Лаппо-Данилевского, следует различать несколько типов: во-первых, это преимущественно фабричные ас-

социации, которые обнаруживали некоторые свойства полных товариществ; во-вторых, командитные товарищества; в-третьих, ассоциации, близкие акционерным компаниям.

Анализируя проект Ланге, который не был осуществлен, но свидетельствовал о том, как проникали в Россию принципы акционирования, историк отмечал, что в одних компаниях близость компанейщиков к управлению была довольно тесной и могла доходить до непосредственного управления, в других — директора-учредители оставались почти полными хозяевами. Вопросы внутреннего управления так же мало интересовали в то время правительство, как и вопрос ответственности участников. «Естественно, при таких условиях мы в изучаемый нами период времени застаем наряду с „регулируемыми“ компаниями и полные товарищества, и командитные, а также командитно-акционерные общества и, вероятно, акционерные компании. Все эти формы, начиная от *societas* и кончая *universitate personarum*, далеко еще не успели определиться и смешивались между собой, тем более что один и тот же союз иногда проходил в своем развитии несколько таких форм»⁴⁸.

Многие компании, возникшие при самом благоклонном содействии правительства, пользовались разного рода привилегиями и в то же время самым бесцеремонным образом эксплуатировали всех, с кем им приходилось соприкасаться. Правительство требовало, чтобы фабрики использовали вольнонаемный труд. 29 марта 1762 года был издан указ, согласно которому компаниям определялось «довольствоваться вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми». Однако, несмотря на это, вольнонаемных рабочих в

большинстве частных фабрик было всего 33 процента от общего количества занятых. В тех случаях, когда рабочий находился в крепостных отношениях, он едва ли получал какое-либо денежное жалованье. Вольнонаемные получали жалованье, значительная часть которого (до 50 процентов) выдавалась провиантом⁴⁹.

Возможность злоупотреблений во многом поощрялась тем, что закон, требующий от фабрикантов, с одной стороны, не оскорблять и не обижать рабочих, с другой — предоставлял им право наказывать подчиненных вплоть до «битья батожем». Такие отношения распространялись не только на рабочих, но и на мелких производителей и «маломочное» купечество. В тяжелом положении находились и лица, служившие приказчиками и лавочными сидельцами у купцов. Лаппо-Данилевский приводит примеры того, как компании на скупке товаров наживали 300—400 процентов прибыли. Такая эксплуатация рабочих и разнообразные привилегии способствовали тому, что многие компании уже в первой половине XVIII века значительно расширили свою деятельность, увеличивалось количество предприятий. Но этот рост продолжался недолго. Их распространение вызывало отрицательную реакцию как в обществе, так и в правительстве, чему в значительной степени содействовало движение против привилегированных компаний на Западе. Процесс сдерживания развития компаний отметил Лаппо-Данилевский, указав, что «раздоры самих компанейщиков, еще не вполне привыкших к организационным предприятиям и постоянно стремившихся при первом удобном случае произвести раздел принадлежащего им имущества»⁵⁰, объяснялись тягой к единоличному владению. Это обострилось еще и тем,

что в состав компаний входили люди, принадлежащие к различным общественным сословиям.

Представленная Лаппо-Данилевским картина развития предпринимательства в России в XVIII веке показывала, что не внутренний ход русской жизни привел к возникновению более сложных по своей организации компаний, а осознание превосходства западноевропейской торговли и промышленности. Выводы, к которым пришел исследователь, были следующими: «С экономической точки зрения они [компании] оказались довольно выгодной формой предприятия — но еще слишком мало согласовались с правами русского общества и отчасти были дискредитированы в его глазах беззастенчивой эксплуатацией народного богатства, а также чрезмерным покровительством государственной власти. Несмотря на ее содействие, наши компании на первых порах не могли приобрести того общественного и политического значения, какое союзы подобного рода имели в Западной Европе, а со второй половины XVIII столетия лишились и выгодной им поддержки со стороны русского правительства»⁵¹.

В торговых и промышленных компаниях Лаппо-Данилевский усматривал одну из форм организации общественных сил, в которых проявлялось начало «личности» и виды ее взаимодействия с государством. Он использовал факты экономической истории для обоснования идеи о зарождении в XVIII веке «личности», высказанной К. Д. Кавелиным, который определял высшую фазу исторического развития русского народа не только понятием «государство», но и понятием «личность».

В «Очерке истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» Лаппо-Данилев-

ский показал, как сложились эти разряды и как они получили в XVIII столетии большую правовую определенность и сословное значение. Историк выступил против резкой сословной градации и необоснованных привилегий, полученных, по его мнению, дворянством после ревизии 1718—1727 годов. К этому же времени исследователь относил и образование основных «родов крестьянства», которые он достаточно подробно рассмотрел. Манифестом от 18 февраля 1762 года императрица Екатерина II освобождала дворянство от обязательной службы. Тем самым разрушалось гармоничное распределение обязанностей среди общественных классов и привилегии дворянства становились необоснованными. Лаппо-Данилевский показал рост дворянского деспотизма по отношению к крестьянам и подчеркнул, что этот гнет «послужил одною из причин крестьянских волнений против помещиков». В частности, по его мнению, «в Пугачевском бунте движение крепостных против помещиков играло, конечно, существенную роль...»⁵². Русский историк достаточно критично оценивал роль дворянского сословия в послепетровскую эпоху.

Постепенно научные интересы Лаппо-Данилевского сконцентрировались на царствовании Екатерины II. Его больше занимала не история учреждений и общественных сословий, а история идей. Он задумал написать докторскую диссертацию на тему «История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики»⁵³. Однако труд так и остался незавершенным. Собранный историком материал частично был опубликован им в виде статей.

Екатерининская эпоха привлекала его внимание тем, что в ней он усматривал истоки формирования в

русском образованном обществе под влиянием западноевропейского просвещения идеи эмансипированной личности. К этому же времени историк относил и первые проекты реформирования российского общественного строя. Особенностью многих исторических трудов Лаппо-Данилевского, посвященных XVIII веку, являлось изучение эволюции русского законодательства, становления правосознания. Он одним из первых сумел показать влияние законотворчества на развитие национального самосознания.

В интерпретации Лаппо-Данилевского важнейшим моментом внутренней политики Екатерины II был созыв, манифестом от 14 декабря 1766 года, Законодательной комиссии для составления нового уложения. Русский парламент екатерининской эпохи существовал недолго и в 1768 году был распущен под предлогом начавшейся русско-турецкой войны. Законодательная комиссия не успела решить поставленной перед ней задачи — дать России новое уложение законов. Однако она оставила заметный след в поздних актах екатерининского законодательства, ее влияние долго, даже после роспуска, сказывалось в законотворчестве и юридических проектах русского правительства. Частично ее канцелярия и ее специальные («частные») комиссии существовали в течении всего царствования Екатерины II. Результатом их деятельности стали «Обозрение» и «Свод» законов, обнаруженные Лаппо-Данилевским среди рукописей Московского Румянцевского музея. Историк первый обратил внимание на это многотомное собрание и определил его значение.

Новая работа историка — «Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование импе-

ратрицы Екатерины II» — не касалась догматической стороны русского права, а всецело посвящена историческим справкам. «Потребность русского общества и правительства в юридическом образовании, — отмечал Лаппо-Данилевский, — могла получить удовлетворение лишь по составлении собрания или свода законов. Между тем кодификационные работы, производившиеся в законодательных комиссиях, накопили материал, пригодный для такого сборника. Правительство воспользовалось означенным материалом для приготовления „Описания внутреннего правления Российской империи“, в некоторых отношениях сходного с полным собранием, в других — со сводом законов. Составители „Описания“ положили в основу его плана систему права, принятую в других современных ему памятниках законодательствах»⁵⁴. Предприятие это, однако, по мнению исследователя, не увенчалось успехом главным образом по двум причинам: вследствие опалы князя Вяземского, под руководством которого составлялось «Описание», и вследствие перемены взглядов императрицы на задачи внутренней политики. «Описание» должно было содействовать укреплению юридического образования в России и способствовать возникновению зрелого общественного мнения. Последние годы царствования Екатерины II оказались неблагоприятными для осуществления этих планов. «Описание» не могло прямо воздействовать на общество и было забыто последующими кодификационными комиссиями. Однако оно сохранило исторический интерес как дополнение к полному собранию законов и как источник знания о праве, действовавшего в ту эпоху.

К исследованиям по истории русской культуры XVIII века примыкает и статья об И. И. Бецком, в ко-

торой Лаппо-Данилевский дал обстоятельный очерк состояния русского образования в XVIII веке, а также рассмотрел принципы системы воспитания Бецкого⁵⁵. Особое внимание было уделено развитию идеи государства, воспринятой и осуществленной правительством, а также формированию идеи личности. Главная роль в просвещении российского общества в эту эпоху отводилась Екатерине II.

Исследованию внутренней политики императрицы была посвящена журнальная статья⁵⁶, впоследствии дополненная и изданная отдельной книгой⁵⁷, ставшая одним из лучших исследований Лаппо-Данилевского, — «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II». В ней на основе новых материалов историк самостоятельно, с оригинальной точки зрения подошел к изучению данной эпохи. Рассматривая мнение о прогрессивном влиянии дворянства на политику императрицы Екатерины II, он пришел к размышлениям о том, как трудно отказаться от традиционных воззрений и умонастроений своей среды.

Внутренняя политика Екатерины II сосредоточилась вокруг проблем «самодержавного правления и сословного строя», а также положения русского общества в государстве, включающих два вопроса: о положении лиц в государстве и о сословной организации русского общества. Их решение в конце XVIII века было взаимосвязанным. По мнению Лаппо-Данилевского, «реформы Петра Великого хотя и не создали лица, как самостоятельной единицы общественного строения, но, во всяком случае, расчистили ту почву, на которой свободно могла с течением времени развиваться человеческая личность»⁵⁸.

К началу XVIII века старые формы общественного сознания переживали период упадка. Все более заметно стало проявляться стремление к личной свободе. Оно находило опору в новых принципах образования и в новых формах хозяйственной деятельности, что давало русскому человеку «духовную и материальную опору для проявления своей личной инициативы и самостоятельности, которые влияли на развитие его индивидуальности»⁵⁹. Но слабость развития духовной и материальной культуры привела к тому, что опора оказалась недостаточной. Поэтому «слишком рано было думать о свободной человеческой личности в виду подчинения ее той общественной группе, к которой она принадлежала в силу обстоятельств»⁶⁰. Лаппо-Данилевский указывал на преобладание сословного начала в русском обществе: «...в глазах русского человека XVIII в. сословная группа более и более становилась обществом взаимного страхования свободной жизнедеятельности каждого из ее членов, наилучшей политической гарантией его гражданских прав»⁶¹. С этой точки зрения, историк склонен был видеть в развитии сословности прогрессивное для того времени явление. Государством были признаны права личности, хотя и в пределах ее сословного положения.

В кратком и стройном изложении Лаппо-Данилевский дал полный обзор внутренней политики императрицы Екатерины II, тщательно выяснив, что следует считать осуществлением ее обдуманых намерений, а что уклонением от них. По мнению исследователя, Екатерина II в первую половину своего царствования пыталась связать самодержавное начало в государстве с гражданским, основываясь при этом на «идее о законо-

мерной монархии». Целью правления Екатерины II историк считал недостижимую идею «народного благосостояния», в связи с этим он особое внимание уделил идее законности, как основной теоретической концепции императрицы, стремившейся «возродить правовые отношения сословных групп друг с другом и к государственной власти». Причина фиаско, которое потерпела ее политика, осталась не выясненной в исследовании. «Относительная независимость от окружавшей ее среды едва ли выгодно отзывалась на содержании реформ и, во всяком случае, задержала дальнейшее их развитие» — таков был общий вывод историка⁶². Следует отметить, что работа, несмотря на скромные размеры, стала заметным явлением в отечественной историографии.

Продолжением исследования правления Екатерины II стала работа, посвященная крестьянскому вопросу⁶³. В этом небольшом сочинении было показано, как просветительские идеи влияли на политику императрицы и привели к осознанию необходимости освобождения крепостных. Эти положения вызывали живую реакцию в Вольном экономическом обществе, среди наиболее просвещенных слоев дворянства⁶⁴. Вопрос о крестьянах был вынесен на Большую комиссию, созванную для составления проекта нового уложения, однако в нее не попали депутаты от крестьян⁶⁵. Но до радикальных реформ дело не дошло.

Под влиянием крепостнических настроений дворянства, интересы которого императрица боялась скольнибудь затрагивать, видя в нем опору монархии, она стала думать не о постепенном осуществлении реформы, а только о частичном ограничении крепостного

права⁶⁶. В итоге, как отмечал ученый, дело свелось к секуляризации церковных земель и приравниванию прикрепленных к ним крестьян к государственным, а также ограничению возможностей закрепощения без существенного изменения самого крепостного состояния⁶⁷. Крепостной строй Екатерины II не был реформирован, а даже получил дополнительные гарантии стабильности и распространился на новые территории. Власть помещиков над крестьянами укрепились⁶⁸. Восстание Пугачева вместо того, чтобы побудить правительство к реформе, вызвало ответное насилие и привело к усилению реакции. Были ограничены возможности обсуждения самого этого вопроса. Надежды, возлагавшиеся на просвещенного монарха, не оправдались⁶⁹.

Определенный вклад Лаппо-Данилевский внес и в разработку истории Малой Руси. Занимаясь по поручению Академии наук изданием трудов академика А. А. Куника, он дополнил их своими исследованиями, посвященными истории князя Болеслава-Юрия II⁷⁰. В 1883 году вышла статья Я. Ржежабка о Юрии-Болеславе князе галицко-волынском. А. А. Куник предложил Академии наук дополнить ее материалами и исследованиями, которые дали бы возможно полный свод известий об этой странице истории галицко-волынского государства. Но в 1899 году Куник умер, так и не воплотив свой замысел. Академия наук решила закончить начатое им собрание и одновременно расширить сборник за счет новых историко-библиографических сведений. Однако редакторы решили добавить к изданию фотографические снимки с сохранившихся оригиналов грамот галицко-волинских князей. В таком новом варианте сборник вышел в свет в 1907 году.

Лаппо-Данилевскому удалось разыскать ранее неизвестный оригинал грамоты Юрия-Болеслава 1325 года и тем самым лично внести вклад в коллекцию галицко-волынских грамот. Составленное им приложение давало некоторые сведения об оригиналах грамот и исследовало печати, имеющиеся при шести из восьми изданных грамот⁷¹. Он дал объяснение сохранившимся печатям, связав их с практикой западноевропейской дипломатики и сфрагистики. Путем сравнения с образцами западноевропейской сфрагистики были подвергнуты анализу княжеские печати, в особенности «печать величества» грамот Юрия-Болеслава. Исходя из факта тесного общения галицко-волынских земель и местной династии с поляками и в особенности учитывая тесное родство последних галицко-волынских князей с династией Мазовецких, Лаппо-Данилевский сравнивал галицко-волынские печати именно с польскими образцами.

Историографические проблемы

Другим направлением научного творчества Лаппо-Данилевского была русская историография. Историографические исследования очень сложны, поскольку, как справедливо отмечал С. Л. Пештич, «историография является в значительной степени обобщением истории гуманитарных наук. Историю исторической мысли нельзя изучать без истории философии, истории политических учений, истории вспомогательных исторических дисциплин и многого другого»⁷². Именно в таком ключе к проблемам историографии и подошел Лаппо-Данилевский.

Его историографические исследования были представлены в разных жанрах. Это и рецензии и статьи об отдельных историках, написанные по разным поводам, чаще всего по заказу Академии наук, это некрологи и посмертно опубликованный неоконченный «Очерк развития русской историографии», адресованный английскому читателю⁷³. Проблемами отечественной историографии ученый занимался в течение всей своей научно-педагогической жизни. В начале он читал историографический курс по предписанию университетского руководства. Читался он с интервалами в два года, иногда — через год. Постепенно углубляясь в историю исторической науки, Лаппо-Данилевский стал все более и более заниматься этой тематикой. В результате накопился обильный историографический материал. В архиве академика сохранились отдельные фрагменты и несколько детальных вариантов планов и проектов историографического труда. Но в большинстве случаев намеченные темы так и не были до конца разработаны. Задуманный им труд по проблеме отечественной историографии так и остался незавершенным.

Историографические взгляды Лаппо-Данилевского тесно переплетаются с его общефилософскими, теоретическими и историческими воззрениями. Его философско-историческая концепция во многом предопределяла и подходы к русской историографии. В первые годы преподавания историк находился под влиянием философии позитивизма. Он, как свидетельствовал А. Е. Пресняков, «был глубоко захвачен этим течением и долго перерабатывал в своем мышлении его воздействие»⁷⁴.

Свои взгляды по историографическим проблемам Лаппо-Данилевский изложил в курсе русской истории,

прочитанном им для студентов 1-го курса в 1890/91 учебном году. Курс открывался вводной лекцией по источниковедению и историографии, что отражало общий уровень развития исторической науки. Такой подход и построение материала шло от К. Н. Бестужева-Рюмина, поддерживалось М. О. Кояловичем, В. С. Иконниковым, Д. И. Багалеем и было в традициях отечественной историографии. Насколько можно судить по сохранившейся литографии, вступительная часть курса Лаппо-Данилевского не являлась единичной обзорной лекцией, как было в курсах других авторов, а представляла собой цикл лекций объемом в 156 страниц. Объем между разделами «Памятники», который включал «памятники языка», «памятники вещественные», «памятники народной словесности и письменные», и «Историографией» делился примерно поровну. В следующем учебном году историографическая часть превратилась в специальный курс лекций по русской историографии, такой она осталась в и последующие годы.

Рассмотрение историографических вопросов началось с конца XVII — начала XVIII века. Летописный период в этом курсе им в историографию не включался. Однако сведения о важнейших исследованиях летописей в виде списка литературы приводился в первой, источниковедческой части курса.

Решающую роль в истории Лаппо-Данилевский придавал развитию идей, которые считал первопричиной исторического развития. Также и в истории исторической науки, прослеживая причинно-следственную связь историографических явлений, он придавал самодовлеющее значение интеллектуальному влиянию, не-

сколько преувеличивая западное воздействие на русскую историческую мысль. Опуская почти полностью характеристики отдельных историков и их труды, ученый подчеркивал причинно-следственную зависимость фактов историографии. Ранний цикл его историографических лекций носил общий характер, но в нем уже появлялись элементы, отличавшие подход исследователя к истории науки от подхода его предшественников.

В начале 1900-х годов Лаппо-Данилевский особенно интенсивно и плодотворно работал над проблемами истории исторической науки. Сложившийся теоретический взгляд на исторические проблемы позволил выдвинуть требование систематической полноты изучения историографии, которое выразалось в более подробном освещении жизненного и творческого пути историков. В дальнейшем он существенно расширил понимание предмета историографии, серьезное внимание стал уделять вопросам периодизации русской историографии и значительно раздвинул ее хронологические рамки, начиная ее уже с XI—XII веков. Им был поставлен вопрос о «школах» и «направлениях» в исторической науке, разработана история самой историографии.

Теоретическая постановка Лаппо-Данилевским ряда историографических проблем была нова для своего времени. Можно выразить лишь сожаление, что историк не успел создать обобщающий историографический труд.

Завершают историографические работы Лаппо-Данилевского несколько неоконченных материалов, написанных после 1916 года. Среди них рукопись трех частей «Очерка развития русской историографии», две части которой были посмертно опубликованы в 1920

году. Все они могут быть рассмотрены как итог многолетней работы ученого. Его труд остался как бы эскизом огромного замысла, свидетельством поиска и постоянного труда ученого. Видимо, не случайно он говорил: «Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами; оценку людей, можно производить только с таких точек зрения»⁷⁵. Многие высказанные им соображения, наблюдения и выводы, несомненно, интересны. По сравнению со своими коллегами, он более глубоко и широко подошел к проблемам историографии. Высокое профессиональное мастерство, исследовательский талант ученого обогатили разработку русской исторической науки. Именно ему принадлежит наиболее глубокое осмысление отечественной историографии.

По нашему мнению, Лаппо-Данилевский разделял точку зрения П. Н. Милюкова, который рассматривал историографию как элемент истории русской культуры, вобравшей в себя главные особенности развития России, «все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую»⁷⁶.

Под влиянием международных конгрессов историков, которые организовывались начиная с 1900 года и в работе которых Лаппо-Данилевский принимал участие, он стал более широко подходить к этой проблеме. На международных конгрессах создавались специальные секции и подсекции по истории науки: физики, математики, естествознания и медицины. Русский историк заинтересовался общими науковедческими проблемами и в связи с этим по-новому стал подходить и к истории

исторической науки, как к части не только русской, но и общемировой истории науки. По его мнению, курс русской историографии имеет двойное значение — общее и специальное: «Общее значение курса состоит в том, что он принадлежит к разряду курсов по истории науки; специальное в том, что он дает некоторое понятие о развитии русской исторической науки»⁷⁷.

В глобальном развитии науки он различал два влияющих друг на друга процесса: это «логическое раскрытие данной научной идеи» и «реализация» этой идеи «в данных условиях пространства и времени». Относя историю исторической науки к истории всей науки, академик считал, что общие задачи и приемы истории наук «можно выяснить и на примере истории; во всяком случае, их следует иметь в виду и при изложении истории истории»⁷⁸.

Лаппо-Данилевский много сделал для внедрения курса лекций по русской историографии в учебный процесс, таким образом история исторической науки стала самостоятельной научной дисциплиной. Историография, первоначально сводившаяся почти исключительно к обзору исторической литературы, достаточно быстро расширила свои чисто вспомогательно-информационные функции. Возникнув из потребностей обучения сначала в качестве одного из элементов введения к общеисторическому курсу, историография интенсивно переросла тесные рамки предисловий, энергично превращаясь в самостоятельный цикл лекций, занимая свое место в общей системе преподавания. Сформировавшись, университетское преподавание способствовало становлению и дальнейшему совершенствованию истории исторической науки.

Говоря о заслугах Лаппо-Данилевского в развитии отечественной историографии, следует отметить и то, что до него ни один из историков не затронул вопроса о происхождении самого термина «историография». Именно ему принадлежит первый опыт терминологического толкования. Однако эта часть работы не была завершена, но написанные им фрагменты и собранные материалы представляют определенный интерес.

Ученый подчеркивал, что он подходил к историографии с трех точек зрения — исторической, логической и феноменологической. Вначале он рассматривал этимологию слова «историография». В прежние времена термин «историография» имел другой смысл — он получил свое значение в связи с термином «историограф». Такая должность существовала еще в Древнем Риме, в Венеции, в древнем Китае⁷⁹. Но само слово «историограф» — французского происхождения, и возникло оно во французской истории и литературе, обозначая вначале живописца, писавшего исторические миниатюры, а примерно с XVI века оно уже обозначало лицо, которому король официально поручал писать историю Франции⁸⁰. «Под „историографом“, — отмечал исследователь, — разумеют писателя, специально состоящего при каком-либо лице, фамилии, династии или даже целой нации; ему поручается ежедневно записывать исторические события, интересующие того, от кого он зависит»⁸¹. Лаппо-Данилевский подчеркивает несвободное, подвластное положение историографа. Облеченные титулом историографы обязаны были писать в художественной, изысканной форме. Поэтому на этой должности часто встречались крупнейшие писатели. Лаппо-Данилевский упоминает многие имена исто-

риографов, которые получали специальный чин государственного советника и состояли при дворе французских королей начиная с Карла VII, то есть с XV века, в том числе Расин, Буало, Вольтер. На последнем он останавливается несколько подробнее, говоря о нем как об авторе специальных статей «Историк» и «Историограф», содержание которых он кратко передал.

Однако термин «историография», как считал исследователь, утвердился, видимо, не во французской, а в немецкой научно-исторической литературе и благодаря ей получил распространение⁸². Историком были сделаны значительные заготовки для раскрытия этой темы — выписки из ряда работ на французском, английском и немецком языках. Он сгруппировал материал по темам — «Античная историография», «Средневековая историография», французская, немецкая историография, а также «Должность историографа в Италии», «Британский историограф», «Прусский историограф» и т. п. Предусмотрел он и тему «Термин «историография» в русском языке»⁸³. К сожалению эта часть не была им написана, но собранный к ней материал дает некоторую возможность представить авторский замысел. Историк выявил любопытные упоминания и сделал выписки из тех сочинений, где употреблялось слово «историограф». Так, церковный деятель первой четверти XVIII века Стефан Яворский в проповеди называл писателей-историков «историографами»⁸⁴. В работе приведена выдержка из дневниковых записок Дмитрия Ростовского от 8 ноября 1708 года⁸⁵; процитирована жалоба графа Разумовского от 21 сентября 1750 года, где сказано, что он приготовил «себя к исполнению должности историографа и к другим российскому государст-

ву полезным службам»⁸⁶. Был собран материал о понимании М. В. Ломоносовым обязанностей историографа при Академии наук. Г. Ф. Миллера и Н. М. Карамзина Лаппо-Данилевский упомянул лишь вскользь, по той причине, что эти факты были хорошо известны.

Говоря о предмете историографии, Лаппо-Данилевский многократно отмечал, что употребление термина «историография» все чаще стало приближаться к понятию «история исторической науки» и к «истории истории»⁸⁷. Подводя итог своим наблюдениям, ученый писал: «История термина „историография“ показывает, что он первоначально обозначал или самый процесс составления (ср. должность историографа) исторического сочинения, обыкновенно в национально-патриотическом, официальном духе, или данную совокупность таких сочинений, рассматриваемую в данных пределах времени и пространства»⁸⁸, то есть, с одной стороны, еще неотделенность на определенном этапе историографии от писания истории, а с другой — уже сами исторические труды как объект изучения. Постепенно термин «историография» утратил прежний специальный смысл, обозначающий историческую науку вообще, и все больше стал включать в себя «преимущественно сочинения, обнаружившие какую-либо цельную концепцию истории человечества: или целой страны, или нации и т. п.»⁸⁹.

Рассмотрев историю термина «историография», Лаппо-Данилевский утверждал, что к нему можно подходить «в ином смысле: не в историческом, а в логическом или феноменологическом»⁹⁰. Поясняя это, он писал: «С логической точки зрения термин „история“ представляется нам не совсем удобным потому, что он

употребляется в двойном смысле: а) для обозначения бывшего (вот так история! Случилась история, и т. п.); б) для обозначения нашего представления о бывшем или научном его построении, выраженного в каком-либо произведении. В последнем смысле можно употреблять термин „историография“».

С феноменологической точки зрения под «историографией», в отличие от «исторического исследования», историк предлагал «разуметь более или менее цельную концепцию истории человечества, целой страны или нации, концепцию, получившую свое выражение в каком-либо произведении исторической литературы»⁹¹.

Вопрос о предмете историографии исследователь также не обошел вниманием. В одном из вариантов вступительной лекции к историографическому курсу он отмечал: «М(ожно) без определения: но определение нужно, ибо должно содержать по кр(айней) мере намеки на ориентировку в развитии всякой историографии»⁹². Таким определением, согласно его точки зрения, выступает проблема национальной историографии. По мнению историка, «национальная историография» получает особого рода функцию — изучение истории исторических построений прошлых судеб данной народности. В историографии Лаппо-Данилевский разделял «логическое развитие истории науки истории» и «реальное развитие науки». В национальных историографиях «хотя и можно говорить о логическом развитии научной дисциплины об отечественной истории», но в них, оговаривал он, «в большей мере выступает реальное развитие науки»⁹³. Историк предостерегал от опасности, грозящей национальной историографии: «Национальная точка зрения может оставаться научной, но

она легко переходит в националистическую», и это «то увлечение националистическими тенденциями, которых историческая наука всегда должна остерегаться»⁹⁴. Развивая положение о национальной историографии, исследователь в одной из ранних рукописей, относящихся примерно к 1905—1906 годам, замечал: «Прежние русские историки охотно указывали на то, что историография есть народное самосознание; такое понимание слишком широко: ведь философия, литература, искусство и т. д. есть тоже народное самосознание; историография — лишь то самосознание народа, которое выразилось в научной обработке сознания прошлого»⁹⁵. В рукописных работах после 1910 года Лаппо-Данилевский повторил: «Итак, историография — научная дисциплина, занимающаяся изучением развития народного самосознания, поскольку это самосознание: 1) устремлено было на прошедшее и связывает свое прошлое с своим настоящим и будущим и 2) связывалось в теоретической его обработке»⁹⁶.

Наиболее часто свои историографические лекции Лаппо-Данилевский называл «Главнейшие направления в русской историографии». На первый взгляд может показаться, что это название равнозначно заглавию книги П. Н. Милюкова⁹⁷. Однако между ними есть существенное различие. Лаппо-Данилевский не сводил русскую историографию только к развитию исторической мысли, не ограничивал ее лишь историей смены исторических концепций, как это делал Милюков. Его определение открывало возможность более широкого понимания предмета истории исторической науки. Но следует также отметить, что и позиция Милюкова была ему во многом близка.

Названия историографических лекций свидетельствует о том, что Лаппо-Данилевский был в свое время единственным историком, поставившим задачу изложения истории исторической науки по направлениям. Он довольно полно отразил накопленный предшественниками опыт понимания предмета историографии, обобщил его и продвинул значительно дальше. В его лекциях рассматривались такие проблемы, как национальная историография, предмет историографии в изучении исторических концепций и умственного развития человечества, поскольку история истории выражалась «последовательным рядом попыток построения нашего прошлого»⁹⁸.

В историю исторической науки Лаппо-Данилевский включал и «вспомогательные науки», куда относил историческую географию, хронологию, археологию, историческую библиографию и биобиблиографию, историческую критику, а также историю сопредельных наук — русскую филологию, русскую этнологию, русскую археологию. Он предполагал освещать популярную и учебную историческую литературу; особо говорил об источниках для истории науки, то есть обращал внимание на разницу между историческими и историографическими источниками. На всех этапах работы над проблемами истории исторической науки ученый держал в поле зрения историю самой историографии.

В начале 1900-х годов в центре внимания ученого находились проблемы систематической полноты изучения истории исторической науки. Однако все наиболее интересные и важные для изучения истории историографии положения и наблюдения были разбросаны по рукописям и не были обобщены. Тем не менее сама по-

становка подобной задачи была значительным шагом вперед в истории внутреннего развития историографии как научной дисциплины.

Десятые годы XX столетия характеризуются новым этапом в работе Лаппо-Данилевского над проблемами историографии. Он отходит от изучения анализа исторических условий, влиявших на формирование взглядов историков прошлого, его больше интересуют научные идеи. Главным объектом внимания стало для него логическое развитие идей, что привело его к исследованию отдельных философских течений. Такое изменение во взгляде академика на историю исторической науки обусловило включение историографии в процесс глобального развития общемировой истории науки, в особый разряд «науки о науке», в конкретных областях знания которой проявляются общие задачи и приемы, присущие истории всех наук.

Одним из важнейших способов познания закономерностей развития истории исторической науки является ее периодизация. Для этого необходимо накопить значительный конкретный материал, осмыслить его и обобщить. В эволюции суждений Лаппо-Данилевского о периодизации русской историографии можно наметить несколько этапов.

В первые годы чтения историографического курса он начинал историю исторической науки в России с XVIII века, и иногда даже с середины его. Так продолжалось несколько лет, даже в 1905/06 учебном году он начинал курс с А. Л. Шлецера⁹⁹. Однако следует отметить, что в 1890/91 учебном году, читая историографию как введение к общеисторическому курсу, историк начинал свой обзор раньше — с конца XVII века. Не-

сколько позднее он вернулся к этому рубежу, что нашло отражение в «Плане чтений по русской историографии», где в разделе «Первые попытки систематического изучения русской истории» он останавливался на работах Ф. Грибоедова, Феодосия Сафоновича, И. Гизеля, а потом переходил к сочинениям А. И. Манкиева, В. Н. Татищева и т. д. Исследуя творчество этих историков, Лаппо-Данилевский особое внимание обращал на причинно-следственные связи историографических явлений.

Второй период развития отечественной историографии в «Плане» был представлен тремя большими разделами, которые, в свою очередь, делились на главы и параграфы. Первый раздел, «Подготовительные работы по общей истории России», предусматривал разбор трудов Г. Ф. Миллера, Н. И. Новикова, А. Л. Шлецера. В следующем — «Первые попытки прагматического изложения древнерусской истории» — рассматривались труды М. М. Щербатова и И. Н. Болтина. Последний раздел был обозначен как «Заключение и общие выводы по второму периоду нашей историографии»¹⁰¹.

«Научная обработка русской истории» — так называл Лаппо-Данилевский третий, последний период. Внутри он разделялся на два отдела, те в свою очередь — на несколько разделов с множеством глав, параграфов, пунктов и т. д. Эта часть исследования начиналась с выяснения причин, ускорявших развитие русской историографии в XVIII веке. Далее автор переходил к Карамзину и последующим историкам XIX века.

Постепенно исследователь стал включать в историографический курс и более ранние исторические сочи-

нения. Так, русскую историографию он начинал с XVII века и эпохи преобразований Петра I. В той же рукописи он относит названное время уже ко второму периоду, а к периоду первому относит летописные своды¹⁰¹. Однако он не считал летописи «учеными сочинениями», но тем не менее рассматривал их уже «как попытки исторического дееписания»¹⁰².

Вопрос о критериях определения периодов Лаппо-Данилевский ставил в теоретическом плане: должен ли быть единый критерий при определении всех периодов, или в каждом из них есть свои признаки. В конце концов он приходит к выводу: «Принципы периодизации подчинены принципам периодизации по научным идеям»¹⁰³. По мере развития общества, читаем у него, воззрения историков становятся все менее личными, произвольными. «Историк все более специализируется, из любителя (духовного или мирского) становится ученым, владеющим научным методом». Вместе с тем он указывал и на то, что историк теснее связывается с обществом и «все чаще является представителем целых школ, направлений или партий». Поэтому, заключал он, «если периодизация историографии в XVIII в. возможна по свойствам индивидуальных идей (по авторам), то в XIX — периодизация уже идет по свойствам коллективных идей (направлениям)»¹⁰⁴. Таким образом, определяющим для Лаппо-Данилевского постепенно становились не столько направления и школы, сколько сами свойства идей, и здесь он в известной степени приблизился к взглядам Милюкова. Смена идеологических течений становилась для него определяющей.

«Периодизация по научным идеям» у Лаппо-Данилевского приняла следующий вид: «Периоды: I. Лето-

писный, II. Компилятивный с претензией на «ученость», III. Критико-прагматический, IV. Научно-литературный, V. Научный»¹⁰⁵. В дальнейшем он еще не раз возвращался к этой схеме, дополняя и конкретизируя ее. Первый период он датирует XI—XVII веками, назвав его «Первые попытки повествования», второй и третий периоды он объединял и доводил до Н. М. Карамзина включительно. Последний, научный период детализировал: «а) гегельянство; славянофилы и западники (до 1860); в) падение гегельянства; падение славянофильства и западничества; позитивизм; народничество; социальный вопрос»¹⁰⁶. Таким образом, историография у него все больше места уступала истории отдельных философских течений.

В последующих вариантах, составленных после 1916 года, историография была сжата до пределов введения. В ней Лаппо-Данилевский говорил о русской историографии как о части умственного движения в общечеловеческом стремлении к «чистому знанию»¹⁰⁷. От этих лет сохранилось два подробно разработанных и дополняющих друг друга проспекта: один охватывал время 30—40-х годов XIX века, другой — с 60-х годов. В первом было предусмотрено общее введение, в котором уместилось почти все развитие русской историографии. Здесь он говорил о русской историографии с конца XI века, подчеркивал «начало научности» с XVIII века и заканчивал работами А. П. Щапова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского. Все введение умещено примерно на сорока страницах. Предполагалось отдельно рассмотреть тему «Влияние Петра Великого на развитие русской историографии». При этом речь шла не о состоянии науч-

ных знаний или их развитии на тот момент, а о деятельности Петра I по собиранию и сохранению документальных источников, инициированию им переводов исторических книг и создания отечественных трудов по русской истории, о мероприятиях Петра по выстраиванию событий современности (в первую очередь военных побед) в ряд исторических фактов. Далее шли детальные наметки тем, из которых можно назвать лишь наиболее крупные: «Романтизм», «Мистицизм (Чаадаев)», «Шеллингизм», «Главные шеллингисты в России (до 40-х годов)», «Второстепенные», «Романтизм и шеллингизм в русской историографии», «Возрастающий интерес общества к народности», «Французская историческая школа. Полевой», «Образование партий: славянофильской и западнической», «Философия Гегеля в русском обществе 1830—1840-х годов»¹⁰⁸. Следует отметить, что имена историков в этом проекте уже встречаются редко.

Второй проект рассматривал темы с 1860-х по 1900-е годы: «I. Падение гегельянства», «II. Позитивизм в философии», «III. Экономизм», «IV. Борьба между научно-механическим и научно-идеалистическим направлением в истории»¹⁰⁹. В этом последнем пункте Лаппо-Данилевский противопоставлял историческому материализму и сходным с ним направлениям исторический идеализм. Таким образом, его историографические работы были отражением положений, обоснованных в «Методологии истории».

Единственным в дореволюционной историографии курсом лекций, в задачу которого входило изучение истории исторической науки по направлениям, был курс Лаппо-Данилевского, названный «Главнейшие направ-

ления в русской историографии XVIII—XIX веков». К проблеме направлений в исторической науке историк подходил как теоретик. В данном вопросе он шел не столько от конкретного изучения отечественной историографии, как это делало большинство его коллег, сколько от общих положений. Еще при разработке основ периодизации истории исторической науки он пришел к заключению, что принципы периодизации историографии зависят от принципов периодизации по научным идеям¹¹⁰. По мере развития общества воззрения историков становятся все менее личными, произвольными: «Историк все более специализируется, из любителя (духовного или мирского) становится ученым, владеющим научным методом». Историк становится все более связанным с обществом и «все чаще является представителем целых школ, направлений или партий»¹¹¹.

В одной из поздних рукописей Лаппо-Данилевский, подытоживая свои историографические наблюдения, подтвердил вывод о том, что историю науки следует изучать преимущественно по направлениям. При этом он не отрицал возможность и других вариантов исследования, например по историкам или по проблемам. Но если будет преобладать изучение личностей историков, рассуждал он, то историография может превратиться в сборник биографий, что придает «слишком большое значение индивидуальности и, таким образом, возводит одно из главных условий возникновения всякого труда нередко в единственную ее причину». В результате к индивидуальному историку привязывается общее — история науки. «Неудобство» изучения истории науки путем создания серии биографий, по мнению

историка, заключается и в том, что при этом методе переходные эпохи, чрезвычайно важные для понимания развития истории науки, опускаются или им не уделяется достаточно внимания. К тому же труды историка, рассмотренные в хронологическом порядке, «могут принадлежать к разным школам, по которым изображение его деятельности и должно было разместиться»¹¹². Но тут же он оговаривается: «Впрочем, не всегда удобно разрывать деятельность лица, если она систематична»¹¹³.

Лаппо-Данилевский считал, что изучение отдельных проблем затрудняет исследования, поскольку при этом не учитываются определившиеся школы и направления, а также и индивидуальность историка. Если же школы и направления определены, то периоды развития историографии «легче поддаются изучению их по проблемам»¹¹⁴. Таким образом, и при проблемном способе изучения историографии, и при изучении творчества отдельных историков главным условием, по его мнению, остается выделение историографических направлений.

Отдавая явное преимущество изучению истории историографической науки по направлениям, русский ученый и в этом подходе видел свои «неудобства»: например, необходимость в ряде случаев мириться с «разрывом» деятельности отдельных лиц. Поэтому он считал желательным соединение воедино всех способов исследования.

Никто из предшественников Лаппо-Данилевского в области изучения историографии не задумывался над тем, что же такое есть само понятие «направление» и чем оно, собственно, отличается, например, от понятия

«школа». В историографической литературе термины «направление», «школа», «партия», «течение», «тенденция» и тому подобные обычно употребляются как синонимы. Однако он тоже окончательно не решил этой задачи, иногда даже противоречил себе, но он ясно сформулировал этот вопрос и высказал по этому поводу свои соображения.

Отличие названных понятий историк видел прежде всего в моменте возникновения определенного направления или школы, связанной с личностью их основателя. В связи с этим он говорил о влиянии так называемого творца-историка на окружающее его общество и на последующие поколения.

«Историк-творец», по мнению Лаппо-Данилевского, создает выдающийся труд, который оценивается специалистами и публикой с разных и далеко не всегда совпадающих точек зрения. Но данный труд оценивается не только современниками. Он оказывает влияние и на последующие поколения, порождая сторонников и подражателей, — «словом, основывает направление или школу». Здесь и ставился вопрос о различиях понятий «школа» и «направление». Он утверждал, что понятие «направление» более широкое, чем «школа». В школе нередко преобладает личное воздействие учителя-творца на ученика, школьное учение «есть изучение не фактов, а мнений известных авторитетов об этих фактах. Школа дает метод; направление — сводится скорее к образованию исторического пошиба (*genre*)». «Направление общее — есть ориентировка»¹¹⁵. В одном направлении, продолжал ученый, могут быть лица, совершенно независимые друг от друга, то есть они не обязательно должны быть учителем и учеником. Кроме

того, результаты исследования могут быть достигнуты в одном направлении разными методами. Лаппо-Данилевский не пояснял, что он конкретно понимает под «разными методами», имеющимися у историков одного направления. Видимо, эта проблема не была для него самого достаточно ясна, поскольку именно метод исследования рассматривался им в качестве критерия определения историографического направления.

В направление или в школу объединяются, главным образом, последователи определенного исследования, которые либо вполне следуют учителю, либо делают отступления. «Враги данного труда, — замечал он, — редко объединяются в направление или школу»¹¹⁶.

Критерием для определения историографических направлений XVIII века историк взял классификацию наук по их методу, по формально познавательным целям, по объектам изучения. Так же, как В. О. Ключевский и П. Н. Милюков, он называл три основных признака, но, при некоторой внешней их схожести, у Лаппо-Данилевского они приобретали иное значение. В отличие от названных ученых, выделявших историографические направления по совокупности всех признаков, академик определял направления по каждому критерию отдельно. Поэтому его направления крайне не стабильны — они зависимы от примененного к ним критерия, выбор которого менял их количество и состав направлений, так что один и тот же историк мог одновременно принадлежать к нескольким направлениям.

Первый критерий — цели исследования. Так же, как и Милюков, он отмечал для историков XVIII века две цели: утилитарную и научную — и соответственно вы-

водил два направления. К первому, утилитарному, направлению он относил В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и М. М. Щербатова. Ко второму, научному, — Г.-З. Байера с Г.-Ф. Миллером и русского историка И. Н. Болтина. Объединяя Болтина с двумя немецкими историками в одно направление, Лаппо-Данилевский разрушал традиционное противопоставление историков XVIII века лишь по национальному признаку.

Второй критерий — метод исследования. С точки зрения метода, Лаппо-Данилевский разделял историков XVIII века на четыре направления: первое — «гевристическое», имелось в виду собирание источников, главным образом летописных, к нему был отнесен В. Н. Татищев. Второе — «критическое» — было представлено А. Л. Шлецером. Третье — «прагматическое» — М. М. Щербатовым. Четвертое — «номологическое»¹¹⁷ — И. Н. Болтиным¹¹⁸. Каждое направление состояло теперь всего из одного историка, но вне направлений оказались М. В. Ломоносов, Г.-З. Байер и Г.-Ф. Миллер.

Третий критерий — объект изучения. С точки зрения объекта изучения, Лаппо-Данилевский не назвал ни одного направления и ни одного имени историка. В этой части он указал на интерес историков к «внутренней истории», на появление «нового материала и номологического исследования», на появление «местных» и «частных историй». Историк не раскрыл этого положения. Следует отметить, что, в отличие от Лаппо-Данилевского, В. О. Ключевский и П. Н. Милюков третьим критерием историографических направлений называли «отношение к источнику». Исторические источники всегда были в поле зрения историков и стави-

лись ими во главу угла историографического изучения. Однако Лаппо-Данилевский, сам много трудившийся в области теоретической разработки проблем исторического источника, не сделал его определяющим.

Сколько же направлений видел Лаппо-Данилевский в русской исторической науке XVIII века? На этот вопрос ответить очень трудно. Например, М. М. Щербатова и И. Н. Болтина он то разделял по различным направлениям — «прагматическому» и «номологическому», то объединял обоих в одно «номотетическое» направление. Противоречивое отношение было и к другим историкам, например к А. Л. Шлецеру. Применяя свой первый вариант в определении направлений по целям исследования, историк ни к одному из двух указанных им направлений Шлецера не отнес. При втором варианте, по методу исследования, Шлецер представлял «критическое» направление. Однако в других частях рукописи встречается положение о критической «школе», основанной Шлецером¹¹⁹. Но ведь «школа» и «направление», по утверждению самого Лаппо-Данилевского, понятия разные, при этом «школа» — понятие более узкое.

В его рукописях мы находим и другие противоречия, свидетельствующие о том, что, видимо, он еще не считал вопрос об историографических направлениях решенным. Вероятнее всего, это были не окончательные формулировки, а лишь поиск ответа на сформулированный им вопрос.

Источниковедение в конце XIX века считалось только вспомогательной дисциплиной, отодвинутой от волнующих историческую науку проблем. В дореволюционной исторической науке проходил процесс превра-

щения источниковедения из вспомогательной в самостоятельную научную дисциплину, а также вычленения в ней специальных отраслей, среди которых следует указать на теоретическое источниковедение. Именно с этой областью связаны главные научные изыскания Лаппо-Данилевского.

Проблема теоретического источниковедения была одной из ведущих в его творчестве. В развитии русского источниковедения Лаппо-Данилевский, по замечанию Н. Л. Рубинштейна, занял одно из ведущих мест наряду с А. А. Шахматовым «созданием дипломатики и специально димломатики частных актов»¹²⁰. Результатом его деятельности стала источниковедческая школа, основу которой составили выдающиеся отечественные историки — С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. И. Андреев и другие.

Созданная Лаппо-Данилевским источниковедческая школа занималась отысканием, обработкой и публикацией исторических источников. Опираясь на собственный опыт работы, историк выработал богатую по содержанию источниковедческую концепцию. В отличие от позитивистов и их учения об исторических источниках, он, осознав необходимость гносеологического подхода к пониманию источника, открыл в источниковедении неизвестную ранее сферу, придав тем самым разработке теоретических проблем источниковедения новое направление. Гносеологический подход к пониманию источника красной нитью проходит через всю его концепцию.

Значение конкретной источниковедческой работы Лаппо-Данилевского было связано прежде всего с обращением к новому виду источников — частным актам, характеризующим социально-экономическую жизнь об-

щества. Перенесение научного интереса с истории политической и духовной на социально-экономическую потребовало новых видов источников. На смену публичным актам, летописям и литературным памятникам пришли частные акты, историко-статистический материал. В рецензии на книгу Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов» С. Н. Валк писал: «При таком положении дела, когда изучение частного акта становится настоящей научной задачей и когда в то же время ни в русской, ни в западноевропейской литературе нет выработанных методологических принципов изучения его, появление труда покойного А. С. Лаппо-Данилевского приобретает значение одного из крупнейших научных явлений последнего времени»¹²¹. В своей работе над частными актами Лаппо-Данилевский обращал основное внимание на их форму, предложенная им методика, по словам С. М. Каштанова, была «большим шагом вперед в области формального источниковедения»¹²².

Имея богатый опыт работы с источниками и обладая способностями теоретика, Лаппо-Данилевский создал разветвленное, богатое по содержанию учение об исторических источниках. Важнейшей его особенностью явилось то, что оно было развито в аспекте проблемы отражения, проблемы движения историка к истине, что придавало ему достаточно стройный вид¹²³. Он, во-первых, считал, что источник отражает прежде всего духовную жизнь прошлого, во-вторых, является продуктом духовной деятельности, в-третьих, на формирование содержания источника в первую очередь влияет духовная атмосфера времени его создания, и, наконец, в-четвертых, методы анализа источников долж-

ны базироваться в основном на психологическом подходе¹²⁴.

Для определения дисциплины, занимающейся теоретическими проблемами источниковедения, он пользовался понятием «методология источниковедения», которую характеризовал как «специальную методологию», в отличие от общей. В то же время Лаппо-Данилевский отмечал, что «специальная методология истории все еще далека от простой техники исторических работ»¹²⁵, относя к последней: 1) правила собирания и хранения исторического материала, 2) правила воспроизведения и издания исторического материала, 3) правила наведения исторических справок, библиографию, 4) правила составления историко-географических карт, синоптических таблиц разного рода и т. п.¹²⁶

По мнению историка, плодотворное развитие методологии источниковедения послужит главной «цели исторического познания» — осознанию прошлого при помощи источников¹²⁷. Под объектом методологии источниковедения он усматривает преимущественно те «производные принципы и методы, на основании которых историк считает себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно существовал; она рассматривает, что именно источники дают для нашего знания об исторической науке и в какой мере оно доступно нам при данных условиях»¹²⁸. При этом он специально отметил, что историк, «признающий эмпирически данную действительность, не может сомневаться в действительном существовании факта»¹²⁹.

Под историческим источником Лаппо-Данилевский понимал «всякий реализованный продукт человеческой психики, поскольку он представляется историку при-

годным для того, чтобы получить знание о каком-либо факте из прошлой жизни человечества»¹³⁰.

Существенной особенностью источниковедческой концепции русского ученого явилось то, что он значительно развил идею позитивистов о генетической связи исторического источника с прошлой человеческой деятельностью. Исторический источник он понимал как «продукт человеческого творчества в широком смысле»¹³¹. Поскольку в основе исторического процесса, по его мнению, лежит психика, то источник представляет собой «реализованный продукт человеческой психики»¹³².

Научная плодотворность идей Лаппо-Данилевского о генетической связи исторического источника с породившей его деятельностью прошлого состояла в том, что сама эта связь истолковывалась им как основа для признания возможности отражения объективно существовавших социальных процессов прошлого в источнике¹³³. Деятельность историк характеризовал как тот способ, при помощи которого осуществляется отражение прошлой действительности в историческом источнике. Под историческим источником он понимал «непосредственный результат той самой деятельности человека, которую историк должен принимать во внимание при построении исторической действительности, включающей и означенный результат»¹³⁴.

Заслугой Лаппо-Данилевского было не только то, что он осознал связь отражательной природы источника с породившей его деятельностью, но и проанализировал различные способы отражения прошлого в источниках в связи с разными видами деятельности. Прежде всего, он имел в виду созидательную деятельность, в процессе которой черты реально существовав-

шего прошлого переносятся на продукт труда. При этом имелось в виду, что на продукт деятельности переносятся не только черты психики субъекта деятельности, но и особенности самого труда как объективно существовавшего процесса. Так, например, по внешнему виду предмета (отполированный или отбитый камень) как продукта труда можно судить об орудиях труда¹³⁵, о технике изготовления предмета; по форме глиняного сосуда можно говорить о том, «сделан он от руки или при помощи гончарного круга, и т. п.»¹³⁶. Лаппо-Данилевский прямо отмечал, что в историческом источнике как продукте деятельности отражается не только духовная, но и материальная сторона общественной жизни¹³⁷.

Прошлая общественная жизнь, с точки зрения историка, отражается в историческом источнике не только потому, что он является продуктом деятельности человека, но и в связи с тем, что он выступает средством удовлетворения определенных жизненных потребностей. В историческом источнике, как отмечал ученый, «историк может предполагать назначение, состоящее, положим, в удовлетворении какой-либо из ближайших жизненных потребностей данного общества»: например, сосуд, предназначенный для хранения пищи, икона для удовлетворения религиозных потребностей, юридический акт для закрепления чьих-то прав и т. д.¹³⁸ В целом историк изучает прошлое по источнику, ориентируясь на то, какую роль и функцию исполнял данный материальный остаток в прошлом¹³⁹. Он писал, что необходимо изучать источник, принимая во внимание его «функциональную зависимость от местных условий»¹⁴⁰. При этом имелось в виду не только влияние «местных

условий» на источник, но и его влияние на культуру своего времени¹⁴¹.

Прошлое в историческом источнике, согласно Лаппо-Данилевскому, социальное событие прошлого отражается в сознании автора источника, а он запечатлеват свои знания в какой-либо материальной форме. В данном случае источник понимался как «отражение какого-нибудь исторического факта» в виде «результата того впечатления, которое он производил на автора источника»¹⁴².

Лаппо-Данилевский трактовал исторический источник как «продукт человеческой психики» в том смысле, что, во-первых, в нем прежде всего отражается духовная жизнь прошлого, а не одного только автора источника, во-вторых, все остальные стороны прошлой жизни запечатлеваются в источнике как продукте сознательной деятельности через посредство психики.

Однако исторический источник, по мнению историка, не является в точном смысле слова «продуктом человеческого творчества». «Объективное человеческое творчество, — писал он в подготовительных материалах к «Методологии истории», — представляется нам, однако, в виде того или другого социального явления как продукта человеческого творчества, а памятник есть как бы отражение его в форме, достаточно устойчивой для того, чтобы через посредство ее изучения само явления стало бы в известной мере возможным. Итак, памятники — не результат объектирования человеческого творчества, а следствие объектирования продуктов человеческого творчества, то есть социальных явлений»¹⁴³.

В основе исторического процесса, с его точки зрения, лежит человеческая психика, поэтому историк за

внешней материальной формой источника должен стремиться обнаружить внутреннее психическое содержание. Идея о материальной форме и психическом содержании исторического источника как его внешней и внутренней стороне¹⁴⁴ имела существенное значение во всей источниковедческой концепции Лаппо-Данилевского.

Необходимость восстановления внутреннего психического содержания исторического источника по его внешней материальной форме способствовала выявлению Лаппо-Данилевским важного аспекта в понимании источника, отражающего характер соотношения между источником и историком, что в конечном счете позволило ему в известной степени вскрыть гносеологическую природу исторического источника, вытекающую из осознания места и роли последнего в историческом мышлении. Определение источника, фиксирующее различные его стороны, было связано с гносеологическим или, как говорил сам Лаппо-Данилевский, «телеологическим или практическим моментом», который был связан с включением историка в практику исторического исследования. При этом он вполне определенно высказывал мысль о том, что материальный остаток прошлого, не будучи включенным в познавательную деятельность историка, то есть не будучи использован в целях познания прошлого, представляет собой не более чем «грудю камней, тряпок, бумажек и т. п.»¹⁴⁵. Таким образом, в понятие «исторический источник» ученый включал не только его объективное существование, доступность для непосредственного восприятия, генетическую связь с породившей его прошлой человеческой деятельностью, но и его свойство быть свидетельством

о прошлом. Он хорошо понимал, что какой-то объект становится источником лишь в той мере, в какой он используется историком именно как источник, то есть остаток прошлого приобретает функцию свидетельства о прошлом в связи с познавательной деятельностью историка.

Лаппо-Данилевский понимал двойственную природу исторического источника, состоящую в том, что он, с одной стороны, является продуктом прошлой человеческой предметной деятельности, а с другой — результатом познавательной активности историка. Различия этих двух видов деятельности справедливо усматривалось им в том, что первая создает источник как материальный объект, вторая использует этот материальный объект как свидетельство о прошлом. Он прямо писал, что «пока историк не подверг данный исторический материал предварительному исследованию, он не может признать его историческим источником»¹⁴⁶.

По-новому он решил и проблемы классификации, интерпретации и критики источников. Классификационная система, предложенная историком, построена в гносеологическом ключе, в ней он попытался выделить различные группы источников по их месту, роли в историческом познании, ориентируясь при этом на различный характер отражения прошлого. Наиболее существенным явилось выделение, во-первых, изображающих и обозначающих источников, во-вторых, остатков и преданий.

Деление исторических источников на изображающие и обозначающие было осуществлено с учетом различных форм отражения прошлого в источниках и соответственно — различия в методах анализа этих двух

групп источников. К изображающим источникам он относил такие, которые воспроизводят факты прошлого в формах, приближенных, похожих на формы самих фактов. Например, склеп или картина склепа. К обозначающим источникам относятся те, формы которых не имеют ничего общего с формой самих фактов, например словесное описание того же склепа. Эта специфика форм отражения порождала особые способы восприятия историком фактов прошлого. «При восприятии источника, материальная форма которого изображает факт в его остатках, например в красках или звуках, историк испытывает впечатления, однородные с теми, какие он испытывал бы, если бы воспринимал самый факт, а не один только источник». Иное дело с восприятием обозначающего источника, материальная форма которого представляет собой совокупность символических знаков: «На основании знаков, символизирующих бывший факт в материальной форме, историк должен конструировать в себе его образ для того, чтобы получить возможность приступить к научному исследованию бывшего факта». При восприятии изображающего источника историк строит свое представление о факте из тех элементов, которые присущи самому источнику, «при восприятии же условных знаков ему приходится подставлять под них мысленные образы прежде, чем приниматься за исследования бывшего факта»¹⁴⁷.

Деление источников на изображающие и обозначающие перекрещивается, как отмечал Лаппо-Данилевский, с делением их на остатки и предания, водоразделом при этом служит принцип «степени близости познающего объекта, то есть историка, к объекту его изучения»¹⁴⁸. Существенной особенностью выделения

остатков и преданий был учет деятельностной природы источников. «Под остатком культуры, — писал он, — можно разуместь непосредственный результат той самой деятельности человека, которую историк должен принимать во внимание при построении исторической действительности»¹⁴⁹. «Под историческим преданием можно разуместь отражение какого-нибудь исторического факта в источнике»¹⁵⁰. Соответственно, при восприятии источника-остатка историк получает непосредственное знание о факте, а при восприятии источника-предания он такого знания не имеет и поэтому должен вначале подвергнуть его анализу, так как не исключено, что его содержание может оказаться вымыслом¹⁵¹.

Показательно, что сам Лаппо-Данилевский хорошо осознавал гносеологическую природу деления источников на остатки и предания. «Только что указанное деление источников, — пояснял он, — произведено с теоретико-познавательной точки зрения и допускает возможность рассматривать хотя бы один и тот же объективно данный конкретный источник или в качестве остатка культуры, или в качестве исторического предания». Он прямо писал, что в основе этого деления «лежит различие в точках зрения, с которых исторические источники изучаются, а не различия самих источников»¹⁵².

Другими двумя крупными сферами осознания исторических источников ученый считал интерпретацию и критику. Интерпретация, по его мнению, не исчерпывает всех задач анализа источников, она «стремится выяснить только то значение, которое автор придавал ему, а не то, какое источник имеет для познания

исторического факта, сведения о котором почерпаются из источника». Интерпретация «дает возможность, например, одинаково войти в мировоззрение или отдельное показание данного автора, будет ли оно истинным или ложным, и представляет критике решить вопрос, можно ли воспользоваться таким пониманием для построения той именно действительности, которая имеет историческое значение»¹⁵³. Далее он отмечал, что «познавательные цели интерпретации и критики различны»¹⁵⁴. Соотношение интерпретации и критики он понимал в том смысле, что первая готовит базу для второй. «Без понимания источника, очевидно, нельзя подвергать его и плодотворной критике». Все это отнюдь не означало, что интерпретация должна по времени предшествовать критике, она «должна логически предшествовать критике»¹⁵⁵. Интерпретацию ученый толковал как операцию более широкую и общую, потому что вмнял ей в обязанность не только правильное прочтение документов и понимание того, что хотел сказать автор, но и объяснение содержания источника с учетом влияния на него социальных условий, личных черт автора, его общественной позиции, влияние источника на культуру своего времени, взаимодействия между источниками.

Необходимость разграничения задач интерпретации и критики была обусловлена двойственной природой исторического источника: интерпретация берет источник прежде всего как исторический факт, то есть учитывает его предметно-социальную природу, критика — как свидетельство о прошлом, то есть учитывает его функциональную природу. Не случайно историк писал, что «в широком смысле можно сказать, что ин-

терпретация состоит в общезначимом научном понимании исторического источника»¹⁵⁶.

Лаппо-Данилевский выделял четыре основных метода интерпретации источников: психологический, технический, типизирующий и индивидуализирующий. Основное значение он придавал психологическому методу, что вытекало из его общей позиции.

Сущность психологического метода интерпретации источников русский ученый определял следующим образом: «Психологическое истолкование источников основано, конечно, на принципе признания чужой одушевленности. Оно исходит из понятия о чужом сознании, обнаружившемся в данном продукте»¹⁵⁷. Основная задача психологической интерпретации состояла в том, чтобы добиться совпадения мысленного образа историка, воспринимающего материальный образ источника, с мысленным образом автора источника, «возникшим у него при восприятии исторического факта и запечатленным им в источнике, то есть в правильном понимании содержания источника»¹⁵⁸. Такое понимание, с его точки зрения, связано с признанием двух особенностей человеческого познания: единства и целенаправленности. Первый принцип связан с целостным пониманием источника. С такой точки зрения историк «понимает каждую его часть лишь в ее отношении к целому или другим частям»¹⁵⁹.

Технический метод интерпретации, по словам Лаппо-Данилевского, «сводится к истолкованию тех технических средств, которыми автор воспользовался для обнаружения своих мыслей и благодаря пониманию которых можно приблизиться и к пониманию смысла или назначения его произведения»¹⁶⁰. При изложении спо-

собов технической интерпретации ученый высказал новую для своего времени мысль о важности искусственного создания источника, например первобытной плавильной печи для понимания того, как готовилась бронза¹⁶¹. Речь, по существу дела, шла о моделировании применительно к анализу источников.

Технический метод интерпретации, как и психологический, был призван изучать источник вне связи с местом и временем его появления. Эти два метода интерпретации он называл рационалистическими, то есть слишком общими, и дополнял их типизирующим и индивидуализирующим как собственно историческими. В целом типизирующий метод был призван осознать связь автора источника. Как отмечал Лаппо-Данилевский, «историк пытается, при помощи типизирующего метода интерпретации, придать толкованию источника более исторический характер: он исходит из понятия о том культурном типе, к которому источник относится, и сообразно с тем пониманием его содержания»¹⁶². В рамках типизирующего метода он стремился понять источник как исторический факт, связав его с той формой, в которой он возник и под влиянием которой сложилось его содержание. Индивидуализирующий метод, напротив, был призван выяснить индивидуальные особенности автора источника; при помощи этого метода «историк пытается проникнуть в тайники личного творчества автора и даже хочет, в известном смысле, по возможности лучше его самого понять его произведения»¹⁶³. В связи с индивидуализирующим методом русский историк обосновал необходимость целостного анализа источников, отметив, что «правило о контексте» является «основным правилом» интерпретации¹⁶⁴.

Интерпретация, по мнению Лаппо-Данилевского, дает возможность понять и объяснить содержание источника, критика же устанавливает степень объективности или достоверности его сведений. Критику он делил на два вида: «критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта», и «критику, устанавливающую научно-историческую ценность показаний источника о факте»¹⁶⁵. Определение подлинности источника было связано с уяснением места и времени его появления, принадлежности определенному автору, с установлением копии и оригинала¹⁶⁶. Основным способом установления степени достоверности содержания источника исследователь считал совпадение данных различных источников об одном и том же историческом факте¹⁶⁷.

Правомерность выделения этих двух видов критики основана в конечном счете на различии способов отражения прошлого в изображающих и обозначающих источниках, остатках и преданиях. Так, например, применительно к остаткам культуры достаточно установления их подлинности, и если это достигнуто, то задачи критики можно считать исчерпанными¹⁶⁸. Критика, устанавливающая подлинность источника, применима, по его мнению, ко всем источникам, «критика же научной ценности показаний источника о факте, в сущности, применяется только к историческим преданиям»¹⁶⁹. Это и понятно, ведь каждый источник как продукт деятельности можно рассматривать как остаток этой деятельности, что и требует применять критику, устанавливающую подлинность источника, ко всем вообще источникам.

В целях установления подлинности или неподлинности источника Лаппо-Данилевский указывал на два

основных принципа: принцип единства сознания автора источника и принцип связи и зависимости между источниками. Эти принципы должны применяться, разумеется, в том случае, когда отсутствуют достаточно убедительные прямые данные о подлинности и неподлинности источника. Смысл принципа единства сознания автора источника состоял в следующем: историк, обнаружив внутреннее единство источника, заключает отсюда, что данный источник создан одним и тем же автором. Причем единство источника устанавливается «не только по логической согласованности мыслей, но и по единству цели и по единству ее исполнения в источнике»¹⁷⁰. Определение принадлежности источника автору имеет довольно существенное значение в работе историка и источникововеда, и осуществляется эта задача отчасти путем установления внутреннего единства источника с точки зрения содержания, особенностей стиля, почерка, манеры излагать материал и т. п.

Определение подлинности источника в целом или отдельных его частей путем сопоставления их с характерными особенностями творчества автора источника дополнялось анализом «соответствия данного источника с характерными особенностями той культуры, к которой он будто бы принадлежит»¹⁷¹. Отнесение отдельных частей источника или всего его к индивидуальности автора не дает, однако, по мнению Лаппо-Данилевского, окончательной уверенности в подлинности или неподлинности данного источника, такое отнесение может дать лишь приблизительные, гипотетические знания. «...Лишь обладая хорошим знанием личности автора, — считал он, — можно, например, с некоторой уверенностью ут-

верждать, что данная часть его произведения подлинная или неподлинная»¹⁷², то есть принадлежит этому автору или нет.

Другой важнейший критерий определения подлинности источников, дополняющий первый, основан на понимании той связи и зависимости, которая существует между различными источниками¹⁷³.

Анализируя отношения между источниками и стремясь определить смысл понятия «группы родственных источников», Лаппо-Данилевский пользовался термином «архетип», означая оригинал или основной источник, «повлиявший на возникновение остальных производных членов группы, то есть воспроизведенных с него копий или источников, содержащих заимствования из него, и т. п.». «Решение таких задач достигается при помощи общего приема, который можно назвать критикой составных частей источника...»¹⁷⁴ Определение подлинности источника путем установления его связи с другими источниками является, можно сказать, общепринятым и не вызывает никаких возражений.

Путь или способ установления архетипа может оказаться, по его мнению, довольно простым или сложным в зависимости от того, «сохранился ли он в действительности или не сохранился». Поэтому задача установления архетипа «состоит или в разыскании или в восстановлении» его¹⁷⁵. Восстановление архетипа связано с анализом копий и источников, имеющих заимствования из архетипа¹⁷⁶, и представляет собой критику состава источника, стремящуюся определить подлинность или неподлинность всего источника или его отдельных частей¹⁷⁷. В качестве примера восстановления архетипа

Лаппо-Данилевский говорил о восстановлении статуи Афины времен Фидия по римской копии с бюста, сохранившейся в Болонском музее, и по плохо реставрированному торсу Дрезденского музея; о выделении А. А. Шахматовым текста трех древнейших русских летописных сводов: древнейшего киевского, первого печерского и новгородского¹⁷⁸. Подобный подход к пониманию источников применяется и тогда, когда «нужно разыскать или восстановить несколько основных источников, от которых данный источник зависит»¹⁷⁹.

Особое внимание было обращено на подлинность источника. По его замечанию, таковая не является гарантией достоверности, «источник может быть подлинным и тем не менее оказаться недостоверным; или, наоборот, неподлинный источник может заключать достоверные показания»¹⁸⁰. Правомерность и необходимость определения достоверности исторических источников вытекала для Лаппо-Данилевского из необходимости понимания степени соответствия содержания показаний источника с содержанием реальных фактов прошлого и зависела «от того соотношения, в каком „верные его элементы“ находятся ко всей совокупности включенных в показание элементов»¹⁸¹.

Среди критериев установления достоверности содержания источника историк указывал прежде всего на два: критерий абсолютной истины и критерий фактической истины. Само выделение этих критериев зависит «от того, решается ли вопрос о том, мог или не мог случиться показываемый факт, или вопрос о том, был ли он или не был в действительности»¹⁸². Критерий абсолютной истины имел в качестве своей основы признание Лаппо-Данилевским абстрактных законов созна-

ния. Этот критерий сводился к «понятию о тех законах сознания и природы, которые историк признает (разумеется, в формальном смысле) „абсолютно“ истинными и согласно с которыми, по его убеждению, описываемый факт и должен был произойти: если показание или, точнее, его содержание, то есть суждение показывающего о каком-либо факте, соответствует законам, согласно которым он должен быть представлен, то историк и признает его „возможным“, в обратном же случае он считает его невозможным»¹⁸³.

Основным критерием достоверности источника он считал критерий фактической истины, смысл которого состоял в выяснении совпадения сведений об одном и том же факте, сообщаемых различными, друг от друга независимыми источниками¹⁸⁴. Им выделялись «согласованность показаний» и «совпадение показаний». Согласованными показаниями были такие, которые, не противореча одно другому, дополняют наши знания об одном и том же факте¹⁸⁵, а совпадением показаний — когда «два показания или несколько показаний об одном и том же факте тождественны по содержанию и независимы друг от друга»¹⁸⁶.

Для выяснения степени достоверности содержания исторических источников Лаппо-Данилевский предлагал осуществлять анализ их генезиса, полагая, что «такое исследование эмпирически обуславливает суждение о достоверности или недостоверности показания и дает возможность проверить вывод относительно значения, выяснив, почему оно оказывается достоверным или недостоверным»¹⁸⁷. Тот или иной характер содержания источника, отмечал он, может быть обусловлен различными факторами, среди которых он выделял

личность автора, его темперамент, характер, пол, возраст, социальное положение¹⁸⁸, «культуру, в частности, городские или сельские условия его жизни», «национальные, племенные и бытовые особенности»¹⁸⁹.

Основное значение исторических источников Лаппо-Данилевский видел в том, что они позволяют историку адекватно осознавать прошлое. Подводя итог своему анализу, он писал: «Вообще можно сказать, что исторические источники имеют и теоретическое и практическое значение: в теоретическом отношении они важны для познания исторической действительности, в практическом нужны для того, чтобы действовать в ней и соучаствовать в культурной жизни человечества»¹⁹⁰. В этой связи можно привести столь же остроумное, сколь и глубокое по содержанию опровержение Лаппо-Данилевским скептицизма, апеллирующего к случайному характеру и ограниченному количеству источников. Рассуждая о том, можно ли познать прошлое на основе использования случайно сохранившихся остатков, он писал: «Нельзя не заметить, однако, что такой вопрос уже предполагает со стороны историка некоторое знание, хотя бы в самых общих, но и главнейших очертаниях, того целого, по отношению к которому данный материал признается „случайным“, а так как самое понятие о целом основано на этом же материале, то и его „случайность“ окажется относительной...»¹⁹¹

Оценивая историческое значение и место источниковедческой концепции Лаппо-Данилевского, следует признать, что в своих наиболее существенных чертах она отражала поступательное движение исторической науки.

Исследования в области дипломатики

В последние годы своей научной деятельности историк вернулся к размышлениям об идее государства и ее развитии в России. На основании сделанных им же сложных подготовительных работ он исследовал те перемены, какие произошли в понятии об отношении между государством и подданными до и после эпохи преобразований¹⁹².

Особое внимание он уделил дипломатике частных актов московского периода. Совместно со своими учениками он составил научный каталог всех изданных документов подобного рода. В числе его собственных работ по сфрагистике и дипломатике можно назвать монографию о печатях галицко-vlадимирских князей и их советников XIV века¹⁹³, а также исследование о «служивых кабалах позднейшего типа», в котором он предложил новый метод анализа их формуляра и его разновидностей¹⁹⁴.

В последние месяцы своей жизни русский ученый приступил к написанию лекций «Очерков русской дипломатики частных актов». Очерк сложился в теснейшей связи со всею научной и педагогической деятельностью и стал результатом практических занятий по «дипломатике частных актов Московского государства», проводимых Лаппо-Данилевским со студентами университета с 1903 года. Работая над «Очерками» в дни своей болезни, историк подготовил к печати только треть материала¹⁹⁵, остальные части работы представляли лишь первоначальную редакцию. Исследование было подготовлено к печати его учеником А. И. Андреевым.

Уже в своей магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» Лаппо-Данилевский много внимания уделил изучению документов и правовых материалов, связанных с этим периодом. В соответствии со своими научными интересами, ученый пришел к проблеме изучения частно-правового акта и к проблеме методологии.

Для палеографа рукопись имеет археологическую ценность, это вещественный остаток старины, отразившийся не только в содержании текста, но и в характере писчего материала, в стиле подчерка, в украшении рукописи заставками и фигурными буквами, орнаментальным плетением вязи, даже в самом расположении строк, заполняющих страницу. Для дипломатики изучение письменных документов данной эпохи сводится к установлению определенных форм, в которых выразились ее государственные, гражданские и частные отношения. Она выходит за пределы служебных, вспомогательных задач исторической критики и источниковедения и поднимается до анализа культурно-исторического творчества эпохи, эволюции форм документов, их типичных особенностей.

Дипломатика — одна из старейших исторических дисциплин, возникла в XVIII веке во Франции. Расцвет ее пришелся на вторую половину XIX века и был связан с работами немецких исследователей, превративших ее в одну из «вспомогательных» исторических наук. В Германии дипломатика приобрела прочную научную основу благодаря тому, что главным ее предметом стало искусство различения подлинных и поддельных актов, а также исследование условий, в которых

они создавались. Значение дипломатики исчерпывается генетическим изучением подлинности актов. Дальнейшее использование акта принадлежит уже собственно историческому исследованию. Немецкая дипломатика выработала методы такого изучения, дала ряд крупных достижений в области познания его строения и эволюции.

В России работ по дипломатике практически не было, за исключением курса лекций Н. П. Лихачева¹⁹⁶, который он читал в Петроградском археологическом институте и разрешил его частично издать для слушателей института. Подготовленный к печати специальный курс по русской дипломатике частных актов Лаппо-Данилевского существенно отличался от курса Лихачева. Это было не руководство по дипломатике частных актов, а введение к ней, устанавливающее ее основные задачи и методы.

В труде Лаппо-Данилевского русская дипломатика приобретала свое лицо, превратившись в новое направление. Система русского ученого исходила из достижений немецкой науки и одновременно выходила за их узкие рамки. «Дипломатика, — отмечал он, — в сущности возникла в связи с исследованием старинных документов и актов, как источников... только с течением времени такая точка зрения на дипломатику была преодолена, и ей была поставлена новая задача — изучать акт как историческое явление, явление в ряду других явлений, в их зависимости от данных условий места и времени, состояния и периода культуры и т. п.»¹⁹⁷ Терминологически Лаппо-Данилевский обозначал это как «документальное построение частного акта»¹⁹⁸. Для историка «документальное построение» обусловлено не

тем или иным объектом изучения (публичным или частным актом), а познавательной точкою зрения на акт не как на источник, а как на явление. На это положение указывал А. С. Пресняков¹⁹⁹, отмечая, что до недавнего времени к древнерусским летописным сводам «относились почти исключительно как к источнику фактических известий разного рода» и лишь в трудах А. А. Шахматова наука взглянула на них как на «драгоценные памятники общественной мысли и литературно-публицистического творчества», то есть, в терминологии Лаппо-Данилевского, как на «явление». Отсюда различие двух частей дипломатики: документального источниковедения, которое выясняет принципы и приемы интерпретации и критики актов, и документального построения актов, которое выясняет их состав, разновидности их формуляров, их происхождение, способы удовлетворения²⁰⁰.

Первый отдел лекций представлял общие понятия о дипломатике и ее положении в русской исторической науке. В этом вопросе Лаппо-Данилевский выступил как первопроходец, он разработал основную терминологию, еще не устоявшуюся в литературе, и связанные с нею основные понятия. Понятиям о документе и об акте он придал широкое значение, то есть трактовал их как «письменные остатки культуры»²⁰¹, в том же смысле, какой имел в старой Руси термин «грамота».

Документы правового значения были обозначены специальным термином — «акты». Историк установил различие двух их разрядов: акты с осведомительным и с удостоверительным характером, рассматривая их «последовательное развитие во времени»²⁰². Различие устанавливалось по цели акта или тому интересу, для

удовлетворения которого он служит, по его основной характеристике, придающей синтетическое единство его элементам, и определяет его дипломатическую структуру. На ряде примеров было показано различие, соответствующее определенным категориям древнерусских актов: «памятей» и «указов».

Другое существенное различие публичных и частных актов было связано с определением границы, которая проводилась между публичным и частным правом. Лаппо-Данилевский уяснил, в какой мере это различие применялось в старинном русском праве, на основе какого критерия оно проводилось и как этот критерий видоизменялся по мере развития русского правосознания. Сложность вопроса побудила его, совместно со своими учениками, составить каталог изданных частных актов.

Давая краткий этюд разграничения «сферы правоотношений» в старинном русском праве и законодательстве XVIII века, исследователь пришел к выводу, что в его основе лежало понятие о публичном и частно-правовом акте, различие публичного и частного права. Этот вопрос он предложил для обсуждения юристам. Двигаясь в этом направлении, историк положил в основу разграничения понятий о публично-правовом и частно-правовом акте «некоторые различия между понятиями о публичном и частном праве»²⁰³. Следуя юридической классификации, Лаппо-Данилевский указал и на «переходные формы от публичных актов к частным». В группе публично-правовых актов ими являются «публично-правовые акты с частно-правовым значением», такие, например, как правовые грамоты — «публично-правовые акты, но вместе с тем они удостоверяют

права собственности заинтересованных лиц, служат доказательствами таковых в случаях их нарушения и т. п., т. е. в известном отношении получают частно-правовое значение»²⁰⁴. К частно-правовым относятся те, которые «могли получать черты публичных актов с частно-правовым знанием», например местные акты, которые «бывали правительственными и частными»²⁰⁵. Однако, исходя из юридической точки зрения, некоторые акты было очень трудно отнести к той или иной группе, поскольку публично-правовые элементы иногда смешивались с частно-правовыми в одном и том же акте²⁰⁶.

Лаппо-Данилевский определял частно-правовой акт тремя признаками. Первый — это «волеизъявительный характер» акта, фиксирующего в определенной форме одностороннее или обоюдостороннее волеизъявление. Второй — это его «нормативный характер» (то есть опора его на определенную правовую норму). Третий признак — само содержание волеизъявления, указывающее на «возникновение, изменение или прекращение какого-либо правоотношения личного или имущественного»²⁰⁷. Таким образом, общее различие между публичным и частным правом позволяет «различать в составе наших документов публичные и частные акты»²⁰⁸. Однако Лаппо-Данилевский указывал и на другое решение проблемы, зависящее от субъекта прав и, следовательно, от той канцелярии, в которой акт составлялся. Таким образом, по этому основному признаку к публичным относились акты, вышедшие из публичной канцелярии, к частным — все остальные.

Но это решение не всегда совпадает с различием актов с чисто дипломатической точки зрения по их формулярам. Недостаточная устойчивость этого крите-

рия побудила его сочетать в определении публичных и частных актов разнородные признаки: род правоотношений и способ совершения акта правительственными или частными лицами. Лаппо-Данилевский не абсолютизировал это противопоставление не только потому, что граница между сферами публичного и частного права была в разное время различной и устанавливалась постепенно в исторически слагавшейся практике, но и вследствие того, что он вводил представление о «переходных формах от публичных актов к частным»²⁰⁹. Такими он признавал, например, духовные грамоты великих князей, выборы в священники, жалованные вотчинные грамоты, судные списки, прямые грамоты и т. д. Намеченные им проблемы требовали дальнейшей разработки с точки зрения синтеза дипломатических элементов акта по той цели, которая «придает ему некоторое единство»²¹⁰.

Во втором разделе своих лекций Лаппо-Данилевский рассматривал документальное источниковедение частных актов. Оно является применением документального построения актов к потребностям исторического исследования, материалом которому служат эти акты. Историк предпослал изложение приемов интерпретации и критики актов их дипломатическому анализу и синтезу. К интерпретации акта он отнес также элементарные общие палеографические и археографические предпосылки всякого изучения текста — его правильное чтение, понятие общего его смысла, истолкование отдельных выражений и т. п. Вторая часть документального источниковедения — критика актов. Она включает в себя общие археографические приемы: изучение писчего материала, почерка и т. д.

Основной отдел лекций, третий раздел, посвящен дипломатике актов — «Документальное построение частных актов»; это преимущественно методологический этюд. Акты как историческое явление в жизни народов, как продукт их культуры являются основной темой документального построения. К актам относятся те же вопросы, что и ко всякому историческому явлению: каковы функции акта в данном обществе, каков его состав и т. п. Путь к такой конструкции лежит через анализ актового материала и его последующий синтез.

При анализе необходимо прежде всего установить, к какому месту и времени акт относится, а потом уже подвергать его соответствующему дипломатическому и юридическому рассмотрению. Анализ состоит из трех стадий. Предварительный — исторический — определяет место и время происхождения акта. Дипломатический — расчленяет акт на составные части — клаузулы, выясняет путем сравнительного изучения данной группы актов типичные клаузулы целой категории актов и строит, по возможности, ее типичный формуляр. В вопросе о клаузуле он имел отличное от общепринятого мнение. Клаузула для него это «отражение элементов юридической сделки, которые в акте являются в виде отдельной мысли, она имеет синтаксическое выражение — периодов, предложений и т. п.»²¹¹. Клаузулы различаются на юридические и бытовые²¹². Задача анализа акта не исчерпывается установлением его клаузуального состава. Исследованию подвергаются не единичные акты, а целые их разновидности. Следовательно, возникает новая проблема: нахождение клаузуального состава, присущего не единственному акту,

а типичного для всей разновидности. Лаппо-Данилевский приходит к методам установления типичности клаузул и излагает графико-статистический метод дипломатической работы, который впервые был им применен.

Юридический анализ акта имеет целью выяснить его правовое содержание, то есть свойство зафиксированной в нем юридической сделки и ее элементов, определяющихся более или менее в клаузулах акта. По мнению ученого, дипломатический и юридический анализ предполагают друг друга и подготавливают синтез акта — его цельную концепцию, которая ложится в основу классификации актов, их интерпретации и критики, имея при этом самостоятельную культурно-историческую цену, как живой элемент истории правосознания и правотворчества. Проблема синтеза частного акта была изложена им в «Методологии истории». Систематизировать акт — это значит включить его в историческое целое.

Незавершенный труд по русской истории XVIII века

Главным научным замыслом Лаппо-Данилевского стал обширный труд по изучению культурного влияния Запада на развитие общественного самосознания в XVIII веке. 1 марта 1900 года он обратился в отделение истории Академии наук с письмом, в котором писал: «В настоящее время почти закончил первую часть труда о научных основах русского правосознания в XVIII веке, посвященную изучению того влияния, какое так называемое „естественное право“ оказало на разви-

тие русского правоведения и политики того времени»²¹³. Речь идет о его докторской диссертации — «История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». Это исследование явилось основой, вокруг которой группировались все его труды по русской истории. По верному замечанию Преснякова, правильно оценить вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку без учета этой книги просто невозможно²¹⁴.

Целая плеяда исследователей ставила и разрабатывала в исторической науке сложнейшие проблемы истории русской культуры. Лаппо-Данилевский также обратился к этой теме и нашел свой подход к богатейшему и тогда еще практически не изученному материалу. В работе по истории русской культуры соединились разнообразные дарования и интересы русского историка. Одновременно с ним историей русской культуры занимался и П. Н. Милюков. В своем четырехтомном обобщающем труде по истории русской культуры он проследил развитие государственных и общественных институтов. Главный его тезис сводился к тому, что история культуры должна охватывать «все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую»²¹⁵. Во главу угла развития русской культуры он ставил борьбу различных влияний — восточного и западного.

В отличие от Милюкова, Лаппо-Данилевский не разрабатывал теоретических основ своей концепции культуры. Однако в «Методологии истории» он уделил большое внимание развитию истории культуры как специальной научной дисциплине, с которой начался «век

просвещения». Так же как и Милюков, он придерживался той точки зрения, что развитие культуры в России шло в борьбе восточного и западного направлений.

Замысел работы возник у Лаппо-Данилевского в начале 90-х годов XIX века. В письме М. А. Дьяконову он писал: «...кое-что подбираю по XVIII в. Летом 1891 г. особенно займусь будущим курсом в университете (история сословий в России XVIII в.), который поставлю в связь с будущей работой по общественным идеалам...»²¹⁶ А в автобиографии, написанной для биографического словаря действительных членов Академии наук, он более подробно раскрыл содержание занимавшей его в 90-е годы темы: «...стал преимущественно заниматься исследованием русской общественной жизни XVIII в., материальных, а отчасти и духовных фактов ее культуры, и взаимоотношением, какое обнаруживалось между ее проявлениями и правовыми нормами»²¹⁷.

Постоянное недовольство уже сделанным и как следствие — расширение, уточнение, дополнение написанного не позволили Лаппо-Данилевскому завершить работу полностью, остановили издание книги. «Это исследование, — отмечал Г. В. Вернадский, — не было напечатано только вследствие чрезвычайной, в данном случае, прямо можно сказать, чрезмерной ученой шепетильности и мнительности Александра Сергеевича, желавшего достичь идеальной, предельной точности и отделки своего труда и потому не сдававшего его в печать, хотя, кажется, он уже давно — более десяти лет — был совершенно к печати готов»²¹⁸.

Первая часть работы была в основном закончена к середине 1900 года, а вся она вчерне готова к 1906—

1907 годам²¹⁹. Однако активная переделка текста продолжалась вплоть до 1911 года, когда историк предполагал начать печатать первый том — «Вводный», охватывающий только XVII век, до эпохи преобразований²²⁰. Но и это намерение выполнить не удалось, в 1911—1912 годах внимание ученого переключилось на другие темы. В 1917—1918 годах Лаппо-Данилевский возвратился к идее опубликовать сделанное, совместно со своими учениками он предпринял необходимые шаги.

Первоначально Лаппо-Данилевский предполагал сосредоточить всю работу на анализе общественного сознания XVIII века, рассматривая его в контексте «проникновения при Петре I политических идей с Запада в Россию через Польшу». Свое исследование он начал с рассмотрения влияния латино-польской образованности на русскую общественную мысль и переходил затем к рассмотрению влияния протестантской культуры. Однако в своем исследовании он главное внимание уделял русской национальной культуре, сформировавшейся во второй половине XVIII века. В небольшом «Введении» объяснялось, почему исследование начинается с анализа влияния католической и протестантской культур на русскую мысль XVII века. Вывод был таков: «...теперь можно... ценить ее или с прежней католической, или с новой протестантской точки зрения», то есть нарушено «лишь единство критерия религиозной оценки культуры». Этот вывод определил подход ученого к воздействию западноевропейской культуры на русскую. Он различал в нем два течения — католическое и протестантское. Сопоставляя далее успехи того и другого в России XVII века, историк справедливо ука-

зывал, что католицизму и связанной с ним схоластике повезло менее всего. Именно «латинское учение» вызывало наиболее сильные нападки русских «восточников», воспринимавших его как «еретическое мудрование». Протестантизм, по заключению историка, «давал, конечно, человеку больше свободы для развития новой светской образованности»²²¹.

Особо Лаппо-Данилевский оговаривал специфику заимствований русской культуры XVII—XVIII веков. Во-первых, это неготовность русских подчинить православной точке зрения светские элементы католической или протестантской культуры. Во-вторых — хроническая отсталость Восточной Европы. Своеобразной чертой развития политических идей в России он считал также отсутствие полной координированности между субъектом эволюции правосознания и направлением эволюции, зависимость этого процесса от «случайных посторонних влияний»²²². Специфика культурно-исторического исследования, глубоко прочувствованная им, выразилась, по его словам, в том, что «следовало принять во внимание не одну только историю проникновения данных теорий в среду русского общества, но и историю их распространения в том же обществе: самые процессы распространения, главным образом путем школьного обучения и литературных влияний, а также экстенсивность заимствований казались заслуживающими изучения»²²³. Этим объясняется подробное изложение в работе роли Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий, других культурных центров распространения образования, идей.

В своем труде русский историк исходил из поисков прямого заимствования идей, но при этом вступал в

противоречие со своей посылкой, не находя прямых аналогов. Так, сопоставляя взгляды на государство знаменитого русского мыслителя XVI века Ивана Пересветова и польского философа Яна Остророга, он констатировал, что мысли первого «довольно близки к положениям второго». Но если даже признать возможность такого влияния, придется заметить, что оно обнаружилось лишь в исключительных случаях и едва ли имело в то время какое-либо существенное значение»²²⁴. Не найдя прямых и непосредственных связей, он тем не менее не ставил вопроса о самозарождении сходных идей независимо друг от друга у европейских и русских авторов.

Главная мысль ученого состояла в том, что идеи получают историческое значение лишь в зависимости от их действительности, проявления в поступках и т. д. Он поставил своей задачей проследить влияние европейской юридической и политической мысли на общественные отношения и правительственную политику, в особенности на формирование просвещенного абсолютизма.

Основным аспектом изучения истории культуры Лаппо-Данилевский считал «развитие народного самосознания», борьбу идей, формирование «личного начала»²²⁵. В этой связи он отмечал: «Первый проблеск самосознания в народе, как и в отдельных лицах, является при сравнении своего национального „Я“ с окружающей его средой. Но мало-помалу национальное „Я“ начинает противопоставляться и квалифицированному не „Я“ и чему-нибудь такому, что имеет положительное, а не отрицательное содержание. Русский народ с указанной нами точки зрения долгое время находился

в неблагоприятных условиях развития. На первых порах ему приходилось сталкиваться большей частью с такими племенами, которые стояли ниже его по своей культуре. Лишь со второй половины XVI в. получил он возможность сравнивать себя с народами более развитыми. События, которыми знаменуется период от XVI в. к XVII и от XVII в. к XVIII в., связан с такой сравнительной оценкой своего национального „Я“, способствовали, конечно, более сознательному отношению русских людей к потребностям и задачам последующей их государственной жизни»²²⁶.

Особую заслугу в формировании национального самосознания в XVIII столетии Лаппо-Данилевский отдавал правительству Петра I и русскому обществу второй половины XVIII века. По его словам, «...в XVIII в. завязывались узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время. От того, как мы будем понимать это время, зависит многое в настоящем и будущем, а между тем это время и остается почти неизвестным. Осветить его надлежащим научным образом — задача благородная и необходимая»²²⁷. Важнейшими моментами в истории России этого столетия историк считал «прогрессивную деятельность обновленного правительства и зачатки сословного строя», «апогеем развития — либеральные отношения просвещенного абсолютизма к зарождавшемуся русскому обществу» и, наконец, «то общественное брожение, которое несколько позже привело к 14 декабря 1825 г.»²²⁸.

Взаимосвязь: государство — общество — личность — эта та триада, которой был верен ученый и которая нашла свое законченное выражение в его неза-

конченной монографии о XVIII веке. Здесь Лаппо-Данилевский во многом следовал традиции либеральной историографии и историко-юридической школы, заложенной К. Д. Кавелиным. Надо также признать, что целый ряд исторических идей Просвещения оказались существенными для формирования концепции Лаппо-Данилевского. Это и представление о «коллективном субъекте», «сложном индивиде» как субъекте истории (которым является человечество), и учение о единстве человеческой природы, и концепция исторической критики. Сюда следует отнести понятие «личность», понимаемое в Просвещении как то, что осознает свои состояния и определяет на основе разума свои действия. С другой стороны, согласно Лаппо-Данилевскому, «личность» получает по преимуществу юридическое оформление. Наука, строящаяся на исследовании понятия личности, — это история, которая, таким образом, становится наукой человеческого самосознания. Поэтому обращение русского историка к XVIII веку, в котором обнаруживаются истоки этих исторических представлений, не случайно.

В 1990 году под названием «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.» были опубликованы первый и второй отделы первой части этого труда. Неизданными остались третий отдел первой части, включающий главы, посвященные просветительской политике Петра Великого, теории абсолютизма и имманентной идее государства (кн. Д. М. Голицын); вторая часть, посвященная политическим идеологиям в русском обществе XVIII века, в частности теории естественного права, доктрине «общего блага», просвещенному абсолютизму; третья часть, также по-

священная развитию русского правосознания XVIII века, в нее вошли главы, рассматривающие помимо естественно-правовой теории другие юридические доктрины, в частности этический индивидуализм и радикализм А. Н. Радищева, этический индивидуализм масонства и теорию положительного права, в одной из глав исследуется отражение системы русского права в литературе и законодательстве второй половины XVIII века, в другой рассматривается деятельность И. И. Бецкого в сфере образования. Это объемное исследование, далеко выходящее за рамки чисто исторического труда, в котором исчерпывающим для своего времени образом рассмотрены указанные проблемы, не утратило научной ценности до сих пор.

Примечания

¹ *Пресняков А. Е.* Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории. С. 98.

² *Лаппо-Данилевский А. С.* Речь на магистерском диспуте 9 мая 1890 г. // Историческое обозрение. Т. 1. СПб., 1890. С. 284.

³ *Лаппо-Данилевский А. С.* Лекции по Русской Истории, читанные студентам 1-го курса И. И. Ф. Института в 1890/91 академическом году (литография). Б. м., б. г. С. 1.

⁴ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 49.

⁵ *Лаппо-Данилевский А. С.* Речь на магистерском диспуте 9 мая 1890 г. // Историческое обозрение. Т. 1. С. 284—285.

⁶ См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинениях В. И. Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 5. С. 21—38; Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // Там же. 1885. № 9. С. 66—106; Русская промышленная политика в XVIII в. // Там же. 1886. № 5. С. 143—149.

⁷ *Лаппо-Данилевский А. С.* Скифские древности // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. IV. СПб., 1887. С. 352—543.

⁸ *Лаппо-Данилевский А. С.* Скифские древности. СПб., 1887. С. 149.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ Там же. С. 41, 36—37.

¹¹ *Мищенко Ф. Г. А. С.* Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПб., 1887. // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 9.

¹² *Лаппо-Данилевский А. С.* Заметки по поводу статьи Ф. Г. Мищенко о «Скифских древностях» // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 11. С. 162.

¹³ Лаппо-Данилевский А. С. Древности кургана Карагодешух, как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III в. до Р. Х. Исследования // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. № 18. СПб., 1893.

¹⁴ Лаппо-Данилевский А. С. О величине дворовых и огородных мест древнерусского города по некоторым данным первой половины XVII века // Записки Императорского Русского Археологического общества. Новая серия. СПб., 1888. Т. III. Вып. 3—4. С. 307—316.

¹⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Какое значение имели «приправочные» книги в XVII веке? // Библиограф. 1889. № 8—9. С. 167—169.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Поверстная и указная книги Ямского приказа // Библиограф. 1890. № 9—10. С. 93—107.

¹⁷ Лаппо-Данилевский А. С. «Мостовые и решеточные деньги» в Новгороде и Москве в XVII в. // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. V. № 4. СПб., 1902.

¹⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Кормленая книга Костромской четверти. 1613—1627. СПб., 1894. С. I—XXV.

¹⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду // Русская Историческая библиотека. Т. XVII (сборный). СПб., 1898.

²⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // Русская Историческая библиотека. Т. XVII.

²¹ Лаппо-Данилевский А. С. Отрывки из дела о сборе земли, дров и денег на «емчюжное дело» с погостов Новгородских пятин XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1888—1894. Вып. XI. СПб., 1900. С. 232—239.

²² Записка А. С. Лаппо-Данилевского: «Веревная книга Николаевского Корельского монастыря. 1707 г.» // Летопись занятий Археографической комиссии за 1902 г. Вып. XV. СПб., 1905. С. 19—21.

²³ Милоков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Рец. на сочинение А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований». СПб., 1890. // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. № 7. С. 203.

²⁴ Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. Вып. 1. СПб., 1890. С. 3.

²⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 180.

²⁶ Там же. С. 240.

²⁷ Там же. С. 501—502.

²⁸ Там же. С. 501.

²⁹ См.: Там же. С. 30.

³⁰ Там же. С. 500.

³¹ См. рецензии на работу Лаппо-Данилевского М. А. Дьяконова (Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 8. С. 370—380), В. А. Мякотина (Исторический вестник. 1890. № 8. С. 449—454), В. Н. Сторожева (Юридический вестник. 1890. № 11. С. 462—474), Н. Н. Чечулина (Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 3. С. 70), Н. И. Кареева и С. Ф. Платонова (Историческое обозрение. Т. 1. С. 283—294).

³² Милоков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. С. 132, 141, 8.

³³ См.: Там же. С. 133, 154.

³⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве... С. 245.

³⁵ Милоков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1892. С. 17—23.

³⁶ Милоков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. С. 117.

³⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве... С. 243—245.

³⁸ Миллюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. С. 114, 122—123.

³⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1893. № 7. С. 202—231.

⁴⁰ Миллюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. С. 118.

⁴¹ См.: Русская мысль. 1885. № 10. С. 13.

⁴² Журнал Министерства народного просвещения. 1893. № 7. С. 219.

⁴³ Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5.

⁴⁴ Историческое обозрение. 1891. Т. III. С. 109—133.

⁴⁵ Там же. С. 123, 127.

⁴⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899. С. 1.

⁴⁷ Там же. С. 8.

⁴⁸ Там же. С. 61.

⁴⁹ См.: Там же. С. 79.

⁵⁰ Там же. С. 114.

⁵¹ Там же. С. 123.

⁵² Крестьянский строй. Сб. Т. 1. СПб., 1905. С. 123, 126.

⁵³ См.: Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. III. Оп. 1. Д. 68—85.

⁵⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 4.

⁵⁵ См.: И. И. Бецкой и его система воспитания, отзыв А. С. Лаппо-Данилевского о сочинении П. Н. Майкова: «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии» // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. VI. № 7. СПб., 1904. С. 117—177.

⁵⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Императрица Екатерина II (Очерк внутренней политики) // Космополис. 1897. Т. VII. № 1. С. 48—69; № 2. С. 92—111; Т. VIII. № 1. С. 28—48.

⁵⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 12.

⁵⁸ Там же. С. 15.

⁵⁹ Там же. С. 15, 16, 17.

⁶⁰ Там же. С. 3.

⁶¹ Там же. С. 18.

⁶² Там же. С. 19.

⁶³ Лаппо-Данилевский А. С. Екатерина II и крестьянский вопрос // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 1. М., 1911. С. 163—190.

⁶⁴ Там же. С. 164—166.

⁶⁵ Там же. С. 169—170.

⁶⁶ Там же. С. 166—167.

⁶⁷ Там же. С. 168—176.

⁶⁸ Там же. С. 177—178.

⁶⁹ Там же. С. 189—190.

⁷⁰ См.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сб. материалов и исследований. СПб., 1907.

⁷¹ Там же. С. 211—308.

⁷² Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 5.

⁷³ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. № 6.

⁷⁴ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 12.

⁷⁵ Цит. по: Гревс М. И. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: (Опыт истолкования души). С. 80.

⁷⁶ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. С. 3.

⁷⁷ Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 901.

⁷⁸ Там же. Л. 903.

⁷⁹ Там же. Л. 919, 939.

⁸⁰ Там же. Л. 920.

⁸¹ Там же. Л. 919.

- 82 Там же.
- 83 Там же. Л. 925.
- 84 Там же.
- 85 «И аще бых писал чином историографическим, то уже бы совершил начатое» (Там же. Л. 926).
- 86 Там же. Л. 929.
- 87 Там же. Л. 938, 940 и след.
- 88 Там же. Л. 941.
- 89 Там же. Л. 942.
- 90 Там же. Л. 941.
- 91 Там же.
- 92 Там же. Л. 946.
- 93 Там же. Л. 948.
- 94 Там же. Л. 949.
- 95 Там же. Л. 946.
- 96 Там же. Л. 948.
- 97 *Милоков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1897.
- 98 Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 906.
- 99 «1 (период). Изучение научной обработки русской истории с точки зрения критической школы, основанной Шлецером» // Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 1. Д. 72. Л. 13.
- 100 Там же. Д. 73. Л. 121, 122, 124.
- 101 Там же. Л. 70, 645—737, 424—492.
- 102 Там же. Л. 661.
- 103 Там же. Д. 73. Л. 90.
- 104 Там же.
- 105 Там же. Л. 87.
- 106 Там же. Л. 89.
- 107 *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк развития русской историографии. С. 5.
- 108 Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 5—1043.
- 109 Там же. Д. 73. Л. 133—141.

¹¹⁰ Там же. Л. 90.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. Д. 63. Л. 894.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. Л. 896.

¹¹⁵ Там же. Д. 68. Л. 897.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Под термином «номологическое» направление (от греч. *номо* — закон и *logos* — учение; слово) Лаппо-Данилевский понимал то же, что и «номотетическое», в одной из своих рукописей (1905 г.) он записал после упоминания имени И. Н. Болтина: «Законы естественного развития данной национальности» (Там же. Д. 72. Л. 3).

¹¹⁸ Там же. Д. 71. Л. 843—844.

¹¹⁹ Там же. Д. 72. Л. 446.

¹²⁰ *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. С. 502—503.

¹²¹ *Валк С. Н.* Рец.: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Петроград, 1920 // Книга и революция. 1920. № 2. С. 39.

¹²² См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963. С. 620.

¹²³ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. II. С. 339.

¹²⁴ Там же. С. 341—342.

¹²⁵ Там же. С. 366.

¹²⁶ Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп.1. Ед. хр. 145. Л. 145.

¹²⁷ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. II. С. 340.

¹²⁸ Там же. С. 354.

¹²⁹ Там же. С. 347.

¹³⁰ Там же. С. 356.

¹³¹ Там же. С. 374.

¹³² Там же. С. 386.

¹³³ Там же. С. 446.

- 134 Там же. С. 447.
135 Там же. С. 448.
136 Там же.
137 Там же. С. 440, 442, 443, 447, 466, 486, 502.
138 Там же. С. 445.
139 Там же. С. 502.
140 Там же. С. 387.
141 Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113.
Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 560.
142 Там же. Ед. хр. 145. Л. 148.
143 *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории.
Вып. II. С. 796.
144 Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113.
Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 165.
145 *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории.
Вып. II. С. 381—382.
146 Там же. С. 385.
148 Там же. С. 387.
149 Там же. С. 386.
150 Там же. С. 385.
151 Там же. С. 386—387.
152 Там же. С. 514.
153 Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113.
Об. 1. Ед. хр. 146. Л. 261.
154 Там же. Ед. хр. 145. Л. 292.
155 Там же. Л. 293.
156 *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории.
Вып. II. С. 408.
157 Там же. С. 114.
158 Там же. С. 420.
159 Там же. С. 416.
160 Там же. С. 438.
161 Там же. С. 453.
162 Там же. С. 463.
163 Там же. С. 493.
164 Там же. С. 500.

¹⁶⁵ Там же. С. 524.

¹⁶⁶ Там же. С. 532.

¹⁶⁷ Там же. С. 643—648.

¹⁶⁸ Там же. С. 528.

¹⁶⁹ Там же. С. 529.

¹⁷⁰ Там же. С. 534.

¹⁷¹ Там же. С. 543.

¹⁷² Там же. С. 562.

¹⁷³ Там же. С. 563.

¹⁷⁴ Там же. С. 572.

¹⁷⁵ Там же. С. 573.

¹⁷⁶ Там же. С. 578—579.

¹⁷⁷ Там же. С. 584.

¹⁷⁸ Там же. С. 585.

¹⁷⁹ Там же. С. 586.

¹⁸⁰ Там же. С. 618.

¹⁸¹ Там же. С. 622.

¹⁸² Там же. 624—625.

¹⁸³ Там же. С. 625.

¹⁸⁴ Там же. С. 643.

¹⁸⁵ Там же. С. 644.

¹⁸⁶ Там же. С. 648.

¹⁸⁷ Там же. С. 676.

¹⁸⁸ Там же. С. 712.

¹⁸⁹ Там же. С. 740.

¹⁹⁰ Там же. С. 765.

¹⁹¹ Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 522.

¹⁹² L'idee de l'Etat et son evolution en Russie depuis les troubles du XVII-ème siecle jusqu'aux reformes du XVIII-me // Essays in legal history read before the International Congress of historical studies held in London. Oxford. 1913. P. 356—383; русский перевод статьи с незначительным сокращением см.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5—38.

¹⁹³ Лаппо-Данилевский А. С. Печати последних Галицко-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. С. 211—311.

¹⁹⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Служивые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 719—764.

¹⁹⁵ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920. С. 3—66.

¹⁹⁶ См.: Лихачев Н. П. Дипломатика (Из лекций, читанных в СПб. Археологическом институте). СПб., 1901 (переизданные в 1902, 1903, 1906 гг.).

¹⁹⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. С. 51.

¹⁹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹⁹ См.: Дела и Дни. 1920. Кн. 1. С. 450.

²⁰⁰ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. С. 9.

²⁰¹ Там же. С. 15.

²⁰² Там же. С. 41.

²⁰³ Там же. С. 30.

²⁰⁴ Там же. С. 42.

²⁰⁵ Там же. С. 45—46.

²⁰⁶ Там же. С. 46—47.

²⁰⁷ Там же. С. 47—48.

²⁰⁸ Там же. С. 49.

²⁰⁹ Там же. С. 31.

²¹⁰ Там же. С. 32.

²¹¹ Там же. С. 135.

²¹² Там же. С. 137.

²¹³ Цит. по: История Российской Академии наук. 1919. № 8—11. С. 364.

²¹⁴ *Пресняков А. Е.* Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 97—98.

²¹⁵ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 5-е изд. СПб., 1904. Ч. 1. С. 3.

²¹⁶ Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 698—779. Л. 35.

²¹⁷ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. С. 406.

²¹⁸ *Вернадский Г. В. А. С. Лаппо-Данилевский как историк России XVIII в.* // Известия Таврической ученой археологической комиссии. Симферополь, 1919. № 56. С. 159.

²¹⁹ Архив РАН. Санкт-Петербургское отделение. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 35—41.

²²⁰ Там же. Ф. 45. Оп. 2. Д. 556. Л. 30.

²²¹ Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

²²² Там же. Л. 8.

²²³ Там же. Л. 12.

²²⁴ Там же. Д. 69. Л. 57—58.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же. Л. 7.

²²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 15—15 об.

²²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 156. Л. 13.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

* * *

Основное философское произведение Лаппо-Данилевского — «Методология истории». Над темами, затронутыми в этом труде, ученый работал около двадцати лет. Многие сюжеты, вошедшие в «Методологию истории», предварительно рассматривались на практических занятиях, посвященных теоретическим вопросам социальных и исторических наук, которые Лаппо-Данилевский вел в университете с 1899 года. Систематическое изложение они получили в общем курсе по методологии истории, к чтению которого ученый приступил в 1906 году. Этот курс постоянно перерабатывался и обновлялся: впервые он был издан литографским способом в 1909 году, а наиболее полное и завершенное издание вышло двумя выпусками в 1910 и 1913 годах. Незадолго до смерти Лаппо-Данилевский вернулся к тексту своего исследования, вносил изменения и дополнения, а в 1918 году начал публиковать его частями в «Известиях Российской Академии наук» (серия VI, том

XII, № 5—7, 9, 11, 13). В 1923 году в Петрограде стараниями учеников и друзей был издан «первый выпуск» (этим дело и завершилось) новой редакции «Методологии истории».

В творчестве Лаппо-Данилевского «Методология истории» служит основным аргументом для неокантианской атрибуции его философии. Подобным образом его оценивали уже современники, в частности Н. И. Кареев¹. Кареев одним из первых опубликовал (в 1913 году) в издаваемом им «Научном историческом журнале» рецензию на две вышедшие к тому времени части труда Лаппо-Данилевского. По форме это краткий и в целом доброжелательный пересказ «Методологии истории». Отмечая эрудицию автора, Н. И. Кареев в то же время деликатно указал на громоздкость и сложность представленного материала, на трудность его восприятия в качестве учебного курса. «Быть может даже, — писал рецензент, — что обилие библиографических указаний в книге, долженствующей быть, как сказано на заглавном листе, „пособием к лекциям“ (а вероятно, и для приготовления к экзаменам), будет несколько обременительным для большинства учащихся, так как несомненно будет мешать им в усвоении основных мыслей курса, вообще, нужно заметить, не отличающегося легкостью. Книга А. С. Лаппо-Данилевского местами напоминает даже скорее ученый трактат, нежели курс лекций...»² Замечанию Кареева нельзя отказать в справедливости.

Современники также отмечали незавершенность многих теоретических и философских взглядов Лаппо-Данилевского. «Виною тому, — считал ученик Лаппо-Данилевского Т. И. Райнов, — свойственная А. С-чу

антипатия ко всякой догматической канонизации»³. На философскую неопределенность взглядов Лаппо-Данилевского указывал его критик Н. Д. Кондратьев, писавший: «...возможно, что А. С. Лаппо-Данилевский исходит из вполне определенных философских положений. Но он не формулирует их в своем труде»⁴. При этом Н. Д. Кондратьев однозначно признавал зависимость Лаппо-Данилевского от идей кантианства и неокантианства, отмечая разделяемое историком значение неэмпирических (априорных) элементов в составе нашего знания. Но при этом критик сам впадал в априоризм, пытаясь загнать философию истории Лаппо-Данилевского в рамки кантианства. Вызывает сомнение уже само безоговорочное смешение неокантианского и строго кантианского подхода к проблемам истории, проводимое Н. Д. Кондратьевым. Рецензент не столько следовал учению Лаппо-Данилевского, сколько, по собственному признанию, сообразовывался «с „духом“ воззрений А. С. Лаппо-Данилевского»⁵. Так, он, в частности, разводил теорию познания и психологию, понятие «сознания вообще» и индивидуальное сознание. Различение верное, если следовать И. Канту, но не совсем точное при изложении «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, для которого в процессе формирования исторического знания важны и психологическая интерпретация фактов, и идиографический метод, индивидуализирующий знание. Другая неточность относится к смешению понятий «относительная» и «общепризнанная» ценность, в то время как Лаппо-Данилевский специально выделял общепризнанную ценность в качестве наиболее значимой при историческом построении. Из критических замечаний, высказанных

Н. Д. Кондратьевым в адрес Лаппо-Данилевского, следует упомянуть упрек в непроясненности понятия об эмпирической данности и ее соотношении с неэмпирическими элементами знания. В несколько запоздалую защиту русского историка стоит сказать, что он разрабатывал не теорию познания вообще (где подобные претензии были бы уместны), а методологию истории, то есть частную теорию познания, имеющую отношение к исторической науке. И здесь он очень подробно рассматривал вопрос об исторической данности. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечесть страницы, посвященные историческому источнику. Хочется ответить на еще одну претензию Кондратьева, не нашедшего в «Методологии» ясного понятия о «сознании вообще». Но Лаппо-Данилевский исследовал не «сознание вообще», а то качественное состояние сознания, которое характерно для историка. Отсюда главенствование не принципов трансцендентальной субъективности, а психологической интерпретации фактов, индивидуализации исторических событий и т. п. Главные претензии Кондратьева сводились к невыясненности основных понятий и неубедительности построений Лаппо-Данилевского. При этом Кондратьев подходил к труду Лаппо-Данилевского слишком «по-кантиански», догматично, что и приводило к ряду недоразумений.

В эти же годы многие исследователи отмечали и эволюцию философско-исторических взглядов Лаппо-Данилевского, проделавшего путь от увлечения позитивизмом до построения основ исторической науки в духе неокантианства. Вот что об этом писал А. Е. Пресняков: «Его философское развитие шло иным путем — от догматизма к критицизму, а причиной такого направ-

ления была основная потребность — сочетать научную обоснованность системы понятий об изучаемой действительности с широтой и глубиной удовлетворения нравственных запросов в цельном и стройном мировоззрении»⁶. В дальнейшем эта точка зрения неоднократно воспроизводилась другими учеными. Однако, как правило, упускался из вида другой аспект, отмеченный Пресняковым: движение мысли Лаппо-Данилевского проникнуто стремлением к созданию целостной, по возможности непротиворечивой философской системы, обосновывающей научный статус гуманитарного знания, и прежде всего истории. Лаппо-Данилевский не был всего лишь эрудированным компилятором, следовавшим в своем творчестве смене философской моды. Такое ошибочное представление о нем может сложиться при поверхностном взгляде, когда смешивают *стиль* научного творчества и содержание. Хорошее знание современной ему исторической и философской литературы, академическая требовательность к обоснованию выдвигаемых положений, строгость в подборе фактического материала и намеренная «внеличностность» тех или иных утверждений создают иллюзию компилятивного сочинения, нанизывающего одна на другую разные точки зрения. Лаппо-Данилевский действительно не стремился к оригинальности. Он пытался разработать научно обоснованную систему исторического знания так, как он понимал научность, и в согласии с тем, как научность понималась в его время.

Позитивизм и неокантианство на рубеже XIX—XX веков представляли собой два основных варианта научной философии и две основные версии философского обоснования науки. И то и другое направление претен-

довало на то, чтобы являть собой философию науки. Для Лаппо-Данилевского была важна по преимуществу общая цель и задача этих направлений, а не конкретные методологические аспекты философских школ. В своем учении он следовал общему духу научной философии. В этом смысле и его ранние работы (которые обычно и относят к позитивизму), и зрелые (так называемые неокантианские) произведения подчинены одной задаче — построению научной системы гуманитарного знания. В этом и состоит цельность и последовательность его научного творчества. Наиболее чуткие и внимательные современники отмечали эту особенность: «Работа его, разрастаясь и систематизируясь, направлялась к созданию всеобъемлющей системы теоретического обществоведения»⁷; «Все разносторонние труды его были объединены одной идеей — идеей научной истины, как объединенного знания»⁸.

Критика позитивизма Огюста Конта и неокантианское наследие

Непосредственно разбору позитивной философии посвящена монография Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», помещенная в сборнике «Проблемы идеализма» (1902). Эта работа писалась на заказ. П. И. Новгородцев, составитель сборника, в письме к Лаппо-Данилевскому так сформулировал задачу редакции: «Нам нужна статья, в которой была бы раскрыта неудовлетворенность социологической доктриной Конта... Ваша репутация и ваше имя в науке... делают для нас особенно желательным удар позитивизму, нанесенный вашей рукой»⁹.

Лаппо-Данилевский всесторонне и обоснованно критикует учение Конта, указывая на догматизм многих его построений, на смешение теоретического и эмпирического уровней знания, подмену научного понимания закона эмпирическим обобщением, пренебрежение психологией и отрицание понятия «субъект» и значения личности. Главный упрек контовскому учению состоял в том, что основатель положительной философии попытался построить науку об обществе, не выяснив ее оснований. Это требование Лаппо-Данилевский взял в качестве приоритетной задачи своих собственных исследований. В то же время многие идеи позитивной философии оказались ценны и привлекательны для русского мыслителя. Прежде всего, это ее общий настрой, сформулированный Лаппо-Данилевским в начале критического разбора: «Глубокая вера во всеобъемлющее значение науки и сильная потребность в нравственном обновлении общества проникают всю философию О. Конта»¹⁰. Более частные стороны концепции Конта также нашли отклик в методологическом труде Лаппо-Данилевского. Это и понятие «человечество», принимаемое в качестве предельного предмета социологических построений, и основные принципы контовской социологии: *принцип условий существования; принцип единства человеческой природы; принцип «консенсуса»,* то есть согласованности элементов всякой данной группы общественных явлений между собой; *принцип эволюции.* Указанные здесь положения, конечно, не были бездумно перенесены Лаппо-Данилевским в свое исследование, но подверглись значительной корректировке. В частности, *принцип условий существования* вошел в учение об исторической связи в качестве принципа,

интерпретирующего отношения индивида со средой. *Принцип единства человеческой природы* стал пониматься как принцип единства по преимуществу психофизической природы человека, связанной с истолкованием проблемы «чужого я» и чужой одушевленности. *Принцип консенсуса* и *принцип эволюции* начали рассматриваться как два аспекта одного принципа. Лаппо-Данилевский мог критиковать многие противоречивые и непоследовательные положения философии позитивизма, но никогда не изменял ее общему научному духу. Позитивизм же приучил историка-теоретика исходить от предмета, полагаться на конкретную действительность, с которой должна соотноситься наука. Особенно важно это было в начальные годы научного пути: «...в годы созревания его мысли школа позитивизма оформила и укрепила его тягу к выяснению их неустранимой связи с восприятием и изучением конкретной действительности»¹¹.

В еще большей мере на «Методологию истории» Лаппо-Данилевского оказала влияние баденская школа неокантианства (В. Виндельбанд и Г. Риккерт). Однако следует учитывать характер этого влияния. Основная часть специальной терминологии «Методологии истории» имеет неокантианское происхождение. Примером может служить уже упомянутое понятие «исторической связи», используемое Риккертом в его «Философии истории». Неокантианское «присутствие» в работе Лаппо-Данилевского заметно при первом же знакомстве. Показательно в этом отношении начало посмертного издания «Методологии истории», провозглашающее кантовское понимание научного знания и обильно подкрепленное ссылками на сочинения самого И. Канта¹².

Совсем, казалось бы, по-кантовски звучит следующее утверждение из первого, литографированного варианта «Методологии истории»: «Всякий исторический факт с теоретико-познавательной точки зрения есть только наше представление о нем»¹³. Хотя для того, чтобы прийти к такому заключению, не обязательно быть кантианцем. Многочисленные ссылки на немецких философов выглядят скорее данью школьной традиции, вариантом академического педантизма, чем единственно возможным каноном исторического построения. Терминология баденских философов в большей степени используется Лаппо-Данилевским как вариант современного ему научного языка, а не только как свидетельство знакомства с концепциями немецких ученых. В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский прежде всего стремился быть на уровне современной ему науки.

Задачи науки и теория познания

Сомнение в правоверном неокантианстве русского историка вызывает то обстоятельство, что он разрабатывал методологию, а не собственно философию истории. Методологический уклон исследования очень важен для понимания расхождения Лаппо-Данилевского с неокантианской философией истории. Методология — это прежде всего учение о построении системы обоснованного знания, соответствующего методологическому идеалу науки. Методология имеет дело исключительно с формами представления, в котором складывается наше знание истории. Однако методология истории рассматривает такие формы представления, содержание которого имеет реальный смысл, то есть

имеет непосредственное отношение к тому, что реально существует. В то же время методологию истории интересует не всякое реальное содержание представления, а только то, которое мы можем назвать историческим. Лаппо-Данилевский формулирует это следующим образом: «Какое именно содержание моего представления о действительности я, однако, должен признать реально существующим для того, чтобы назвать его историческим?»

Приступить к решению этой проблемы можно, лишь исходя из различия между бытием и быванием и несколько выяснив себе понятие об изменении»¹⁴. В отличие от методологии, неокантианская философия истории рассматривает исключительно априорное существование и применение исторических представлений или понятий. Исторические понятия не имеют эмпирического происхождения, не обусловлены какой-либо данностью и тем не менее а priori относятся к предметам. Методология истории стоит на ином фундаменте и рассматривает способы *данности* исторического. Этим, в частности, занимаются исторические критика и интерпретация. Эту данность методологический подход к истории выражает в понятиях *источника*, *свидетельства* и *факта*. Проблему исторической действительности методология истории выясняет при помощи понятия «историческое событие» и определяет способы его конструирования.

Методологический подход сохраняет интерес к действительности и пытается исходить из нужд конкретной науки (истории), возможности которой определяются гносеологией, а не общим представлением о познании. Теория познания только обосновывает методологию

науки, обеспечивает достоверность и общезначимость всякого частного научного знания. Отсюда вполне естественно вытекает представление о том, что историческое знание является отраслью теории познания. Если история понимается в качестве науки, то есть если она не только имеет отношение к действительности, но и познает действительность через это отношение, то «...должно конструировать о принципах и методах науки с теоретико-познавательной, а не с генетической точки зрения... необходимо различать логическое значение принципов и методов знания от их развития...»¹⁵. Методология истории не есть история методологии или история исторической науки, генезис исторического мышления. В противном случае происходит смешение дискурсивного мышления с интуитивным. Собственно говоря, большинство теоретико-познавательных проблем сводятся Лаппо-Данилевским к проблемам методологическим. «Его гнозеология, — писал А. Е. Пресняков, — есть методология научного познания; она должна обосновать и обеспечить систематичность, полноту и достоверность изучения. Но, в конце концов, и она ориентирована методологически. Философия А. С. Лаппо-Данилевского заключена в „методологии“ научного исследования действительности, онтологический синтез которой, отнюдь не упускаемый из виду, отодвинут вдаль идеальной полноты и законченности этого изучения»¹⁶.

Отношение к действительности, в котором раскрывается истина истории, есть необходимая предпосылка как исторической науки, так и самого исторического процесса. Однако отношение к действительности еще ничего не говорит о возможности исторического зна-

ния. В истории невозможно, как в естественных науках, отделить знание от действительности. Действительность истории есть ее знание. Действительность истории неотделима от ее построения. На этой основе Лаппо-Данилевский, в частности, критикует позитивистское понятие о достоверности как соответствии показаний действительности: «ведь всякий, кто „судит“ о действительности, в сущности имеет дело с своим представлением о действительности, т. е. с построением ее, хотя бы и очень элементарным, а не с действительностью самой по себе, взятой в ее целостности»¹⁷. Факты не дают логической необходимости и всеобщности, то есть того, что как раз и характеризует научное знание. Более того, всеобщность знания и общезначимость добываемой на его основе истины, тем более истины о человеческом обществе, является не простым результатом деятельности трансцендентальных структур сознания, но имеет и социальное измерение. Иными словами, «...общепризнанность истины становится фактором ее общезначимости и как бы социальным продуктом...»¹⁸. Трансцендентальная гарантированность знания недостаточна для деятельности историка, поэтому он исходит из «понятия о признании всяким ценности фактической истины»¹⁹. Само знание структурируется и оформляется на уровне суждения. Более определенно это звучит так: «...мое знание о действительности есть прежде всего обоснованное экзистенциальное суждение о содержании моего представления, т. е. о том именно, что в нем содержится»²⁰. В научном суждении особенное мыслится подчиненным общему. Поскольку историку дано только особенное, которое должно быть подведено под общее, постольку историческое суждение

есть суждение рефлектирующее, а не определяющее. Итак, для Лаппо-Данилевского принципиально важно различие двух типов подхода к истории: со стороны знания и его теоретического оформления и со стороны действительности. Различие теории и действительности Лаппо-Данилевский пытается проследить во многих разделах своей «Методологии истории». С этой точки зрения он, в частности, критикует неокантианскую абсолютизацию противопоставления номотетического и идиографического методов.

Важнейшей особенностью науки является систематическое единство знания. «С теоретико-познавательной точки зрения научное знание характеризуется его систематическим единством... наука есть объединенная система понятий, охватывающих возможно больше данных нашего опыта; она пытается установить возможно меньшее число понятий, в каждое из которых укладывалось бы возможно большее число представлений о фактах»²¹. Единство знания представляет собой систему научных понятий, объединяющую данные опыта. Построение такой системы — непосредственная задача методологии (не лишенной, впрочем, на этом пути известных затруднений²²), которая как раз и понимается Лаппо-Данилевским как система общих понятий, устанавливаемых сознанием. Но у единства знания есть и другой аспект — «...наука не может получить единство в явный ущерб полноте нашего знания: она должна удовлетворять наш интерес не только к общему, но и к индивидуальному; она должна выяснить значение для нас и общих понятий, и самой действительности»²³. Отсюда два пути достижения единства и полноты знания: обобщающий и индивидуализирующий.

Вещь может быть рассматриваема и в отношении общего с другими вещами, и как часть целого. Так возникают две точки зрения на один предмет: номотетическая и идиографическая. Употребляя эти термины, Лаппо-Данилевский ссылается на В. Виндельбанда, но тут же в примечании оговаривается, что «понимает вышеуказанные термины в несколько ином смысле»²⁴. В свою очередь, сама методология науки состоит из двух разделов: учения о принципах науки и о методах изучения. Так формулируются две задачи научной методологии — основная и производная: «...основная состоит в том, чтобы установить те основания, в силу которых наука получает свое значение, т. е. выяснить значение ее принципов; производная — сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, которыми что-либо изучается»²⁵.

Методология истории и проблема исторической действительности

Методология истории следует основным положениям методологии науки. Прежде всего, историческая наука имеет дело с конкретно данной действительностью, однако данной не непосредственно, а через источник. Отсюда «...каждое историческое исследование преследует такую именно цель — по данному источнику познать действительность»²⁶. Историк сталкивается с тем, что уже произошло, поэтому «нам остается только исходить из конкретно данного результата и пытаться объяснить, каким образом он возник в действительности»²⁷. Однако проблемы с исторической действительностью здесь только начинаются. Историческое значе-

ние имеет не отдельный, изолированный факт, а серия фактов или, по крайней мере, отдельный факт со стороны его связи с другими фактами. «Вообще можно сказать, — писал Лаппо-Данилевский, — что историк интересуется целостною „действительностью“ или целокупностью исторических фактов, связанных между собою, а не разрозненными или оторванными друг от друга обломками действительности»²⁸. Факты стоят друг к другу, по преимуществу, в причинно-следственном отношении. Но это отношение не обнаруживается при восприятии действительности, а требует анализа зафиксированных фактов, то есть «историк должен исходить из конкретно данной действительности, поскольку она дана ему в его чувственном восприятии или переживается им; значит, историк не предсказывает факт, а исходит из совершившегося уже факта; но он пытается возможно дальше углубить анализ фактов в причинно-следственном смысле: он стремится выяснить, какого рода причины встретились в данном месте и в данное время и какие последствия имела данная встреча»²⁹. При этом необходимо учитывать антропологическую основу исторической действительности. «Таким образом, — писал историк, — область наук о духе начинается там, где существенным „фактором“ данного явления оказывается человек, как существо мыслящее...»³⁰ Историческая действительность не совпадает полностью с миром, существующим по законам природы. Основными моментами исторической действительности становятся свобода, ценности, смыслы.

Другая особенность исторической действительности состоит в том, что историк не только исходит из действительности, но и научно создает ее. Иными словами,

историческая наука «стремится научно построить историческую действительность»³¹. Со стороны же познания в исторической науке встречается как элемент обобщения, так и индивидуации, поэтому история имеет дело, в сущности, лишь с относительными обобщениями.

Методология истории рассматривает основания исторического знания и разрабатывает систему исторических понятий. Она «устанавливает производные принципы или положения, которые, в комбинации с основными, делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому знанию; вместе с тем она выясняет и те методы исторического мышления, которые относятся к ним и благодаря которым известная точка зрения прилагается к изучению данного материала; таким образом, она оттеняет и общее значение исторического метода, и главные его особенности, в соотношении их с объектами исторического исследования... лишь при таких условиях она может установить принципы систематически-объединенного, общезначимого и обоснованного знания о той действительности, которая имеет „историческое значение“, и выяснить те методы, которые служат для того, чтобы устранять противоречия между показаниями о ней и конструировать из ее элементов одно историческое целое»³². Таким образом, методология истории распадается на теорию исторического знания и учение о методах исторического мышления.

Со своей стороны, теория исторического знания занимается установлением основных и производных принципов этого знания. К ним относятся: изучение

данных нашего опыта, принципы причинно-следственности и целесообразности, критерий исторической оценки при выборе фактов, объем и содержание предмета исторического знания и т. п.

Учение о методах исторического изучения непосредственно опирается на те принципы, которые проистекают из теории исторического знания. Оно не занимается установлением и обоснованием исторического значения исторических фактов, а рассматривает те отношения, которые существуют в историческом исследовании между познавательной точкой зрения, базирующейся на теории исторического знания, и объектом исторического знания. Таким образом, это учение устанавливает двойную зависимость принципов и методов исторического исследования: от познавательной установки, с одной стороны, и от свойств объектов — с другой. На этой основе проводится дальнейшее деление учения о методе: «Такое учение обнимает, значит, кроме рассмотрения исторического метода вообще, „методологию исторического источниковедения“ и „методологию исторического построения“». Методология исторического источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал или существует, и построит историческую действительность»³³. Учение о методах исторического изучения отсылает, с одной стороны, к факту, а с другой, — к объяснению, то есть к двум аспектам самой действительности: действительности реально существующего (или существовавшего) и к действительности теории.

При этом Лаппо-Данилевский предостерегал от смешения методологического изучения истории с техническими приемами исторической работы. Технические приемы опираются не на принципы, а на правила работы и зависят от свойств изучаемых объектов. Принципы апеллируют к истине, технические приемы — к утилитарной цели: «...принцип и техническое правило не одно и то же: принцип требует своего обоснования путем опознания заключенной в нем истины; техническое правило не обосновывается, а формулируется ввиду той утилитарной цели, которая ставится исследователем...»³⁴

Исторический факт и ценность

Действительность, с которой соотносится историческое исследование, покрывается понятием *исторического факта*. Следует различать как «реальную» сторону исторического факта, так и те способы, какими исторический факт дан и благодаря которым он входит в систему исторического знания. «Действительная» и «познавательная» стороны исторического факта во многом определяются теми отношениями, в которых это понятие состоит с понятиями индивида (индивидуальности) и ценности. Так исторический факт представляет собой воздействие, какое индивидуальность, как часть целого, оказывает на это целое и результат такого воздействия. Иными словами, «...под фактом он [историк] преимущественно понимает воздействие индивидуальности на окружающую среду, мертвую и, в особенности, живую»³⁵. Это не механическое, а психическое (посредством воли) воздействие, то есть «историк

изучает те факты, которые состоят в психофизическом воздействии индивидуальности на среду»³⁶. Точнее говоря, это воздействие сознания на общественную среду. При этом наибольшее историческое значение имеет не столько само воздействие индивидуальности на среду, сколько последствия и результаты такого воздействия. «Исторический факт также имеет тем большее историческое значение, чем сфера его действия больше», — заключал Лаппо-Данилевский³⁷.

Однако только экстенсивные параметры для определения исторического факта недостаточны. «Итак, всеобщее значение факта нельзя установить с точки зрения количественного критерия — численности его последствий; надобно принять во внимание качественный критерий: данный факт приобретает всеобщее значение, когда „важность“ его должна быть признана всеми; а историческое значение он получает лишь в том случае, если он имеет не только всеобщее, но и действительное влияние на развитие человечества»³⁸.

Исторический факт со стороны своей «реальности» характеризуется такими признаками, как достоверность (или недостоверность) и вероятность (или невероятность). Критериями фактической достоверности, которая должна учитывать различие между абсолютной и фактической истиной, служат представления о единстве сознания и о соответствии факта культуре и индивидуальности. Способом данности исторического факта являются показания, опирающиеся на признание ценности фактической истины, связывающей мысль с опытом, то есть с эмпирически данным содержанием показания. Носителем такого опыта является свидетель, то

есть «тот, кто имеет ценное для сознания основание дать фактически истинное показание о факте, так как он испытал его в данных своего собственного чувственного восприятия»³⁹. Показание, основанное на чужом восприятии факта, называется известием.

Итак, определенное отношение индивидуальности к окружающей ее действительности может породить исторический факт. Отношение историка к показанию, через которое этот факт дан, приводит к познанию исторического факта. Историк оказывает волевое воздействие на опосредованный показанием исторический факт. С психологической точки зрения, такое воздействие называется «оценкой». В то же время «следует всегда отличать отнесение к ценности от субъективной оценки фактов, производимой самим историком»⁴⁰. Для исторической науки важна не субъективная оценка, а отнесение факта к ценности. Можно сказать, что исторический факт — это такой индивидуальный фрагмент реальности, который, благодаря отнесению к ценности, получает историческое значение. Ценность имеет отношение к индивидуальному сознанию, поскольку характеризуется моментом требования, предъявляемого нашим «я» к собственному сознанию. Эти требования носят абсолютный характер и бывают познавательными, этическими или эстетическими. Историк «лишь относит к ценностям индивидуальные объекты для выяснения того, какое значение приписать им, в силу именно их индивидуальности...»⁴¹. Общие ценности можно трактовать и как общие понятия.

Лаппо-Данилевскому не удалось до конца развести познавательную и психологическую установки. Отнесение факта к ценности, являясь индивидуальным актом,

в конце концов соотносится с переживанием. «Итак, для того, чтобы признать всеобщее значение данного факта, надобно, прежде всего, признать его ценность; но такое признание получает разный смысл в зависимости от того, придерживаться ли теоретико-познавательной или психологической точки зрения.

С теоретико-познавательной точки зрения мы называем „ценностью“ то значение, которое сознание вообще приписывает данному переживанию»⁴². Переживание выступает субъективным коррелятом ценности. «Всеобщее значение» покрывается осмысленной деятельностью индивидуальности. Переживание оказывается субъективным аналогом исторического значения. Конечно, историк не может полностью отказаться от переживания той действительности, которую он стремится познать, «от попытки воспроизводить что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т. п.»⁴³. Но подобное психологическое творчество должно опираться на отрефлексированные методы. Для Лаппо-Данилевского неприемлема абсолютизация интуитивистами творческого начала в познании. Интуиция не устраняет необходимости методологических разработок.

Процесс выбора ценности и придание факту значения посредством отнесения его к ценности Лаппо-Данилевский называет «аксиологическим анализом». Это означает, что «переживание и понимание ценности объекта становится необходимой предпосылкой всякого исторического объяснения и построения; путем аксиологического анализа мы и определяем, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению»⁴⁴. С ценностью соотносится прежде

всего *индивидуальное*. Однако то индивидуальное, с которым имеет дело историк, само способно устанавливать и опознавать ценности: «Наконец, историк, в узком смысле слова, имеет дело (в отличие от естествоиспытателя) с такими индивидуальными объектами, которые он признает одновременно и субъектами, способными опознавать ценности, в отношении к которым данный факт получает свое значение»⁴⁵.

Установлением или обоснованием ценностей занимается философия; в отношении истории это дело философии истории. Философия вырабатывает систему абсолютных ценностей, прежде всего устанавливает ценность добра, истины и красоты. «Действительно, — заключал Лаппо-Данилевский, — философское размышление стремится опознать критерий ценностей и обосновать их путем нормативных оценок: оно вырабатывает систему абсолютных ценностей, т. е. с логической, этической или эстетической точки зрения признает абсолютную ценность истины, добра и красоты; полагая их в основу, оно может указать, какое значение (положительное или отрицательное) данные в сознании людей известного времени ценности имеют по отношению к такой системе, какое место они должны занимать в ней и т. п.»⁴⁶

В то же время обоснованность культурных ценностей может не быть для историка данной. Историк должен проследить процесс реализации установленных и обоснованных ценностей в действительности. То есть философски обоснованные и в силу этого абсолютные ценности применимы для историка лишь тогда, когда они являются (исторически) общепризнанными; иными словами, когда они имели отношение к действительно-

сти, то есть бытовали в сознании и фактически разделялись большей или меньшей социальной группой. Сопричисленность какого-либо объекта к абсолютным ценностям часто является для историка недостаточным. Общепризнанные ценности психологичны, что вызвано тем обстоятельством, что исторические объекты являются субъектами, а значит, сами (были) способны выбирать, устанавливать и обосновывать ценности. Отсюда проистекает важное для Лаппо-Данилевского различие в отнесении к *обоснованной* и к *общепризнанной* ценностям.

Общепризнанная ценность может не совпадать с обоснованной, то есть она может иметь не абсолютный, а относительный характер: «...отнесение к обоснованной ценности требует обоснования той производной ценности, в отношении к которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличность ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком; общепризнанная ценность, значит, может не совпадать с обоснованной и в таком смысле признается лишь относительной»⁴⁷. Благодаря такому пониманию общепризнанной ценности, сам процесс отнесения к ценности выходит за пределы только лишь познавательного (в данном случае исторического) отношения к реальности. Ценность реализуется в деятельности разделяющей ее социальной группы (то есть коллективной индивидуальности) в самой действительности. Это означает, что «понятие об общепризнанной ценности уже находится в тесной связи с понятием о действительности индивидуального: историк интересуется вневременной

ценностью в процессе ее реализации; а ценность тем полнее реализуется, чем более факт, в котором она воплотилась, имеет последствий»⁴⁸. Через понятие общепризнанной ценности преодолевается разрыв между познанием истории и самой исторической действительностью.

Номотетическое построение

Теория исторического знания может быть построена с двух точек зрения: номотетической и идиографической. Номотетический, или номологический, подход стремится к «полаганию» и построению законов, а идиографический — к описанию индивидуальных фактов. От выбора того или иного подхода зависит способ построения системы наук и определяется место в ней истории. Деление наук на идиографические и номотетические производится на основе применяемого в них метода. Но возможна иная классификация наук: либо по степени абстрактности, либо по характеру изучаемых процессов и предметов. Таково деление на науки о природе и науки о духе. Сторонниками номотетического понимания науки Лаппо-Данилевский называет Конта, Спенсера, Бентама, Ампера, Вундта.

Номотетическое построение истории способствовало развитию понятия о закономерности (вначале в психологическом смысле) исторических явлений и, как правило, основывалось на переносе понятий естествознания для обработки исторического материала. Изначальный психологизм этого подхода связан с тем, что «история имеет дело, главным образом, с явлениями психологического порядка...»⁴⁹. Именно поэтому

при номотетическом построении исторического знания Лаппо-Данилевского не могли устроить понятия механики, энергетики или экономического материализма.

С теоретико-познавательной точки зрения номотетическое построение опирается на данные опыта, объединенные при помощи общих понятий, которые, в сущности, выполняют роль законов. «Номотетическое построение вообще стремится объединить данные нашего опыта (понимаемого, конечно, в широком смысле), т. е. его содержание при помощи общих понятий; оно устанавливает возможно меньшее число общих понятий, в каждое из которых укладывалось бы возможно большее число представлений об отдельных фактах»⁵⁰.

Основные принципы номологического построения имеют явную отсылку к учению О. Конта. К ним относятся: принцип причинно-следственности, принцип единообразия психофизической природы человека, принцип «консензуса» и эволюции (в естественно-научном смысле). Эти принципы служат для выработки общих исторических понятий при номологическом построении истории. Для образования таких понятий необходимо использовать номологические и типологические обобщения. В то же время необходимо отличать номологическое и типологическое обобщения от эмпирического обобщения, которое учитывает при анализе исторических фактов преимущественно последовательность явлений только во времени, принимая пространство и действия связанных с ним физических факторов за условия постоянные.

Неудовлетворенность номотетическим построением истории, которую выражал Лаппо-Данилевский, вызва-

на тем, что при этом подходе не учитывается нормативный характер нашего сознания и смешиваются законы природы и нормативные законы. Важным для Лаппо-Данилевского оказывается императивный характер исторической науки: «...между тем история получает совершенно особое, самостоятельное по отношению к природе значение, если рассматривать ее как постоянное осуществление некоего долженствования...»⁵¹ С другой стороны, номотетическое построение огрубляет действительность и не дает ее полноты. Оно упускает конкретные, индивидуальные исторические факты (личности, события и т. п.).

Номологическое понимание есть, в строгом смысле, научное понимание истории, сопрягающее ее с рядом других наук об обществе, в частности с социологией. «С точки зрения научно-обобщенного знания между социологией и историей не должно быть принципиального различия: обе стремятся к обобщению и разнятся только по ближайшим объектам исследования: социология обобщает преимущественно явления постоянно повторяющиеся, а история — явления развития; в таком случае легко свести социологию к социальной статике, а историю к социальной динамике. С точки зрения научно-обоснованного знания, принимающего во внимание и наш интерес к индивидуальному, между социологией и историей нужно, напротив, признать принципиальное различие. Социология стремится к построению общих понятий, история, напротив, к образованию понятий индивидуальных, например понятия о едином целом, об отношении к нему частей, об историческом значении индивидуального и т. п.»⁵²

Идиографическое построение

Идиографическое построение расставляет иные акценты в исторической науке. Во-первых, оно обращает историческую науку к конкретной реальности, а во-вторых, — к действующей в этой реальности индивидуальности. В этом состоит познавательная цель идиографического построения. «Идиографическое построение стремится к объединению наших исторических знаний, с той познавательной точки зрения, которая обнаруживается в нашем „интересе“ к конкретной действительности... понятия об индивидуальном и его значении...»⁵³ Приближение к действительности и интерес к индивидуальности в идиографическом построении вызваны тем, что, «с идиографической точки зрения, ученый интересуется индивидуальным целым или единичными составными частями действительности не как познавательными средствами, а как такими ее частями, каждая из которых сама по себе заслуживает внимания в качестве объекта познания»⁵⁴. Объекты идиографического исторического исследования те же, что и при номологическом построении, — разница лишь в избранных целях.

Следует различать понятия об индивидуальном и об индивидуальности. Понятие об индивидуальном шире понятия об индивидуальности; в предельном смысле это такое понятие, которое обозначает лишь один объект. Его определение зависит от полноты составляющих его абстрактных понятий: «Можно сказать, однако, что понятие об индивидуальном есть предельное понятие: хотя наш разум не в состоянии обнять все многообразие и своеобразие действительности, но мы можем стремиться объединить наши представления

о ней путем образования возможно более конкретных комбинаций общих понятий или отдельных признаков, отвлекаемых от действительности»⁵⁵. В широком смысле относительно индивидуальное значение могут иметь, например, понятия о государстве, народе, обществе, городе и т. п. Однако историю интересует не просто индивидуальное, а индивидуальность. Эти понятия близки друг другу. «Понятие об индивидуальности характеризуется богатством своего содержания и ограниченностью своего объема... под индивидуальностью, в более частном значении слова, можно разумеать и личность, и событие, и социальную группу, и народ, в той мере, в какой они отличаются от других личностей, событий, социальных групп, народов и т. п.»⁵⁶ Отличие состоит в том, что понятие об индивидуальности связано с представлением о ее значении. Соответственно, «...историческая индивидуальность конструируется с точки зрения ее [индивидуальности] исторического значения»⁵⁷. Это понятие с единичным содержанием. Под ним можно разумеать и понятие о целом, и понятие о части целого, не заменимой никакой другой ее частью.

Придание исторического значения осуществляется через отнесение индивидуального исторического факта к ценности. Однако не следует смешивать ценность индивидуальности и ее историческое значение: «Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение»⁵⁸. В свою очередь, понятие о действительности индивидуального обусловлено понятием об историческом обществе. Так вырисовывается социальная, в широком смысле — интерсубъективная структура исторического знания. Лаппо-Данилевский отмечает:

«Индивидуальное получает историческое значение... поскольку оно становится „общим достоянием“, следовательно, поскольку оно отпечатлевается, или повторяется в других индивидуумах»⁵⁹. Можно добавить, что коррелятивным такому историческому значению является понятие общепризнанной ценности.

Понятие исторической связи

Ни номотетическое, ни идиографическое построение, взятые в отдельности, не достаточны для исторической науки. Оба подхода представляют собой способы научного построения истории и выражают лишь отдельные, разнонаправленные аспекты этого построения. Синтез этих подходов дает более полное описание предмета исторического изучения. Лаппо-Данилевский прекрасно осознавал как достоинства, так и недостатки обоих способов научного построения истории. Дело в том, что историк никогда не соприкасается с той действительностью, на идеальное сближение с которой рассчитывает идиографически ориентированная наука. Во-первых, действительность истории опосредована документом, источником, свидетельством. Во-вторых, человеческое сознание не в состоянии обнять всю множественность конкретно данных элементов действительности. «Итак, действительность слишком разнородна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее многообразных черт...»⁶⁰ «Следовательно, — писал далее Лаппо-Данилевский, — историк, подобно естествоведо, очевидно, нуждается в упрощении конкретного содержания данных своего исторического опыта»⁶¹. Но подобное упрощение не означает перехо-

да к номологическому обобщению. Имеется в виду упрощение посредством построения, конструирования особой, исторической действительности.

Цели научного конструирования исторической действительности служит понятие исторической связи. При помощи этого понятия историк формирует представление о непрерывном историческом процессе, связывающем разрозненные исторические факты. Историческая связь «имеет большое объединяющее значение; благодаря ему мы связываем между собою исторические факты и получаем возможность представить себе непрерывность исторического процесса»⁶². «Таким образом, — писал Лаппо-Данилевский, — понятие об исторической связи между смежными фактами служит для объединения наших представлений о действительности; вместе с тем оно, в сущности, лежит в основе понятия о непрерывности исторического процесса...»⁶³ Историк интересуется не логической, «а данной в действительности индивидуальной связью между комплексом условий и их результатов»⁶⁴.

Следует различать логически необходимую и фактически необходимую связь между фактами. Первая из них опирается на принцип причинно-следственной связи, а вторая понимается как конкретно данная связь.

Причинно-следственная связь в строгом смысле не обнаруживается в истории: «...причинно-следственное отношение нужно устанавливать между непосредственно предшествующим и следующим так, чтобы предшествующее непосредственно переходило в следующее; но такой непрерывной связи между предшествующим фактом и последующим в области истории установить нельзя, не исходя из заранее данного фактического отношения»⁶⁵.

Для историка важна фактически необходимая причинно-следственная связь, при помощи которой и устанавливается реальное отношение между историческими фактами. Если историк не знает причину того, что произошло, то он говорит о «случае». Следует отличать понятие об исторической случайности как от понятия о свободе воли, так и от представления о «маловажном» и «несущественном». Различая абсолютную и относительную случайность, Лаппо-Данилевский указывал на значимость для идиографического построения истории понятия об «относительной случайности»⁶⁶.

Центральным понятием конструируемой исторической действительности является не «исторический факт», а «событие», в котором уже заключено представление о причинно-следственной связи. *Событие* — сложное понятие, обозначающее встречу нескольких индивидуальностей или их действий. Точнее, это встреча двух или большего числа причинно-следственных рядов, то есть «относительный случай»⁶⁷. В событии соединяются два вида действительности — исходная, данная, и строяемая, заданная: «...под „событием“ можно, следовательно, разуметь индивидуальное понятие, объединяющее множество представлений о разнородных фактах, образующих конкретное сцепление, в состав которого входит встреча последнего рода, причем совокупность их действительно дана и действительно влияет (или влияла) на ход развития человечества; поскольку такая совокупность представляется нашему разуму данной и, значит, относительно случайной, она и называется событием в узком смысле слова»⁶⁸. Таким образом, в событии осуществляется постижение реальности при помощи ее построения. Встречающиеся при-

чинно-следственные серии исторических фактов приводят к образованию событий и тем самым к синтетическому построению исторической действительности. Построение истории приводит к образованию своеобразного исторического бытия, к онтологии истории, хотя Лаппо-Данилевский и не пользуется этим выражением. Онтология истории, раскрывающаяся как историческая событийность, позволяет истории состояться в качестве науки, которая, в свою очередь, оперирует уже не доступными ей историческими фактами, а создаваемыми, конструируемыми наукой историческими событиями, познаваемыми именно потому, что они созданы этой наукой. Исторические события, в свою очередь, также индивидуальны. Элементом строяемой подобным образом действительности, в частности, могут быть исторические личности.

Деятельность исторической личности можно понимать как разновидность взаимодействия индивида со средой, различая как влияние индивида на среду, так и воздействие среды на индивида. Лаппо-Данилевский был склонен видеть в этом различии признаки, с одной стороны, идиографического, а с другой — номотетического построения. Воздействуя на среду, индивид, в свою очередь, может руководствоваться идеями и ассоциациями, выдвигаемыми им самим, но может использовать и те идеи, которые предлагает либо социальная среда, либо другие индивиды. В этом состоит отличие гениев от талантов, действующих в истории. Таким талантом Лаппо-Данилевский, в частности, признавал Екатерину II⁶⁹.

Номотетическое конструирование исторической действительности оперирует понятием *консенсуса*, кото-

рое включает в себя представления о целом и составляющих его частях, о системе и ее элементах. Понятие консенсуса указывает на разновидности и способы связи элементов в социальной системе. «В силу принципа консенсуса, — отмечает историк, — элементы данной социальной системы признаются взаимозависящими; они стремятся к солидарности друг с другом»⁷⁰. Дополнение этого понятия органической теорией и телеологическим принципом приводит к понятию *эволюции*. Оба эти понятия можно комбинировать друг с другом. «Вместе с понятием консенсуса историк-социолог пользуется и понятием эволюции: оно служит для формулировки „законов“ исторического развития. Впрочем, можно понимать их различно: или в смысле образования эволюционных рядов или в смысле законов их повторяемости»⁷¹. Лучше всего понятие консенсуса подходит для построения понятия о системе культуры, части которой находятся во взаимодействии друг с другом. В свою очередь, историк, рассматривающий эволюцию культуры, «имеет дело с коллективным субъектом эволюции: он изучает психогенезис социальной группы, народа, государства и т. п. ... устанавливает „типические“ стадии культуры»⁷².

Историческое целое

Для научного построения конкретной (исторической) действительности необходимо дополнить понятие об исторической связи понятием об историческом целом. Отдельно взятый индивидуум есть абстракция, поэтому историка интересует индивидуум как конкретная часть какого-либо целого или даже нескольких

целых. То же самое можно сказать и о событии. Историческая индивидуальность, рассматриваемая как субъект консенсуса или эволюции, «полагает себе цель, общую для всех по своему значению, обладает общей волей и самоопределяется в объединенной деятельности членов целого»⁷³. Целое можно понимать как реальное единство многообразия. Вместе с тем своеобразное целое уже представляет собой нечто индивидуальное. Лаппо-Данилевский предлагал рассматривать два понятия о целом — коэкзистенциальное и эволюционное, в зависимости от преобладания либо пространственных, либо временных признаков в определении этого понятия: «Под понятием о коэкзистенциальном целом я разумею такое понятие, которое строится с статической точки зрения: оно относится к устойчивой системе элементов, каждый из которых занимает определенное положение в пространстве, т. е. место в топографических пределах данного целого. Под понятием об эволюционном целом я разумею такое понятие, которое строится с динамической точки зрения, оно относится к последовательной смене элементов, каждый из которых занимает определенное положение во времени, т. е. момент в хронологических пределах данного целого»⁷⁴.

Представление о целостности — предел идиографического построения, к которому стремится историк. В свою очередь, предельным понятием о целом является *понятие о мировом целом*. Но историка интересует лишь та часть мирового целого, которая обладает сознанием и которая поэтому способна воздействовать на это целое и сама зависит от него. Такая история может быть сведена к истории человечества. *Человечество* есть то предельное понятие, которое имеет историческое

значение. Лаппо-Данилевский следующим образом выводил это понятие: «...историк интересуется, главным образом, не индивидуальным, самим по себе взятым, а индивидуальным как целым или индивидуальным как частью: историк, в узком смысле слова, сосредоточивает свое внимание лишь на той части мирового целого, которую мы называем человечеством, и преимущественно изучает ее в качестве относительного эволюционного целого, выясняя, какое именно реальное значение каждая ее часть имела или имеет в историческом процессе ее образования.

В таких построениях историк заменяет обобщающее понятие о законе объединяющим понятием об историческом развитии...»⁷⁵ Человечество рассматривается как субъект индивидуальной эволюции, то есть как коллективный субъект. Развитие человечества предстает в виде конструируемого нами процесса постепенного возрастания единства человеческого сознания в таком коллективном субъекте. В возрастании единства сознания заключено историческое значение развития человечества. Объединяя сознание, человечество превращается в «великую индивидуальность». «Вообще, рассуждая об истории человечества, историк прежде всего характеризует его некоторым реальным единством его состава: человечество состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединять всех; по мере объединения своего сознания человечество все более становится „великой индивидуальностью“; оно стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории, воздействуя таким образом и на тот универсум, частью которого оно оказывается; такое воздействие предполагает, однако, наличие

цели, общей для всех по своему значению, существование общей воли и проявление объединенной и организованной деятельности членов целого, создающих культуру человечества, разумеется, в зависимости от той мировой Среды, в которой им приходится действовать»⁷⁶. В то же время понятие об эволюционном целом, действующим субъектом которого выступает человечество, находится в тесной связи с понятием о развитии, объединяющим представлением об общем направлении или тенденции и формирующимся при участии телеологического принципа в регулятивном смысле.

С субъективной стороны можно говорить о процессе *изменения* содержания сознания, которому соответствует то, что происходит или случается в действительности. В этом смысл *бывания*, которое Лаппо-Данилевский предлагает отличать от *бытия*⁷⁷. Можно заметить, что здесь вновь проявляется онтологическая тенденция в творчестве русского историка, не выводимая строго из его неокантианства. История — реальный процесс, но данный не в чувствах, не феноменально, а в воспоминании. История также имеет дело с тем, что есть. История не фикция, она может быть научно обоснована. В ней обнаруживает себя онтологически гарантированная истина. Более того, реальность истории только и может быть онтологической — как реальность мысли и как та реальность, которая дается в мысли. То, что дано в истории, ее предмет доступен человеку не со стороны его реального присутствия, а со стороны его возможного помысливания, и, данный лишь как предмет мысли, он предстает имеющему с ним дело (историку) со стороны его (предмета) бытия. Это особый род бытия — историческое бытие, или бывание.

Об изменении можно говорить тогда, когда одному и тому же объекту соответствуют два различных содержания сознания. Изменение мыслится во времени. «Итак, историк интересуется не понятием о постоянном пребывании того, что изменяется, а понятием об изменениях в состояниях того, что пребывает...»⁷⁸ Изменяющаяся, акцидентальная сторона того, что есть, интересует историка, его занимает существующее со стороны смысла. Продолжая, Лаппо-Данилевский пишет: «...в сущности, только бывание, изменение того, что пребывает, интересует историка: он обращает внимание не столько на то, что есть, сколько на то, что было, в его отношении к тому, что есть»⁷⁹. Изменение можно рассматривать или с номотетической точки зрения, делая акцент на том, что в изменении является общим, или с идиографической точки зрения, интересуясь различием в изменении.

Принцип чужой одушевленности

С понятием изменения непосредственно соприкасается принцип чужой одушевленности. Историк обращает внимание на качественное, а не на количественное изменение. Это изменение в чужой психике. В основе принципа чужой одушевленности лежит представление о единообразии природы вообще и, в частности, психической природы человека. «Чужое я» не дано непосредственно в опыте, поэтому мы заключаем о нем по наблюдениям над телесными процессами. К конкретному «я» (а далее и к исторической индивидуальности) затруднительно прийти от понятия о сознании вообще и от представления о соотношении «я» и «не я», где само-

сознание понимается как сознание другого. Впрочем, Лаппо-Данилевский не различал четко «психическое» и «трансцендентальное» и часто использовал их в одном смысле. Принцип чужой одушевленности и признание «чужого я» оказывает влияние и на концепцию истины, и на становление и развитие самосознания.

Для установления принципа чужой одушевленности необходим не категорический или конститутивный, а регулятивно-телеологический подход. Иными словами, этот принцип следует рассматривать либо как научную гипотезу, либо как нравственный постулат.

Значение априорного элемента этического характера для построения теории исторического знания Лаппо-Данилевского отмечал еще А. Е. Пресняков⁸⁰. Этическая интенция не была четко сформулирована в «Методологии истории» Лаппо-Данилевским, он не посвятил этой проблеме специального раздела, но этическая настроенность многих его рассуждений об истории встречается неоднократно. В поддержку этого тезиса можно привести следующие высказывания Лаппо-Данилевского: «С такой точки зрения (имеется в виду идиографическое построение. — *А. М., С. П.*), этика находит существенную поддержку в истории... она [этика] должна определять должное в отношении его к человеку, как индивидуальности в ее социально-историческом значении»⁸¹; «...желательно, конечно, пользоваться историческим материалом для этических целей...»⁸² и т. п.

В принципе, конститутивное применение психологии для объяснения исторических фактов также возможно, но оно не дает основания утверждать о действительном существовании этих психических факторов в истории и их результатах. «Приложение психологии к

истории в конститутивном смысле, — писал Лаппо-Данилевский, — напротив, предполагает особого рода предпосылку: в таком случае психические факторы признаются реально-данными в действительности»⁸³. Однако ни регулятивное, ни конститутивное применение психологии к истории не дает возможности сформулировать законы истории. Дело не только в неприменимости психологии к номотетическому построению истории, но в том, что законы истории более сложны, чем законы психологи. В широком смысле, телеологический принцип может использоваться в истории со стороны ее познания. Это означает, что историк обладает знанием о том, что произошло, и исходя из знания о результатах исторического процесса интерпретирует этот процесс. В ходе самой «истории» телеологическую функцию могут выполнять ценности, которые действующие в истории индивидуальности ставят себе и на достижение и осуществление которых направляют свои усилия.

Еще один вариант признания чужой одушевленности можно назвать «психогенетическим». Он проявляется в сочувственном переживании «чужого я»: «...всякое понимание чужой душевной жизни предполагает личное переживание и воспроизведение ее»⁸⁴. Но, как замечал Лаппо-Данилевский, этот подход до сих пор является мало выясненным. Лаппо-Данилевский пытался дополнить его понятием «конгениальности» или «созвучия» между однородно организованными существами, в основе которого лежит двойная ассоциация состояний сознания, представляющая собой проявление однородных психических процессов. Иногда этот процесс интерпретировался как заключение по аналогии.

В качестве итога этих рассуждений можно привести следующую цитату: «Итак, можно сказать, что историк изучает историческую эволюцию с психологической, а не с чисто биологической точки зрения: он всегда предпосылает действительное существование одушевления той социальной группы, развитие которой он построает...»⁸⁵

Историческая типология

В наибольшей степени теоретико-методологическое понимание Лаппо-Данилевским исторической науки воплотилось в учении об исторической типологии. К проблеме типологии историк пришел от критики номотетического и идиографического методов. В этом учении можно видеть тот «средний путь», который Лаппо-Данилевский хотел предложить исторической науке.

Вначале Лаппо-Данилевский воспринимал типологическое обобщение как один из способов образования общих понятий при номотетическом построении истории. При этом типологическое обобщение, или типизация, является отражением психической законосообразности. Проявление этой законосообразности во времени приводит к понятию о *национальном типе*, а проявление в пространстве — к понятию о *культурном типе*. «В сущности историк-социолог превращает законы комбинаций психических факторов в типизацию их, но он придает типическим комбинациям значение реальных факторов. При помощи такого построения историк-социолог вырабатывает понятия, которые я называю понятием о племенном (или, в более узком смысле, о

национальном типе) и понятием о культурном типе (данного периода)... В основе общих понятий лежит мысль о законосообразной комбинации психических факторов, соответственно производящей, при тождественности условий, одни и те же следствия: только постоянство такого соотношения в понятии о племенном типе строится преимущественно во времени, а в понятии о культурном типе — преимущественно в пространстве»⁸⁶. Определенным (психологическим в основе) типом может обладать социальная группа, сословие, класс, народ. Понятием «национальный тип», понимаемым как устойчивый во времени психический комплекс, Лаппо-Данилевский пользовался, в частности, в своей магистерской диссертации.

Культурный тип содержит в себе такое сочетание психофизических и культурных факторов, при помощи которых объясняется то или иное явление культуры, в том числе, например, социальное течение. Культурный тип следует понимать как общее для данной социальной группы состояние сознания. Иными словами, «...можно установить некое психическое отношение между состоянием сознания, а также характером данной группы и однородностью соответствующих продуктов культуры»⁸⁷. В свою очередь, общее состояние сознания связано с представлением об «общей воле». Общие психические черты, характеризующие данный культурный тип, признаются общими и постоянными причинами, обуславливающими данную культуру. Комбинация характеристик национального и культурного типов позволяет установить такую законосообразную последовательность фактов, служащую их объяснению, которую уже можно считать не только психологи-

ческой, но историко-психологической. Лаппо-Данилевский уточнял: «В реалистических построениях психического типа данного племени или нации и „культурного“ типа, поскольку они рассматриваются как сложная комбинация причин, порождающая соответственные продукты культуры, можно, таким образом, усмотреть попытку установить некоторую законосообразность отношений в данной последовательности не с чисто психологической, а с историко-психологической точки зрения»⁸⁸. Тип может получить определенное историческое значение путем отнесения его к известной ценности. Причем это значение имеет нормативный характер и становится нормой. Такой тип фиксирует уже не общее, а должное. Значимая для исторического исследования ценность, прежде всего общепризнанная ценность, фиксируется историческим типом, проявляется в нем. Она составляет содержание сознания того коллективного исторического субъекта, который описывается типологически.

В то же время Лаппо-Данилевский выступал против объективации понятия «тип». Говоря более определенно, это означает, что не следует смешивать типологическое обобщение, которое является теоретическим конструктом, и продукт культуры как фрагмент действительности. «Между тем всякий тип — есть наше построение, а всякий продукт культуры — есть результат индивидуальной деятельности»⁸⁹. Сам тип Лаппо-Данилевский разумел как понятие ментального плана и пояснял его в таких выражениях, как, например, «типический образ» или «общее представление». Предполагается, что при типологизации можно избежать как чрезмерного абстрагирования номологического обоб-

щения, так и дробления истории на сингулярные и несвязанные происшествия идиографического построения. «Не будучи номологическим построением закона или даже эмпирического обобщения (в строгом смысле), тип вместе с тем, очевидно, не оказывается и единичным случаем; с логической точки зрения тип есть относительно общее понятие по преимуществу и занимает как бы среднее место между законом и единичным случаем: он не достигает всеобщности закона и полноты эмпирического обобщения, ибо допускает уклонение, но и не низводится до индивидуальности. С такой точки зрения можно, пожалуй, назвать тип „общим представлением“...»⁹⁰ Тип следует понимать как экзemplификацию общего. В одном из своих первых курсов Лаппо-Данилевский следующим образом обосновывал необходимость типологизации в качестве способа выражения общих понятий: «Общие понятия должны быть представлены в типических образах, т. е. единичных, но характерных случаях, в которых ученик мог бы всегда чувствовать проявление общих начал»⁹¹. С номотетической точки зрения тип принадлежит к общим понятиям, носящим, однако, относительный характер: «...тип есть научно установленное общее представление, которое в таком именно смысле можно назвать и относительно общим понятием; в последнем смысле понятие о типе близко подходит к понятию о „среднем“»⁹². «Итак, „тип“ — есть всегда относительное обобщение... есть понятие растяжимое и объем типа может быть разным», — резюмировал Лаппо-Данилевский⁹³.

В зависимости от отношения к действительности можно различать идеальный тип и репрезентативный тип. Идеальному типу ничего не соответствует в реаль-

ности, в то время как репрезентативному типу в действительности соответствует по крайней мере один факт. «Таким образом, — уточнял Лаппо-Данилевский, — пользуясь типологическим приемом обобщения, историку следует иметь в виду, что тип есть его построение, а не действительность; понятие типа, если он идеальный, не обозначает реально данной вещи; лишь репрезентативный тип может обозначать конкретный факт; но и последний в отношении к остальным случаям данной группы все же будет только идеальным»⁹⁴. Такое деление типов служит не для объяснения материала, а только для систематики или группировки определенной совокупности объектов. Это типологизация в систематизирующем смысле.

Возможно и другое значение типологизации — морфологическое. В данном случае типологизация производится лишь на основе внешней формы объектов, выявляя наиболее характерные признаки. «Вообще, изучая данную совокупность предметов в их устойчивых признаках, мы как бы накладываем наши представления о предметах друг на друга и получаем общее им содержание; тогда мы называем понятие о группе сходных между собою объектов (конкретных предметов) — типом; сюда можно отнести, например, типы животных видов и рас, национальный тип, культурный тип и т. п.; если принимать во внимание лишь понятие о группе формальных свойств, т. е. не объекты целиком взятые, а только их внешнюю форму, служащую достаточно характерным признаком для систематики, то с такой точки зрения мы можем получить морфологические типы, например, типы кристаллов, растений (по форме листьев) или животных; типы языков изолирующих,

агглютинирующих и флектирующих и т. п.»⁹⁵. Установление общности типов на основе общности их происхождения приводит к образованию понятия об *эволюционном* или *генетическом типе*. Дисциплина, изучающая эту разновидность типов, называется морфогенией. Стоит упомянуть, что Лаппо-Данилевский вводит еще одну разновидность типов — *феноменологический тип*. Возможность феноменологической типизации исходит из того, что «можно типизировать данную метаморфозу в тех ее стадиях, какие наблюдаются в данной совокупности сходных случаев»⁹⁶.

Исторический источник

К более частным вопросам методологии исторического исследования относится проблема источников. Исторической данности или, так сказать, исторической материи соответствует понятие *исторического источника*.

Исторический источник сам по себе является психическим продуктом, то есть результатом человеческого творчества, имеющим познавательную цель; точнее, эту цель ему придает историк. «Под историческим источником, следовательно, должно разуметь доступный чужому восприятию, т. е. реализованный продукт человеческой психики»⁹⁷, «...пригодный для изучения фактов с историческим значением»⁹⁸. В качестве реализации человеческой психики исторический источник есть реально данный объект, изучаемый не ради него самого, но дающий опосредованное знание о другом объекте. Как и всякий реальный объект, он характеризуется единством и целостностью: «...объективно-данный историче-

ский источник представляется историку в виде некоторого единства и целостности»⁹⁹.

Психическая природа исторического источника связана, прежде всего, с особенностями восприятия. Индивидуальное психическое восприятие факта (в данном случае исторического) неповторимо и единственно, поэтому источники, описывающие один и тот же факт, часто разноречивы. Но это не недостаток источников, а следствие субъективных особенностей восприятия, что, конечно же, по мнению Лаппо-Данилевского, только подчеркивает «реальность» этого восприятия и косвенным образом указывает на подлинность источников. Так возникает проблема определения подлинности источника. Критерии его подлинности (или неподлинности) уже не являются психологическими: это соответствие источника с культурой и соответствие с другими источниками того же места и времени. Определением подлинности источников и установлением ее критериев занимается историческая критика.

Поскольку исторический источник является продуктом человеческой психики, постольку и исследующий его историк должен исходить из представления о восприятии факта, отраженного в источнике, «как если бы он сам испытал или не испытал его в своем чувственном восприятии»¹⁰⁰. Это означает, что достоверность источника определяется отнесением его к фактической истине. Но это отнесение — фикционалистское, ведь «историк судит на основании показания о факте, как если бы он сам испытал его в своем чувственном восприятии»¹⁰¹. Аналогичным образом обосновывается утверждение о телеологическом характере исторического источника. Дело в том, что историк, приступая к изуче-

нию источника, должен исходить из предположения, что этот источник имеет значение. Дальнейший анализ источника лишь уточняет это значение. В основе такой установки лежит представление о том, что всякий продукт человеческой психики имеет значение. «Следовательно, — писал Лаппо-Данилевский, — историк может исходить из общего положения, что реализованный продукт человеческой психики имеет некоторое назначение»¹⁰². Подводя предварительный итог, можно сказать, что смысл научного отношения к источнику определяется через объективацию заложенного в него психического значения. «Вообще, научно понимать исторический источник значит установить то объективно-данное психическое значение, которое истолкователь должен приписывать источнику...»¹⁰³

Лаппо-Данилевский предлагал подробную классификацию источников. Прежде всего, источники могут быть действительными или поддельными. Но основное деление их дается либо по степени значения, либо по содержанию. В первом случае получается деление источников на основные и производные, а также на источники, изображающие и обозначающие факт. Последнему делению во многом соответствует группировка источников на памятники вещественные и письменные или, схожим образом, на остатки культуры и исторические предания. Остатки культуры, в свою очередь, подразделяются на воспроизведения, пережитки и произведения культуры. Исторические предания бывают чистые и смешанные.

Деление источников по содержанию приводит к различению на народные и индивидуальные источники (деление по роду творчества) и на источники с фактиче-

ским и нормативным содержанием, которым соответствует познание либо того, что было, либо того, что признавалось должным. Источники с фактическим содержанием могут быть идейными и бытовыми. Источники с нормативным содержанием подразделяются на источники с чисто нормативным содержанием (чистые нормы) и источники с утилитарно-нормативным содержанием (правила).

Историческая интерпретация

Теоретико-познавательные предпосылки методологии исторического исследования Лаппо-Данилевского нашли применение в разделах, посвященных *исторической интерпретации* и *критике*.

Интерпретация направлена на научное понимание исторического источника и применяется там, где невозможно чувственное восприятие. Прежде всего, интерпретация пытается выявить психическую сторону исторического источника и пользуется для этого основными принципами научного построения истории: принципом единства чужого сознания, исторического целого и исторической индивидуальности: «...всякая интерпретация исторического источника исходит из понятия о некоем единстве чужого сознания, обнаружившегося в нем, а также должна принимать во внимание и то целое, к которому оно относится, и ту индивидуальность, через посредство которой он получает свое существование»¹⁰⁴.

Лаппо-Данилевский дает развернутую классификацию видов исторической интерпретации. Прежде всего, он проводит деление по методу, в результате чего полу-

чает следующие виды исторической интерпретации: психологическую, техническую, типизирующую и индивидуализирующую. Большинство из них имеет свои подвиды. Следующее основное деление проводится по объекту, что дает рационалистическую или формальную и реальную или историческую интерпретации.

Психологическая интерпретация является основным видом исторической интерпретации и лежит в основе остальных методов истолкования исторических источников. «Действительно, — уточнял Лаппо-Данилевский — с познавательной точки зрения можно сказать, что собственно историческая интерпретация начинается с психологического истолкования источников»¹⁰⁵. Историк при психологической интерпретации пользуется «собственными аналогичными психическими переживаниями»¹⁰⁶, хотя полное тождество состояний сознания, конечно, невозможно. Основной принцип психологической интерпретации сводится к понятию о единстве чужого сознания, о его ассоциирующей и целеполагающей деятельности. «Психологическое истолкование основано, конечно, на принципе признания чужой одушевленности: оно исходит из понятия о чужом сознании, обнаружившемся в данном продукте, и применяется ко всякому реальному объекту, значение которого не может быть установлено с чисто „механической“ точки зрения...»¹⁰⁷ В частности, можно заметить, что на этом же принципе основываются правила герменевтики, например представление о единстве значения слова у данного автора в данном произведении. Близко к этому и «основное правило» интерпретации: «правило об изучении текста лишь в его контексте»¹⁰⁸. Психологическая интерпретация отсылает к так назы-

ваемому психологическому значению, под которым понимается комплекс состояний сознания. На основе ассоциативного единства психического значения у автора источника и у историка устанавливается тождество реального объекта. В данном случае историк имеет дело все же не с самой вещью, а с представлением о ней или с ее материальным образом.

Историческая критика

Историческая критика, так же как и историческая интерпретация, представляет собой тот раздел методологии истории, в котором разрабатываются конкретные, частные приемы исторического построения исходя из общих целей научного знания. Интерпретация и критика есть способы соотнесения конструируемого исторического знания с действительностью, представленной источником. В первом случае это соотнесение с действительным существованием автора, под которым может подразумеваться как индивидуальный, так и коллективный субъект, поскольку интерпретация отсылает к психологическому, ментальному плану и имеет в виду отражение в источнике сознания (как производной общественного сознания, культуры и т. п.). Во втором случае это соотнесение с действительным существованием факта. Это два различных вида понимания. Интерпретация апеллирует к автору (авторскому замыслу), то есть к адекватному пониманию; критика же обращается к установлению реального факта, то есть к действительному, реальному пониманию. Для интерпретации важно единство сознания конкретного индивида — автора источника. Иными словами, «интерпре-

тация стремится установить только то именно значение источника, которое автор придавал ему, а не то, какое источник действительно имеет для познания исторического факта»¹⁰⁹. Историческая критика, напротив, исходит из объективного единства факта. Это два разных направления в исторической обработке источников. Поэтому Лаппо-Данилевский выступал как против сведения методологии источниковедения исключительно к критике, так и против смешения интерпретации и критики.

Историческая критика устанавливает научно-историческую ценность источников. Прежде всего, она определяет критерии подлинности, при помощи которых устанавливает действительные источники: «...если историк имеет основание утверждать, что действительный источник есть тот самый факт, каким этот источник представляется ему, он и признает его подлинным»¹¹⁰. Критерием подлинности (или неподлинности) выступают: единство и непрерывность (или разъединенность) сознания, соответствие (или несоответствие) с культурой и индивидуальностью, с которыми источник соотносится. Необходимо отличать понятие о достоверности или недостоверности источника от понятия о его подлинности или неподлинности. Достоверность или недостоверность источника устанавливается критикой.

Отношение к действительности, к реальному факту, устанавливаемое критикой, осуществляется в суждении. Критика предполагает специальный критерий, который и лежит в основе суждений. «В широком теоретико-познавательном смысле, — писал Лаппо-Данилевский, — всякое суждение, устанавливающее некоторую ценность того, о чем субъект судит, можно назвать критическим,

под критикой я буду разумеать, однако, только теоретическое отнесение данного объекта к общезначимой ценности, а не чисто утилитарную или произвольно-субъективную его оценку»¹¹¹. В зависимости от абсолютной ценности различают три вида критики: научную, моральную и эстетическую. Для исторической критики значимым является отнесение к научной ценности, то есть суждение с точки зрения абсолютной истины: «Понятие о „научной критике“, устанавливающее ценность данного объекта с точки зрения истины, всего более, конечно, подходит к понятию об исторической критике: и она устанавливает научную ценность источника»¹¹². Моральная и эстетическая критика имеют подчиненное, второстепенное значение. Отнесение к научной истине, однако, не дает еще полного приближения к конкретной (индивидуальной) исторической действительности: «...историческая критика пользуется, конечно, отнесением к „абсолютной“ истине, но для того, чтобы установить ценность источника в его отношении к „фактической“ истине»¹¹³. Стоит подчеркнуть, что та действительность, к которой отсылает критика, есть действительность построяемая, конструируемая (и благодаря этому познаваемая), а научная ценность, с которой соотносится источник, есть фактическая истина. «Историческая критика, значит, — пояснял Лаппо-Данилевский, — определяет научную ценность источника для построения действительности, что она и может сделать только путем отнесения его к научной ценности, называемой „фактической“ истиной»¹¹⁴.

Из разновидностей критики имеет смысл выделить критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и критику, устанавливаю-

щую научно-историческую ценность показаний источника о факте. Каждая из них применяется к отдельным видам источников. «Итак, критика, устанавливающая научно-историческую ценность источника как факта, приложима и к остаткам культуры, и к историческим преданиям; критика же научной ценности показаний источника о факте, в сущности, применяется только к историческим преданиям»¹¹⁵.

Примечания

¹ См., напр.: *Кареев Н. И.* Историко-теоретические труды А. С. Лаппо-Данилевского // *Русский исторический журнал*. 1920. № 6. С. 121; *он же.* Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 168—169.

² *Кареев Н. И.* [Рец.] А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории // *Научный исторический журнал*. 1913. № 1. С. 64.

³ *Райнол Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1915. № 3. С. 44.

⁴ *Кондратьев Н. Д.* Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского // *Исторический сборник*. 1915. Т. XX. С. 108.

⁵ Там же. С. 107 (Примечания).

⁶ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 53.

⁷ *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души). С. 67.

⁸ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 90.

⁹ *Грехови Г. Н.* Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского. С. 264.

¹⁰ *Лаппо-Данилевский А. С.* Основные принципы доктрины О. Конта // *Проблемы идеализма*. М., 1902. С. 394.

¹¹ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 12.

¹² *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 1-й. Пг., 1923. С. 3.

¹³ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории (литография). СПб., 1909. С. 78.

¹⁴ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. II. С. 295.

¹⁵ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 1-й. С. 4.

- ¹⁶ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 61.
- ¹⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. II. С. 621.
- ¹⁸ Там же. С. 314.
- ¹⁹ Там же. С. 634.
- ²⁰ Там же. С. 295.
- ²¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. I. СПб., 1910. С. 63.
- ²² «Достижение полного систематического единства всех данных нашего опыта сопряжено, однако, с величайшими затруднениями: ведь если бы человеческому сознанию и удалось формулировать единый закон, по которому мир существует, нельзя было бы вывести из такого закона самый факт его существования» (Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. I-й. С. 19).
- ²³ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. I-й. С. 63—64.
- ²⁴ Там же. С. 64.
- ²⁵ Там же. С. 15.
- ²⁶ Там же. Вып. II. С. 366.
- ²⁷ Там же. Вып. I. С. 168.
- ²⁸ Там же. Вып. II. С. 331.
- ²⁹ Там же. Вып. I. С. 262.
- ³⁰ Там же. С. 119.
- ³¹ Там же. Вып. II. С. 521.
- ³² Там же. Вып. I-й. С. 6.
- ³³ Там же. Вып. I-й. С. 7; Вып. I. С. 16; Вып. II. С. 340—341.
- ³⁴ Там же. Вып. I-й. С. 17.
- ³⁵ Там же. Вып. II. С. 322.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Вып. I. С. 252.
- ³⁸ Там же. С. 238.
- ³⁹ Там же. Вып. II. С. 637.
- ⁴⁰ Там же. Вып. I. С. 249.

- 41 Там же. С. 240.
- 42 Там же. С. 239.
- 43 Там же. С. 7.
- 44 Там же. С. 244.
- 44 Там же. С. 241.
- 46 Там же. С. 242.
- 47 Там же. С. 246.
- 48 Там же. С. 249.
- 49 Там же. С. 118.
- 50 Там же. С. 112—113.
- 51 Там же. С. 169.
- 52 Там же. С. 66—67.
- 53 Там же. С. 221.
- 54 Там же. С. 224.
- 55 Там же. С. 164.
- 56 Там же. С. 232—233.
- 57 Там же. С. 232.
- 58 Там же. С. 238—239.
- 59 Там же. С. 288.
- 60 Там же. С. 233.
- 61 Там же. С. 234.
- 62 Там же. С. 255.
- 63 Там же. С. 275—276.
- 64 Там же. С. 255.
- 65 Там же. С. 167.
- 66 Там же.
- 67 Там же. С. 260.
- 68 Там же. С. 274.
- 69 *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 1.
- 70 *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. I. С. 149.
- 71 Там же. С. 151.
- 72 Там же. С. 134.
- 73 Там же. С. 277.
- 74 Там же. С. 280.

75 Там же. С. 283—284.

76 Там же. Вып. II. С. 333.

77 Там же. С. 295.

78 Там же. С. 296.

79 Там же. С. 297.

80 *Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. № 6. С. 90; *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 62.

81 *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. I. С. 223.

82 *Лаппо-Данилевский А. С.* Материалы для общеобразовательного курса по истории человечества. С. 100.

83 *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. I. С. 110.

84 Там же. Вып. II. С. 435.

85 Там же. Вып. I. С. 133.

86 Там же. С. 139.

87 Там же. С. 147.

88 Там же. С. 149.

89 Там же.

90 Там же. С. 155.

91 *Лаппо-Данилевский А. С.* Материалы для общеобразовательного курса по истории человечества. С. 100.

92 *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. I. С. 155.

93 Там же. С. 158.

94 Там же. С. 157—158.

95 Там же. С. 160.

96 Там же.

97 Там же. Вып. II. С. 374.

98 Там же. С. 375.

99 Там же. С. 378.

100 Там же. С. 620.

101 Там же.

102 Там же. С. 426.

- ¹⁰³ Там же. С. 408.
¹⁰⁴ Там же. С. 410.
¹⁰⁵ Там же. С. 410—411.
¹⁰⁶ Там же. С. 415.
¹⁰⁷ Там же. С. 414.
¹⁰⁸ Там же. С. 500.
¹⁰⁹ Там же. С. 514.
¹¹⁰ Там же. С. 532.
¹¹¹ Там же. С. 518.
¹¹² Там же. С. 519.
¹¹³ Там же.
¹¹⁴ Там же, С. 520.
¹¹⁵ Там же. С. 529.

Заключение

Подводя итог творчеству Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, необходимо еще раз подчеркнуть, что его жизнь неотделима от научной деятельности. В каком-то смысле наука заменяла для него жизнь или была равноценна жизни. Интенсивность научных интересов не уступала напряжению жизненных страстей. В значительной степени это было обусловлено тем, что он был человеком европейской культуры. Хорошо зная современную ему европейскую философскую и историческую мысль, он интересовался достижениями не только гуманитарных, но и естественных, теоретико-физических и математических дисциплин. Широкая образованность заметно выделяла его среди современников. «В итоге, — вспоминал А. Е. Пресняков, — он был больше „европейцем“, чем кто-либо из деятелей русской историографии, человеком иной культуры и иной духовной среды»¹.

В России трудно быть европейцем и при этом оставаться самим собой. Лаппо-Данилевскому, как редко кому, удалось сохранить цельность своей натуры и последовательность научных поисков. Он не видел противоречий между общемировой и национальной культурными тенденциями. Национальная культура выступала для него необходимой составляющей общемирового культурного целого. Европейская культура представлялась ему концентрированным выражением достижений общечеловеческой культуры. К европейской культурной традиции, по его мнению, принадлежит и Россия. В этом смысле его можно назвать «западником».

Ход мирового исторического процесса в наиболее яркой форме обозначает история Европы — развитие и распространение основных понятий европейской культуры. С этих позиций Лаппо-Данилевский рассматривал и историю России. Европейская культурная парадигма основной акцент делает на принципе личности, проявляющемся в истории и обществе. Преимущественный интерес изысканий русского историка был сосредоточен на выявлении взаимоотношений между личностью и государством, личностью и сословно-общественными группами в России XVII—XVIII веков. Он одним из первых в отечественной исторической науке подробно и фактографически обоснованно рассмотрел эти положения. Уже в магистерской диссертации ученый уделил данной проблеме особое внимание, связав ее с развитием прямого обложения: «...тяжелые политические условия, в которых поставлено было Московское государство в XVII в., выдвигали в этой организации государственные интересы на первый план, перед ними стиралось значение каждого отдельного лица»². В последующих исследованиях он продолжил эту тему: «Реформа Петра Великого хотя и не создала лица, как самостоятельной единицы общественного строения, но во всяком случае расчистила ту почву, на которой свободно могла с течением времени развиваться человеческая личность»³. Лишь в XVIII веке, сделал он вывод, личность становится в России реальной исторической и общественной силой. Однако личность еще не эмансипировалась в полной мере, а получила сословное определение.

Идеал научного знания, сформулированный европейской культурой Нового времени, русский ученый

перенес на изучение истории России. Исторические труды Лаппо-Данилевского стали образцом научного исследования русской истории. Он искренне верил в действительность знания, в эффективность науки и пытался связать исторические исследования, оперирующие многочисленными эмпирическими данными, с основоположениями науки, стремился подвести под историческую фактичность теоретический фундамент.

При этом Лаппо-Данилевский постоянно учитывал, что теоретические построения не имеют самодовлеющего значения, они становятся научными лишь тогда, когда соотносятся с конкретной действительностью, когда отсылают к определенному положению дел. Реальность науки есть реальность самой жизни. Однако эта реальность не задается, не творится наукой, а обнаруживается ею, с ней соотносится. К способам соотношения с жизнью и достижения предметной реальности принадлежит прежде всего *метод*. Метод формален, но он задает ту форму, через которую в теорию проникает конкретное содержание. Метод наполняет науку предметностью, оживляет теорию. В то же время методологическая дистанция, соединяющая всеобщие положения науки с множественностью конкретно-сущего, не устраняет полностью креативный, созидательный характер теоретического знания. Наука способна творчески воздействовать на действительность, преобразовать разрозненное бытие вещей исходя из собственных установок, из принимаемых ею ценностей. Задача мыслителя состоит в том, чтобы выявить и обосновать эти ценности. Решающее значение в этом процессе имеет моральное сознание. Исходные положения науки должны быть нравственно обоснованы. Это не только императивное

требование, вменяющее науке имманентный закон ее деятельности, но и условие встречи с действительностью. Наука представляет собой систему знания, посредством которой она упорядочивает и оформляет предметную фактичность, делает ее познаваемой. При помощи истории познается прошлое, история производит знание и, следовательно, должна представлять собой систему. Для теоретических работ Лаппо-Данилевского характерен именно эпистемологический акцент, распространяемый им на все общественные дисциплины. В отношении истории он принимает форму методологии. Это означает, что историческое знание выстраивается в систему лишь тогда, когда оно связывается с действительностью и на ее основе создает предметность особого рода — историческое бытие.

С внешней стороны исторические и теоретические труды Лаппо-Данилевского отличались научной достоверностью, а порой даже мелочностью. Тщательность проработки материала, осторожность в выводах, строгость и точность в изучении источника главенствовали у него. При этом он всегда успешно справлялся с материалом, его мысль не терялась в деталях. Все это требовало большой подготовительной работы, для которой историк не жалел ни сил, ни времени. Наглядная иллюстрация такого исследовательского подхода — обширные примечания, соперничающие по объему с основным текстом. Примечания выполняют в его произведениях несколько функций. Прежде всего, это ссылки на конкретные источники и историографию. Кроме того, в них сосредоточиваются комментарии и авторские дополнения. Историк разграничивал назначение основного текста и примечаний, в которых он чувствовал себя

более свободным и мог высказывать сомнения и предположения. Примечания, таким образом, превращались в микроисследования и сохраняли след еще живого и как бы незавершенного научного поиска. В основном тексте, напротив, присутствовали продуманные и обоснованные результаты исследования.

Другая сторона научного творчества Лаппо-Данилевского состояла во все усиливающейся потребности к созерцанию, к умозрительным построениям, к поиску «чистых», предзаданных форм знания. Это наиболее оригинальная часть наследия ученого, наиболее полно выразившаяся в его методологических штудиях. В методологических же взглядах находила оправдание и упомянутая детальность его исторических исследований. Особенность работы историка состоит в том, что он никогда непосредственно не соприкасается с исторической действительностью. Историческая действительность субъективно скорректирована. Она представляет собой результат наблюдения, зафиксированного, засвидетельствованного документом. В сферу феноменологии исторического исследования входят проблемы данности, исторической фактичности, психологического истолкования документа, опосредованно связывающего историка с реальностью. Основным понятием здесь является *исторический источник*, а способы его данности рассматриваются исторической критикой и исторической интерпретацией.

Последующее уточнение этих приемов, в частности при изучении рукописного материала, привело Лаппо-Данилевского к разработке специальной исторической дисциплины — археографии. Его труды в этой области стали классическими. Конкретные исторические иссле-

дования ученого служили своеобразными экспериментальными этюдами к его теоретическим конструкциям. Вершиной обобщения исторического материала было построение истории человечества и связанное с ним понятие о мировом целом.

Внутреннее членение методолого-исторических разработок Лаппо-Данилевского исходит, таким образом, из двух основных задач. Прежде всего, это необходимость показать способы данности исторического материала, то есть учение об *исторической феноменологии*: проблемах исторического источника, исторической интерпретации и исторической критики. Следующий этап методологического исследования сводится к проблемам *исторического построения*, которые, по существу, составляют все остальные разделы его «Методологии истории».

В то же время чрезмерная требовательность к себе как к ученому, стремление по возможности досконально проработать исследуемый предмет приводило к тому, что многие работы Лаппо-Данилевского остались незаконченными. «Александр Сергеевич считал возможным выступить в печати по главным темам своей работы лишь тогда, когда собственное сознание говорило: да! дело закончено, истина найдена и получила должное (т. е. совершенное, полное) воплощение. Но сознание почти никогда этого ему не говорило, и труды оставались в папках, в рукописных листах, испещренных вставками и исправлениями», — писал И. М. Гревс⁴. По этой же причине многие его труды не были изданы. В архиве Академии наук хранятся многочисленные рукописи, как исторического, так и философско-теоретического содержания. Можно сказать,

что творчество Лаппо-Данилевского до конца еще не изучено, а ряд аспектов его научного наследия неизвестен вовсе.

Предстоит еще продолжить научный поиск в этом направлении, который, безусловно, откроет новые грани творчества выдающегося русского ученого. Авторы надеются, что данная работа вызовет определенный интерес у читателей и побудит некоторых из них к новым исследованиям, посвященным Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому.

Примечания

¹ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 67.

² *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. С. 502.

³ *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. С. 16—17.

⁴ *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души). С. 68.

Приложение

Обзор работ, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому

О Лаппо-Данилевском написано немало, однако до сих пор не появилось ни одного обобщающего труда, посвященного его творчеству. Еще при жизни ученого в честь двадцатипятилетия его научной деятельности был издан специальный сборник статей с указанием трудов исследователя¹. После его смерти помимо nekрологов, освещавших основные этапы его творчества, публиковались воспоминания о нем. В 1920 году вышел в свет сборник «Памяти академика А. С. Лаппо-Данилевского»². В этом издании была предпринята попытка представить мысль историка в развитии, показать влияние его взглядов на других ученых. Ученик Лаппо-Данилевского А. Е. Пресняков³ в 1922 году опубликовал книгу о своем наставнике, которая до настоящего времени остается единственным исследованием монографического характера. Автор задавался целью систематизировать и обобщить историческое и теоретическое наследие ученого. Пресняков указал на цельность его изысканий, на связь мировоззренческих, теоретико-познавательных и этических принципов деятельности с работой по организации науки, а также с прикладными исследованиями в области археографии и архивоведения, архивного дела и преподавания.

Другие ученики Лаппо-Данилевского — прежде всего А. И. Андреев и В. И. Веретенников — много сделали для того, чтобы научное и эпистолярное наследие историка было разобрано, систематизировано, описа-

но, то есть чтобы оно получило возможность дальнейшего существования в научном мире. Результатом этой кропотливой работы стало издание под редакцией Андреева «Материалов для биографии А. С. Лаппо-Данилевского», вышедших в серии «Очерки по истории знаний» (Пг., 1929).

В последующие годы в советской исторической и философской науке Лаппо-Данилевский был незаслуженно забыт. Причина такого отношения к его творчеству, по мнению Преснякова, имела политико-идеологический характер⁴. Это подтверждается статьей М. Н. Покровского «О книге академика А. С. Лаппо-Данилевского», в которой резко критикуется анализ марксизма, сделанный ученым в последнем издании «Методологии истории», которое вышло уже после смерти автора. Покровский совершенно необоснованно назвал всю теорию исследователя «курьезной», а саму работу «никакого интереса не представляющей» и пригодной лишь в качестве справочного пособия⁵. Против Лаппо-Данилевского и его «Методологии истории» выступил и В. И. Невский, подчеркнувший отрицание им значения источника как «продукта классово-борьбы»⁶. В известном смысле, исходя из политических предпочтений, которых придерживались рецензенты, эту критику можно признать справедливой. Лаппо-Данилевский открыто выступал противником революции, говорил о «замене материалистических основ социалистического понимания истории трансцендентально-идеалистическими», был «приверженцем неокантианской социальной философии», поставил вопрос о «переработке исторического материализма в духе эмпириокритицизма»⁷.

Исторические взгляды Лаппо-Данилевского не вписывались в официальную историческую доктрину. Сторонник государственной теории развития русского общества, преклонявшийся перед имперским величием России и открыто выражавший свои монархические взгляды, он не мог вызвать одобрения советских историков.

В предвоенные годы в капитальном труде Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» была сделана попытка отойти от откровенно классовых, политических оценок творчества историков. Давая общую оценку Лаппо-Данилевскому, исследователь указывал, что «он выделяется в ряду историков рассматриваемого периода исключительной широтой и разносторонностью своей эрудиции, тематическим охватом своих работ». Рассматривая проблематику конкретных исследований ученого, Рубинштейн видел в них отражение «общего роста научного интереса к вопросам экономической и социальной истории», отмечая также обращение Лаппо-Данилевского «к философско-историческим и методологическим вопросам, которым был посвящен его специальный курс „Методологии истории“»⁸.

Память о Лаппо-Данилевском хранили его ученики. В 40-е годы С. Н. Валк в статье «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» связывал развитие советской исторической науки с наследием Лаппо-Данилевского⁹. В другой работе, оценивая археографические приемы своего учителя, он дал им высокую оценку, считая их «образцом для советских изданий документов»¹⁰. Еще один ученик Лаппо-Данилевского, Б. А. Романов, в книге «Люди и нравы Древней Руси», не упоминая открыто своего учителя, широко

использовал разработанные Лаппо-Данилевским методы психологической и типизирующей интерпретации источников «в качестве живого действующего лица и как своего рода реактива при пользовании иными историческими памятниками с их стандартными формулировками»¹¹.

В 1949 году вышла статья Л. В. Черепнина «А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед»¹². В ней отмечалось, что «в советской историографии до сих пор отсутствует марксистская критика теоретических взглядов Лаппо-Данилевского». Указав, что «Лаппо-Данилевский был ученым с большой эрудицией», что «он ввел в научный оборот ряд новых источников», Черепнин вместе с тем дал отрицательную оценку пониманию историком источника как продукта человеческой психики, классификации источников, в основе которой лежало противопоставление бытия сознанию, а также методы интерпретации и критики, основанные не на социальном, а на психологическом подходе. В итоге он пришел к выводу, что вся методология ученого «в корне порочна и враждебна марксистско-ленинской науке» и что его исторические работы — «показатель кризиса буржуазной науки периода империализма». Однако в заключение статьи Черепнин вынужден был признать: «Игнорировать работы Лаппо-Данилевского нельзя по двум причинам: 1) они приняли особенно ярко выраженное антимарксистское направление и враждебный советской действительности характер, 2) они оказывали определенное влияние на представителей старой буржуазной школы историков и мешали их переходу на марксистские позиции»¹³. В поздней статье, опубликованной в 1973 году,

Черепнин признавался, что его заставили написать работу в обличительном стиле, где характеристика общественных взглядов, оцениваемых в соответствии с официальной точкой зрения как ущербные, распространилась и на методологию. Он отмечал, что «недостатком статьи» 1949 года был «односторонне негативный характер»¹⁴.

С конца 50-х — начала 60-х годов отечественная историческая наука обратилась к проблемам гносеологии. В связи с этим был поставлен вопрос об отношении к дореволюционному наследию российских ученых в области теории и методологии исторических исследований. В работах Е. И. Водзинского была дана резкая критика онтологии и гносеологии русского неокантианства с позиций марксизма-ленинизма¹⁵. Творчество Лаппо-Данилевского специально не исследовалось, а рассматривалось в общем контексте критики буржуазной методологии.

В работах, написанных в 70-е годы, отмечалось, что Лаппо-Данилевский подходил к задачам истории и методологии исторического знания с неокантианских позиций, чем объяснялась ограниченность его выводов¹⁶. В отдельных работах методология работы историка с источниками оценивалась отрицательно. Так, А. Т. Николаева писала: «...сводить метод познания источника только к более полному пониманию психики и культуры автора источника» и к «переводу» этих явлений «на образ мыслей, свойственных историку», — чем, по ее мнению ограничивал свою задачу Лаппо-Данилевский, — «это махровый идеализм, не только ничего общего не имеющий с историческим материализмом, но даже с идеализмом историка С. М. Соловьева <...>

Можно удивляться еще и тому, — продолжала она, — почему этот метод назвал А. С. Лаппо-Данилевский „историческим методом“»¹⁷. Схожая оценка источниковедческим изысканиям Лаппо-Данилевского давалась в работах В. И. Стрельского и А. А. Зимина¹⁸.

Если в методологических и источниковедческих работах историк, как правило, критиковался, то в общих работах, посвященных историческим наукам, за ним признавались определенные достижения¹⁹. С середины 70-х годов появились работы, пересматривающие отрицательную оценку творчества дореволюционного историка. Я. С. Лурье, например, считал, что Лаппо-Данилевский был «выдающийся источниковед, стремившийся сделать критику источника строго научной теоретической дисциплиной»²⁰. Н. Е. Носов отмечал, что «вряд ли правильна широко распространенная в советской историографии 40—50-х годов однозначная оценка его [Лаппо-Данилевского] научного наследия лишь как проявления кризиса буржуазного источниковедения. Лаппо-Данилевский не был марксистом, но многие его начинания в области отечественного источниковедения заслуживают и самого пристального изучения»²¹.

Своеобразный итог дискуссии по вопросу о значении источниковедческих работ Лаппо-Данилевского подвел А. Н. Цамутали. Оценивая общую ситуацию в отечественной историографии на рубеже веков, он отмечал, что «несомненных достижений в изучении конкретных вопросов и особенно в совершенствовании методов изучения исторических источников» достигли русские историки, и далее констатировал: «...именно эта сторона их деятельности имела наибольшее зна-

чение для поступательного движения исторической науки»²².

Методология Лаппо-Данилевского была подробно проанализирована в трудах Г. М. Иванова и Л. Н. Хмылева, но они ограничили свою задачу изучением взглядов ученого на социальную природу исторических источников и их гносеологическую функцию²³. Рассмотрению отдельных сторон творчества ученого были посвящены исследования Л. Н. Хмылева²⁴, С. П. Рамазанова²⁵, А. П. Пронштейна²⁶, О. В. Сеницына²⁷. Однако в этих работах рассматривались главным образом проблемы историографии и методологии истории, в которых идеи Лаппо-Данилевского выступали лишь в качестве иллюстрации. Особенно следует отметить работы Хмылева, впервые указавшего, что в своем понимании принципов исторического познания Лаппо-Данилевский приблизился к современному системному подходу к изучению исторического процесса. Рамазанов особо подчеркнул аксиологический аспект концепции мыслителя, указав на плодотворность попыток Лаппо-Данилевского в корректировке классической неокантианской теории ценностей при помощи введения понятия «общепризнанной ценности», более адекватного отражения значения ценностного подхода в историческом и естественно-научном познании. Пронштейн исследовал вклад русского ученого в развитие теории исторического источниковедения, попытался раскрыть специфику его работы с историческими текстами. Сеницын рассмотрел в основном идеологическую эволюцию Лаппо-Данилевского, нашедшую отражение в идеях методологического характера.

К 80-м годам в отечественной историографии возобладала объективная оценка трудов Лаппо-Данилевского²⁸. Это, в свою очередь, побудило многих исследователей обратиться к архивным фондам, в которых находится большое количество неопубликованных работ ученого²⁹. На основе одной из таких рукописей историка, «Размышление об истории науки, ее задачах, методах построения и педагогическом значении», В. П. Корзун исследовала историко-научную концепцию Лаппо-Данилевского³⁰. Неизданные лекционные курсы историка были изучены Р. А. Сидельниковым³¹. В 1990 году вышла в свет первая часть исследования Лаппо-Данилевского «История политических идей в России XVIII века в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» под заголовком «История русской общественной мысли и культуры XVII — XVIII веков». Здесь же была опубликована статья А. И. Клибанова «А. С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель».

Из последних работ, посвященных Лаппо-Данилевскому, следует отметить серию статей, опубликованных в 1996 году в «Археографическом ежегоднике», приуроченных к 75-летию со дня его смерти. В них рассматривается многогранная деятельность исследователя в области методологии истории, археографии и организации науки. В том же году в обширном издании «Историки России. XVII — начало XX века» вышла работа А. Н. Нечухрина и С. П. Рамазанова «Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский»³².

Отдельные аспекты научного наследия русского историка освящены в работах Е. Р. Ольховского и А. А. Чернобаева³³. Вопросы творчества Лаппо-Дани-

левского нашли отражение в работах Н. И. Приймак³⁴, И. Л. Тихонова³⁵, В. Д. Есакова³⁶, Н. М. Дорошенко³⁷, М. Ф. Румянцевой³⁸. В конце девяностых годов были защищены первые диссертации, посвященные творчеству Лаппо-Данилевского. В диссертации В. В. Беруса³⁹ пересматривается общепризнанная точка зрения отечественных исследователей, согласно которой взгляды Лаппо-Данилевского эволюционировали от позитивизма к неокантианству, и выдвинут тезис, что позиция ученого — это синтез позитивистских и неокантианских идей. Особо следует отметить диссертационное исследование Е. А. Ростовцева⁴⁰, в котором раскрыты теоретические взгляды историка в области методологии истории, дипломатики и археографии и сделана попытка обосновать роль и место Лаппо-Данилевского в петербургской школе историков. Определенный интерес представляет последняя работа Е. А. Ростовцева⁴¹, в которой дан обзор изучения творчества Лаппо-Данилевского в отечественной исторической литературе. К числу последних исследований, посвященных научной деятельности Лаппо-Данилевского, относятся также работы авторов настоящей книги⁴².

Таким образом, в отечественной исторической и философской литературе Лаппо-Данилевскому посвящено большое количество статей в периодических изданиях, его имя упоминается в монографиях и диссертациях, посвященных общим проблемам исторической науки. Однако и по сей день актуальны слова А. Н. Цамутали, сказанные еще в середине 80-х годов: «До сих пор нет монографического исследования о Лаппо-Данилевском, в котором были бы сопоставлены весьма разнообразные стороны его научных занятий и всесто-

ронне определено его место в истории исторической науки»⁴³. В то же время произведения русского историка давно не переиздавались. Возникла необходимость по возможности полнее представить его научное, историческое и философское наследие.

Изучение творчества Лаппо-Данилевского возможно только при использовании всей совокупности его трудов. Для данной работы привлекались неизданные материалы, подготовительные и черновые наброски, а также эпистолярное наследие и документы ученого. Был изучен его архивный фонд, а также фонды ряда научных организаций, в которых он работал, и ученых, с которыми он общался. Поэтому одной из задач исследования было включение в научный оборот неизвестных или малоизвестных материалов.

Ко всему творчеству Лаппо-Данилевского можно отнести слова Р. А. Киреевой, высказанные о его историографических трудах: «Постоянно подбирался и систематизировался новый материал, набрасывались отдельные суждения, делались замечания, писались и авторские тексты, которые, в свою очередь, испещрялись дополнениями и уточнениями. Все это отражает поиск ученого, но на всем этом лежит печать незавершенности»⁴⁴. Возможно, для строго научного исследования подобное замечание и неуместно, но по достоинству оценить значение научной деятельности Лаппо-Данилевского можно лишь учитывая масштабы задуманной и начатой, хотя в большинстве своем не законченной им, работы в области исследования русской истории XVII—XVIII веков, археографии, дипломатики, русской историографии, методологии истории.

Изложение исторических трудов ученого дается хронологически. Методологические и философско-исторические изыскания, напротив, даются концептуально, поскольку разрабатывались историком в течение длительного времени, неоднократно переделывались и переписывались.

Примечания

¹ Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916.

² См.: Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

³ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

⁴ *Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 96.

⁵ *Покровский М. Н.* О книге академика А. С. Лаппо-Данилевского // Под знаменем марксизма. 1923. № 4—5. С. 96.

⁶ *Невский В. И.* Рецензия на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Печать и революция. 1923. № 7. С. 181—183.

⁷ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 1-й. Пг., 1923. С. 260—269.

⁸ *Рубинштейн Л. Н.* Русская историография. М.; Л., 1941. С. 502—503.

⁹ Труды Юбилейной сессии Ленинградского гос. ун-та. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 52—54.

¹⁰ *Валк С. Н.* Советская археология. М.; Л., 1948. С. 45.

¹¹ *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 9—10.

¹² Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30—51.

¹³ *Черепнин Л. В.* А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // Там же. С. 31, 50—51, 47.

¹⁴ *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 51.

¹⁵ См.: *Водзинский Е. И.* Русское неокантианство и его реакционная сущность. Минск, 1961; *он же.* Русское неокантианство конца XIX начала XX века. Л., 1966.

¹⁶ См.: *Пашуто В. Т.* Некоторые вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. С. 72—73; *Иванов Г. М.* Исторический источник и ис-

торическое познание. Томск, 1973. С. 37; *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века. Томск, 1978. С. 111—112.

¹⁷ *Николаева А. Т.* Вопросы историографии русского источниковедения. М., 1970. С. 49—51.

¹⁸ *Стрельский В. И.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1986. С. 103; *Зимин А. А.* Трудные вопросы методики источниковедения // *Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы.* М., 1969. С. 427—449.

¹⁹ См: *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 33—37; *Очерки исторической науки в СССР.* М., 1963. Т. 3. С. 620; *Фарсоби В. В.* К определению предмета источниковедения // *Источниковедение истории советского общества.* М., 1969. Вып. 2. С. 428; *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения // *Источниковедение: теоретические и методологические проблемы.* С. 12; *Литвак Б. Г.* О путях развития источниковедения массовых источников // Там же. С. 104—105.

²⁰ *Лурье Я. С.* Сигизмунд Натанович Валк // *Труды отдела древней русской литературы.* Л., 1976. Т. 30. С. 367.

²¹ *Носов Н. Е.* Основные научные направления и проблематика ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1981. Вып. 12. С. 8—9.

²² *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: *Историографические очерки.* Л., 1986. С. 318.

²³ *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание; *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века.

²⁴ *Хмылев Л. Н. А. С.* Лаппо-Данилевский и проблемы теоретического источниковедения // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Вып. 11.

Томск, 1976. С. 108—117; *он же*. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века; *он же*. Проблемы методологии истории в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1986.

²⁵ *Рамазанов С. П.* Методологические воззрения А. С. Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей в историческом познании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 14. С. 77—89; *он же*. Русская буржуазная историография и неокантианская теория ценностей. Дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. Томск, 1981.

²⁶ *Пронштейн А. П.* Теория и методика исторического исследования в труде А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Источниковедение отечественной истории. С. 33—58.

²⁷ *Синицын О. В.* Эволюция идейно-методологических взглядов А. С. Лаппо-Данилевского // Депонировано в ИНИОН № 7573-81. Казань, 1981; *он же*. Соотношение истории и теории в русской буржуазной историографии периода империализма. Дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. Казань, 1983; *он же*. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века: Неокантианское течение. Казань, 1990.

²⁸ См.: *Беленький И. Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960—1984): Аналитический обзор. М., 1985. С. 19—22; *Киреева Р. А.* Неопубликованные труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской историографии // История и историки. 1978. М., 1981. С. 214—233; *она же*. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года. М., 1985; *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. С. 140—154.

²⁹ См.: *Грехова Г. И.* Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 8. С. 262—273.

³⁰ Корзун В. П. Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А. С. Лаппо-Данилевского // Историки об истории. Омск, 1989; она же. А. С. Лаппо-Данилевский — историк исторической науки (к 130-летию со дня рождения) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1993.

³¹ Сидельников Р. А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А. С. Лаппо-Данилевского // Российские университеты конца XIX — начала XX века. Воронеж, 1993. С. 140—149.

³² Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 512—537.

³³ Ольховский Е. Р. А. С. Лаппо-Данилевский и начало преподавания источниковедения // Историческое образование на рубеже веков. СПб., 1996; Чернобаев А. А. А. С. Лаппо-Данилевский в дореволюционной русской историографии // История и политика: методология, историография, практика. Н. Новгород, 1996; она же. А. С. Лаппо-Данилевский // Историки России XVIII — XX вв. (Приложение к журналу «Исторический архив»). Вып. 4. М., 1997.

³⁴ Приймак Н. И. Материалы по истории Санкт-Петербурга в археографической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского // Петербургские чтения — 97. СПб., 1997; она же: О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // Вестник СПбГУ. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1998. Вып. 4. С. 3—8.

³⁵ Тихонов И. Л. Взгляды и труды А. С. Лаппо-Данилевского в области археологии // Третьи Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня в Михайловском замке: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 15—27.

³⁶ Есаков В. Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 12. С. 1129—1139.

³⁷ Дорошенко Н. М. Философия и методология истории в России (конец XIX — XX века). СПб., 1997. С. 137—144.

³⁸ Румянцева М. Ф. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 138—146.

³⁹ Берус В. В. Проблемы истории в русском неокантианстве. А. С. Лаппо-Данилевский. Дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. СПб., 1998.

⁴⁰ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. СПб., 1999.

⁴¹ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. Вып. II. СПб., 2000. С. 171—247.

⁴² Малинов А. В. А. С. Лаппо-Данилевский // Вече. Альманах русской философии и культуры. 1999. № 12. С. 114—135; Малинов А. В., Погодин С. Н. Социология в творчестве А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4. С. 33—47; Погодин С. Н. История России в трудах академика А. С. Лаппо-Данилевского (1863—1919) // КЛИО. 1999. № 2. С. 28—40; он же. Русский европеец А. С. Лаппо-Данилевский // Русская и европейская философия: пути схождения. Материалы научной конференции. СПб., 1999. С. 49—69.

⁴³ Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии в период империализма. С. 141—142.

⁴⁴ Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года. С. 67.

Библиография основных работ об А. С. Лаппо-Данилевском

1. *Автократов В. Н.* Из истории централизации архивного дела в России (1917—1918) // Отечественные архивы. 1993. № 3, 4.
2. *Александров А. А.* Академик А. С. Лаппо-Данилевский — председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.
3. *Алексеева Г. Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России 1917—1923. М., 1968.
4. *Барсков Я. Л.* Памяти А. С. Лаппо-Данилевского и М. А. Дьяконова // Вестник литературы. 1919. № 9.
5. *Беленький И. Л.* К проблеме изучения идейного контекста «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.
6. *Берус В. В.* Особенности и этапы исторического исследования в теории исторического познания А. С. Лаппо-Данилевского // Сознание и история. Барнаул, 1993.
7. *Берус В. В.* Гегель и О. Конт в теории исторического познания А. С. Лаппо-Данилевского // Актуальные проблемы философии и политологии. Рубцовск, 1994.
8. *Берус В. В.* Проблема субъекта в социальной философии А. С. Лаппо-Данилевского // Метаморфозы сознания. Барнаул, 1997.
9. *Берус В. В.* Риккертанство в России // Аналитика сознания. Барнаул, 1998.
10. *Берус В. В.* Проблемы историографии в русском неокантианстве: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. СПб., 1998.
11. *Болдырев Н. В.* А. С. Лаппо-Данилевский // Мысль. 1922. № 1.

12. *Валк С. Н.* Воспоминания ученика // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

13. *Валк С. Н.* Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов (Рец.) // Книга и революция. 1920. № 2.

14. *Валк С. Н.* Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов (Рец.) // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8.

15. *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948.

16. *Введенский А. А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР. (Дипломатика). Киев, 1963.

17. *Веретенников В. И.* Памяти дорогого учителя // Русский исторический журнал. 1920. Кн.6.

18. *Вернадский Г. В. А. С.* Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века // Известия Таврической архивной комиссии. 1919. № 56.

19. *Г.* (анонимный автор). А. Лаппо-Данилевский. Собрание и свод законов Российской Империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898 (Рец.) // Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. 1898. Кн. 7.

20. *Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX—XX вв. М., 1995.

21. *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

22. *Греков Б. Д.* Ученая и учебная деятельность А. С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической архивной комиссии. 1919. № 56.

23. *Грехова Г. И.* Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976.

24. *Дорошенко Н. М.* Философия и методология истории в России (конец XIX—XX век). СПб., 1997.

25. *Дьяконов М. А.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919). Некролог // Известия РАН. 1919. № 8—11.

26. *Дьяконов М. А.* «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1890 (Рец.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 8.

27. *Дьяконов М. А.* П. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства (Рец. на сочинение А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований»). СПб., 1892 (Рец.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. № 6.

28. *Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1961.

29. *Кареев Н. И.* Историко-теоретические труды А. С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

30. *Кареев Н. И.* А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории (Рец.) // Научно-исторический журнал. 1913. № 1.

31. *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.

32. *Каиштанов С. М.* Русская дипломатика. М., 1988.

33. *Кизеветтер А. А.* А. С. Лаппо-Данилевский (к 25-летию научной деятельности) // Русские ведомости. 1915. № 105.

34. *Кизеветтер А. А.* А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 (Рец.) // Русские ведомости. 1890. № 291.

35. *Киреева Р. А.* Неопубликованные труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской историографии // Историографический ежегодник за 1978 г. М., 1981.

36. *Клибанов А. И.* А. С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII веков. М., 1990.

37. *Кондратьев Н. Д.* Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского // Историческое обозрение. 1915. Т. XX.

38. *Корзун В. П.* Научная школа в сфере «историографического быта» (В. О. Ключевский, П. Н. Миллюков, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский) // Культура и интеллигенция в России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII—XX вв.). Ч. I. Омск, 1998.

39. *Корзун В. П.* Невостребованное наследие (Материалы по истории науки А. С. Лаппо-Данилевского) // Археологический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

40. *Корзун В. П.* Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А. С. Лаппо-Данилевского // Историки об истории. Омск, 1989.

41. *Котляров Г. М.* Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов (Рец.) // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8.

42. *Кун В. Н.* 25-летие учебно-педагогической деятельности А. С. Лаппо-Данилевского // Речь. 1915. № 126.

43. *Лихачев Н. П.* К вопросу о составлении перечня изданий русских актов // Архивное дело. Вып. I. М.; Пг., 1923. (Отд. изд.: О составлении перечня изданных русских актов. Пг., 1923).

44. *Малинов А. В.* А. С. Лаппо-Данилевский // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 12. СПб., 1999.

45. *Малинов А. В., Погодин С. Н.* Социология в творчестве А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. 1999. № 4.

46. *Маркевич А. И.* Архивно-археологическая деятельность академика А. С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической архивной комиссии. 1919. № 56.

47. Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.

48. *Медушевская О. М.* Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

49. *Милюков П. Н.* А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 (Рец.) // Русская мысль. 1890. № 9.

50. *Милюков П. Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства (Рец. на сочинение А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований». СПб., 1890). СПб., 1892.

51. *Мищенко Ф. Г.* Скифские древности. Исследование А. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 11.

52. *Мякотин В. А.* А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 (Рец.) // Исторический вестник. 1890. № 8.

53. *Невский В. И.* А. С. Лаппо-Данилевский «Методология истории» (Рец.) // Печать и революция. 1923. № 7.

54. Некролог А. С. Лаппо-Данилевского // Вестник литературы. 1919. № 1—2.

55. *Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П.* Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. М., 1996.

56. *Ольденбург С. Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

57. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М., 1960.

58. *Ольденбург С. Ф.* Отчет о деятельности Российской академии наук... за 1919 г. Пг., 1920.

59. *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики частных актов в трудах С. Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л., 1978.

60. *Пичета В. И.* Введение в русскую историю (Источники и историография). М.; Пг., 1923.

61. *Платонов С. Ф.* Летопись занятий Археографической комиссии за 1919—1920 гг. Вып. 32. Пг., 1923.

62. *Погодин С. Н.* История России в трудах академика А. С. Лаппо-Данилевского (1863—1919) // КЛИО. 1999. № 2, 3.

63. *Погодин С. Н.* Русский европеец А. С. Лаппо-Данилевский // Русская и европейская философия: пути схождения. Материалы научной конференции. СПб., 1999.

64. *Покровский М. Н.* О книге А. С. Лаппо-Данилевского (Методология истории) // Под знаменем марксизма. 1923. № 4—5.

65. *Полевой П. Н.* Скифские древности. Исследование А. Лаппо-Данилевского // Исторический вестник. 1887. № 7.

66. [*Пресняков А. Е.*] Памяти А. С. Лаппо-Данилевского // Исторический архив. 1919. Кн. 1. Пг., 1919.

67. *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

68. *Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

69. *Пресняков А. Е.* Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов Пг., 1922. (Рец.) // Дела и дни. 1920. Кн. 1.

70. *Пресняков А. Е.* Памяти А. С. Лаппо-Данилевского // Исторический архив. 1919. Кн. 1.

71. *Пресняков А. Е.* Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

72. *Приймак Н. И.* А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // КЛИО. 1997. № 3.

73. *Приймак Н. И.* А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // Петербургские чтения — 96. СПб., 1996.

74. *Приймак Н. И.* А. С. Лаппо-Данилевский и С. Н. Валк (Учитель и ученик) // Вестник СПбГУ. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. Вып. 1. 1998.

75. *Простоволосова Л. Н.* О несостоявшемся заседании памяти А. С. Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

76. *Рамазанов С. П.* Методологические воззрения А. С. Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей // Методологические и источниковедческие вопросы исторической науки. Вып 14. Томск, 1980.

77. *Рамазанов С. П.* Русская буржуазная историография и неокантианская теория ценностей. Дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. Томск, 1981.

78. *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3.

79. *Романов Б. А.* А. С. Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

80. *Ростовцев Е. А.* Историческая школа А. С. Лаппо-Данилевского // Сборник научных трудов, посвященных 190-летию транспортного образования в России. СПб., 1999.

81. *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. Вып. 2. СПб., 2000.

82. *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. СПб., 1999.

83. *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. научных работ. Вып. 1. СПб., 1999.

84. *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // Петербургские чтения — 97. СПб., 1997.

85. *Ростовцев Е. А.* Учебный курс методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского // Научно-методическая конференция — 98. Тезисы докладов. Ч. I. СПб., 1998.

86. *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941.

87. *Румянцева М. Ф.* Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории. 1999. № 8.

88. *Русакова О. Ф.* Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000.

89. Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому // Историческое обозрение. Сб. Исторического общества при Императорском Петроградском университете. 1916. Т. XXI.

90. *Сидельников Р. А.* Проблемы методологии истории в университетских курсах А. С. Лаппо-Данилевского // Российские университеты конца XIX—XX в. Сб. научных статей. Воронеж, 1993.

91. *Синицын О. В.* Соотношение истории и теории в русской буржуазной историографии периода империализма. Дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. Казань, 1983.

92. *Синицын О. В.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века: Неоантианское течение. Казань, 1990.

93. *Сторожев В. Н.* А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 (Рец.) // Юридический вестник. 1890. № 7.

94. *Стрельский В. И.* Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961.

95. *Тараторкин Ф. Г.* А. С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915—1918) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

96. *Тихонов И. Л.* Взгляды и труды А. С. Лаппо-Данилевского в области археологии // Третьи Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня в Михайловском замке. Материалы научной конференции. СПб., 1997.

97. *Хмылев Л. Н.* А. С. Лаппо-Данилевский и проблема теории источниковедения // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. XI. Томск, 1976.

98. *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978.

99. *Хмылев Л. Н.* Методологические взгляды А. С. Лаппо-Данилевского // Доклад 2-й конференции молодых ученых по общественным наукам. Вып. II. Томск, 1973.

100. *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1986.

101. *Хорхордина Т. И.* История отечества и архивы. М., 1994.

102. *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

103. *Черепнин Л. В.* А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8.

104. *Чернышев Е.* Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1922 (Рец.) // Казанский библиофил. 1922. № 2.

105. *Чечулин Н. Д.* К вопросу о населенности посадского двора (Рец. А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890) // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 3.

106. *Чирков С. В.* А. С. Лаппо-Данилевский в Археологической комиссии // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

107. *Шати́ро А. Л.* Русская историография периода империализма. Л., 1962.

108. *Шати́ро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. (Учебное пособие). СПб., 1993.

109. *Шмидт С. О.* А. С. Лаппо-Данилевский на рубеже веков // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

110. *Ястребов В.* Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссией. № 13. Древности Южной России. Курган Карадеуашх. Исследования А. Лаппо-Данилевского и В. Мальмберга. СПб., 1894 (Рец.) // Мир Божий. 1898. № 7.

Список трудов А. С. Лаппо-Данилевского

1. Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западною Европою в сочинении В. И. Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. II.

2. Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. 241. № 9. Отд. II.

3. [Рец.] *Иловайский Д.* Дополнительная полемика по вопросам Варяго-Русскому и Болгаро-Гунскому. М., 1886 // Библиограф. 1886. Отд. I. № 6—7.

4. [Рец.] Русская историческая библиотека. Т. X. СПб., 1886 // Библиограф. 1886. Отд. I. № 8.

5. [Рец.] *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886 // Библиограф. 1886. Отд. I. № 10.

6. [Рец.] Записки Императорского русского археологического общества. Т. I и 1-й вып. Новая серия. СПб., 1886 // Библиограф. 1886. Отд. I. № 12.

7. Русская промышленная политика в XVIII в. (D-r Ordega. Die Gewerbpolitik Russlands von Peter I — Katharina II. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Gewerbwesens. Tubingen, 1885) // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 245. № 5.

8. [Рец.] *Цветаев Д.* Обрусение немцев, иностранцев в Московском государстве. М., 1886 // Библиограф. 1887. Отд. I. № 2.

9. [Рец.] *Успенский Ф.* Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887 // Библиограф. 1887. Отд. I. № 10—11.

10. [Рец.] Архив Юго-Западной России, изд. Комиссиею для разбора древних актов. Ч. VII. Т. I. Киев, 1886 // Библиограф. 1887. Отд. I. № 10—11.

11. Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1887. Т. IV. (Отдельное изд.: Скифские древности. Исследование А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1887).

12. [Рец.] Учебный атлас по Русской истории. Составлен и издан под ред. проф. Е. Замысловского. Изд. 3-е. СПб., 1887 // Библиограф. 1888. Отд. I. № 1.

13. [Рец.] *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1888 // Библиограф. 1888. Отд. I. № 4.

14. Биографические сведения о Генрихе Латыше по данным его собственной летописи // Библиограф. 1888. Отд. I. № 5—6.

15. Заметка по поводу статьи Ф. Г. Мищенко о «Скифских древностях» // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. 260. № 11.

16. Две заметки из Московских архивов // Записки Императорского русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1888. Т. III. Вып. 1.

17. О величине дворовых и огородных мест древнерусского города по некоторым данным первой половины XVII века // Записки Императорского русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1888. Т. III. Вып. 3—4.

18. [Рец.] *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888 // Библиограф. 1889. Отд. I. № 3.

19. Какое значение имели «приправочные» книги в XVII веке // Библиограф. 1889. Отд. I. № 8—9.

20. [Рец.] Описание документов и дел, хранящихся в московском Архиве министерства юстиции. Книга V. М., 1888 // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 262. № 4.

21. Поверстная и указная книги Ямского приказа // Библиограф. 1890. Отд. I. № 9—10. (Отдельное изд.: Поверстная и указная книги Ямского приказа. СПб., 1890).

22. [Рец.] *Эварницкий Д.* Публичные лекции по археологии России. СПб., 1890 // Журнал министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. № 7.

23. [Рец.] *Кузнецов И.* Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889 // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 271. № 10.

24. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Том 23. СПб., 1890 (Отдельное изд.: Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890).

25. Положения, извлеченные из диссертации А. Лаппо-Данилевского: Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

26. Речь перед магистерским диспутом // Историческое обозрение. 1890. Т. I. Отд. I.

27. Александр I-й, император всероссийский // Энциклопедический словарь под ред. проф. И. Е. Андриевского. Изд. Ф. А. Брокгауз — И. Е. Ефрон. СПб., 1890. Т. I.

28. Алексей Михайлович // Энциклопедический словарь под ред. проф. И. Е. Андриевского. Изд. Ф. А. Брокгауз — И. Е. Ефрон. СПб., 1890. Т. I.

29. Алексей Петрович // Энциклопедический словарь под ред. проф. И. Е. Андриевского. Изд. Ф. А. Брокгауз — И. Е. Ефрон. СПб., 1890. Т. I.

30. Анна Иоанновна // Энциклопедический словарь под ред. проф. И. Е. Андриевского. Изд. Ф. А. Брокгауз — И. Е. Ефрон. СПб., 1890. Т. I.

31. Анна Леопольдовна // Энциклопедический словарь под ред. проф. И. Е. Андриевского. Изд. Ф. А. Брокгауз — И. Е. Ефрон. СПб., 1890. Т. I.

32. [Рец.] Князь Л. Голицын и С. Краснодубровский, Укек: доклады и исследования по истории Укека. Саратов, 1891 // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Ч. 276. № 7.

33. Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI—XVII вв. // Историческое обозрение. 1891. Т. III. Отд. I.

34. [Рец.] *Вильчинский О.* Древнейшие каменные орудия в Европе. СПб., 1890; *он же.* Древнейшее племя Неандерское в Европе. СПб., 1891 // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Ч. 280. № 4.

35. [Рец.] *Сементовский А. М.* Белорусские древности. Вып. 1. СПб., 1890 // Записки Императорского русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1892. Т. V. Вып. 3—4.

36. Краткое изложение реферата: Вопрос о делении первобытной культуры на периоды: каменный, бронзовый и железный в современной археологии // Историческое обозрение. 1892. Т. IV. Отд. II.

37. Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до Р. Х. // Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою археологическою комиссиею. № 13. Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. Исследование А. Лаппо-Данилевского и В. Мальберга. СПб., 1894 (Отд. изд.: Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до Р. Х. СПб., 1893).

38. Кормленная книга Костромской чети 1613—1627 гг. по рукописи, принадлежащей московскому Архиву Министерства юстиции. Сообщил А. Н. Зерцалов. С предисловием А. С. Лаппо-Данилевского // Русская историческая библиотека. Т. XV (сборный). СПб., 1894. (Отд. изд. предисловия: Кормленная книга Костромской чети 1613—1627 гг. СПб., 1894).

39. [Рец.] *Никитский А. Н.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893 // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Ч. 302. № 12. (Отд. изд.: Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв. Отзыв о сочинении А. И. Никитского: История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. СПб., 1895).

40. Собрание и Свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Ч. 309. № 1. Отд. II; Ч. 310. № 3. Отд. II; Ч. 311. № 5. Отд. II; Ч. 314. № 12. Отд. II (Отд. изд.: Собрание и Свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1897).

41. Императрица Екатерина II (Очерк внутренней политики) // Космополис (Cosmopolis). Русск. отд., 1897. Т. VII. № 1 (июль); № 2 (авг.); Т. VIII. № 1 (окт.). (Отд. изд.: Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898).

42. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. 320. № 12. Отд. II; 1899. Ч. 321. № 2. Отд. II (Отд. изд.: Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. Исторический очерк А. Лаппо-Данилевского. СПб., 1899).

43. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. Под редакцией и с предисловием А. С. Лаппо-Данилевского // Русская историческая библиотека. Т. XVII (сборный). СПб., 1898 (Отд. изд.: Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. СПб., 1898).

44. Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву. Издание Археографической комиссии под редакцией и с предисловием члена Комиссии А. С. Лаппо-Данилевского // Русская ис-

торическая библиотека. Т. XVII (сборный). СПб., 1898 (Отд. изд.: Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву. СПб., 1898).

45. Отзыв о сочинении Н. Н. Оглобина «Обозрение столбцев и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) Ч. II. Документы таможенного управления. М., 1898 // Записки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению. Т. IV. № 3. Отчет о присуждении премии почетного гражданина А. М. Сибирикова. СПб., 1899 (Отд. изд.: Отзыв о сочинении Н. Н. Оглобина «Обозрение столбцев и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) Ч. II. Документы таможенного управления. М., 1898. СПб., 1899).

46. Отрывки из дела о сборе земли, дров и денег на «емчюжное дело» с погостов Новгородских пятин XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1888—1894 гг. Вып. XI. СПб., 1900. Отд. III (Отд. изд.: Отрывки из дела о сборе земли, дров и денег на «емчюжное дело» с погостов Новгородских пятин XVI в. СПб., 1900).

47. Записка о трудах А. А. Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1900 г., приложение к протоколу заседания 16 февраля 1900 г.

48. Отзыв адъюнкта А. С. Лаппо-Данилевского о сочинении г. Лацинского «Опыт хронологии всемирной истории с древнейшей исторической эпохи до новейшего времени» // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1900 г., приложение к протоколу заседания 15 марта 1900 г.

49. Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского московского университета В. О. Ключевского // Протоколы заседаний Историко-филологического

отделения Императорской академии наук 1900 г., III приложение к протоколу заседания 26 апреля 1900 г.

50. Записка об ученых трудах директора Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенского // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1900 г., IV приложение к протоколу заседания 26 апреля 1900 г.

51. План издания архивных документов XVI—XVIII веков, выработанный адъюнктом А. С. Лаппо-Данилевским // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1900 г., 1-е приложение к протоколу заседания 25 октября 1900 г.

52. Отзыв о работе В. Н. Сторожева по столбцам Поместного приказа и писцовым книгам Вологодского уезда // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1900 г. § 256.

53. Заметка о Молодинском кладе 1878 года Ю. Б. Иверсена с приложением А. А. Куника. СПб., 1900 («предуведомление» к «Заметке» составлено А. С. Лаппо-Данилевским).

54. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI—XVII вв. Отзыв А. С. Лаппо-Данилевского о книге М. Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.)». СПб., 1898 // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. V. № 1. Отчет о сорок первом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1900 (Отд. изд.: Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1900).

55. Записка А. С. Лаппо-Данилевского о найденном в бумагах А. А. Куника «Описании Данцигского архива», составленном Ф. Гиршем // Летопись занятий Археографической комиссии за 1895—1899 гг. Вып. XII. СПб., 1901.

56. Записка А. С. Лаппо-Данилевского о столбцах, присланных в Археографическую комиссию А. А. Чепуриным // Летопись занятий Археографической комиссии за 1895—1899 гг. Вып. XIII. СПб., 1901.

57. План издания архивных документов XVI—XVIII веков, выработанный адъюнктом А. С. Лаппо-Данилевским // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1901 г., 2-е приложение к протоколу заседания 10 января 1901 г.

58. Отзыв адъюнкта А. С. Лаппо-Данилевского о сочинении А. Шумахера «Исторический очерк жизни и царствования императора Александра II». СПб., 1899 // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1901 г., приложение к протоколу заседания 4 ноября 1901 г.

59. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот Коллегии экономии» в 1901 г. // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1901 г., приложение к протоколу заседания 5 декабря 1901 г.

60. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. Сб. статей под ред. П. И. Новгородцева. М., 1902 (Отд. изд.: Основные принципы социологической доктрины О. Конта. М., 1902).

61. «Мостовые и решеточные деньги» в Новгороде и Москве в XVII веке. Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVII века, сообщенные А. С. Лаппо-Данилевским и И. Н. Миклашевским // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. V. № 4. СПб., 1902. (Отд. изд.: «Мостовые и решеточные деньги» в Новгороде и Москве в XVII веке. СПб., 1902).

62. Краткий отчет о занятиях в Государственном кеннigsбергском, Королевском неаполитанском и Ватикан-

ском архивах весной 1902 г. // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XVII. 1902. № 4.

63. Разбор мнения г. Самоквасова о научном значении некоторых изданий, предпринятых Императорской академией наук // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XVII. 1902. № 4.

64. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» в 1902 г. // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XVII. 1902. № 5.

65. Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества. Записка, составленная А. Лаппо-Данилевским по предложению Совета общеобразовательной школы кн. В. Тенишева // Памятная книжка Тенишевского училища. СПб., 1902. Ч. I.

66. Издание статьи А. А. Куника «Открытое письмо к сухопутным морякам» // Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 2. (Разыскания А. Куника). Под редакцией и с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1903 (Отд. изд.: СПб., 1903).

67. Доклад исторической подсекции II секции предварительного съезда русских филологов // Предварительный съезд русских филологов (10—15 апреля 1093 года). Бюллетени. СПб., 1903.

68. Издание книги И. Н. Миклашевского «Древнерусские поземельные кадастры» под редакцией и с примечаниями А. С. Лаппо-Данилевского // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. VI. № 4. СПб., 1903.

69. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» в 1903 г. // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XIX. № 4—5. 1903.

70. Записка об ученых трудах и. д. ординарного профессора Императорского Юрьевского университета Евге-

ния Францевича Шмурло // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1903 г. Прилож. к протоколу заседания 12 марта 1903 г.

71. Доклад Постоянной исторической комиссии при Историко-филологическом отделении Императорской академии наук. I. Проект положения об обязанностях и службе ученого корреспондента Историко-филологического отделения Императорской академии наук в Риме. II. Предварительная инструкция ученому корреспонденту Историко-филологического отделения Императорской академии наук в Риме // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1903 г. Прилож. к протоколу заседания 24 сентября 1903 г.

72. И. И. Бецкой и его система воспитания. Отзыв А. С. Лаппо-Данилевского о сочинении П. М. Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии» // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. VI. № 7. Отчет о сорок четвертом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1904. (Отд. изд.: И. И. Бецкой и его система воспитания. Отзыв А. С. Лаппо-Данилевского о сочинении П. М. Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии». СПб., 1904).

73. Записка об издании «Представления проф. Десницкого об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XX. 1904. № 4.

74. Н. Ф. Дубровин. Некролог // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XXI. 1904. № 4.

75. Памяти Г. А. Леера // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1904 г. апреля 28.

76. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй. Т. I. Сб. статей А. А. Корнилова, А. С. Лаппо-Данилев-

ского, В. И. Семейского и И. М. Страховского. СПб., 1905. (Отд. изд.: Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. СПб., 1905).

77. Записка А. С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XXII. 1905. № 1.

78. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» в 1904 году // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XXII. 1905. № 1.

79. Профессор Яков Каро. Некролог // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XXII. 1905. № 3.

80. Записка А. С. Лаппо-Данилевского «„Веревная книга“ Николаевского корельского монастыря 1707 г.» // Летопись занятий Археографической комиссии за 1902 г. Вып. XV. СПб., 1905.

81. Из протокола Историко-филологического отделения Императорской академии наук о палеографических снимках А. А. Куника к «Русско-Ливонским актам» К. Напьерского // Летопись занятий Археографической комиссии за 1902 г. Вып. XV. СПб., 1905

82. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» в 1905 году // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1905 г. Приложение к протоколу заседания 14 декабря 1905 г.

83. Записка об ученых трудах профессора Императорского Юрьевского университета Михаила Александровича Дьяконова // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1905 г. 1-е приложение к протоколу заседания 30 марта 1905 г.

84. Записка об ученых трудах Д. А. Корсакова // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1905 г. Приложение к протоколу заседания 16 ноября 1905 г.

85. [Рец.] *Симсон П.* Каменный век под гор. Ржевом. Тверь, 1904 // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия. Ч. IV. № 7.

86. Отзыв о сочинении Н. Н. Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II», составленный А. С. Лаппо-Данилевским // Известия Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. VIII. № 2. Отчет о сорок седьмом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1906 (Отд. изд.: Отзыв о сочинении Н. Н. Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II», составленный А. С. Лаппо-Данилевским. СПб., 1906).

87. Записка о деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1902—1904 гг. // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XXIV. № 1—2. 1906.

88. Альберт Сорель. Речь // Известия Императорской академии наук. V серия. Т. XXV. № 1—2. 1906.

89. Речь в заседании Государственного совета 4 мая 1906 г. по проекту всеподданнейшего адреса о необходимости полной амнистии // Стенографический отчет Государственного совета. Сессия I. Заседание 3-е.

90. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. (Отд. изд.: Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников. СПб., 1907).

91. Издание сборника «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси». СПб., 1907. Под редакцией, с предварительною заметкою о составлении сборника и дополнениями к нему А. С. Лаппо-Данилевского.

92. Die russische Handels-Kommission von 1763—1796 // Schiemanns Festschrift. Beiträge zur russischen Geschichte. Berlin, 1907.

93. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот Коллегии экономии» за 1906 г. // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. I. 1907.

94. Записка А. С. Лаппо-Данилевского о сборнике Галлических актов Д. Зубрицкого, приготовленном к изданию А. А. Куником // Летопись занятий Императорской Археологической комиссии за 1904 г. Вып. XVII. СПб., 1907.

95. Отзыв о книге С. Р. Минцлова «Критико-библиографическое обозрение записок, дневников, воспоминаний» // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1907 г. § 7.

96. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот Коллегии экономии» за 1907 г. // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. II. 1908. № 2. 2-е приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения 12 декабря 1907 г.

97. Записка об издании сочинения А. Гиппинга «Нева и Ниэншанц» с присоединением «Описи географических карт, приложенных к сочинению А. Гиппинга „Нева и Ниэншанц“» // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. II. 1908. № 6.

98. В. Б. Антонович. 1830—1908. Некролог // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. II. 1908. № 6.

99. Доклад о предметах древности, найденных Б. Л. Бернштейном в Фатьяновском карьере // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. II. 1908. № 13.

100. Сообщение о международном конгрессе историков, происходившем в Берлине 6—12 августа (н. с.) 1908 г. // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. II. 1908. № 14.

101. Доклад о деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам за 1903—1907 гг. // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. II. 1908. № 14.

102. Записка об усилении личного состава Историко-филологического отделения // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1908 г. 1-е приложение к протоколу заседания 15 октября 1908 г.

103. Записка об ученых трудах адъютанта М. А. Дьяконова // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1908 г. Приложение к протоколу заседания 19 ноября 1908 г.

104. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909 (Отд. изд.: Служилые кабалы позднейшего типа. М., 1909).

105. Издание труда А. И. Гиппинга «Нева и Низншанц» под редакцией А. А. Куника и А. С. Лаппо-Данилевского со вступительной статьей А. С. Лаппо-Данилевского «Андрей-Иоганн Гиппинг и судьба его исторического труда о Неве и Низншанце». Ч. I—II. СПб., 1909.

106. Utlatande om V. L. Lehtonens arbete «Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II in den Jahren 1772—1782». Aus dem finnischen Original ubersetzt v. R. Schmidt. Berlin, 1907. // Asiantuti ja lausunnot Kaisarillisen Aleksanterin Ulipiston Venajon historian ja venalaisen valtiotieteen professorin viran hakijasta ynna hakijan ansioluettelo. 1909. № 14a, 14b.

107. Записка об ученых трудах И. В. Лучицкого // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. III. 1909. № 2.

108. Иван Егорович Забелин. Некролог // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. III. 1909. № 2.

109. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» за

1908 г. // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. III. 1909. № 4.

110. Методология истории. Часть I. Теория исторического знания. Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1909—1910 году. СПб., 1910.

111. Издание труда Н. П. Павлова-Сильванского «Акты о посадских людях-закладчиках» с предварительной заметкой и под редакцией А. С. Лаппо-Данилевского // Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1909 г. Вып. XXII. СПб., 1910.

112. Отзыв о сочинении Н. Д. Чечулина «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II». СПб., 1906 г., составленный академиком А. С. Лаппо-Данилевским // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. X. № 2. Отчет о пятидесятом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1910. (Отд. изд.: СПб., 1910).

113. Записка об ученых трудах Эдуарда Мейера // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. IV. 1910. № 1.

114. Герменегильд Иречек. Некролог // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. IV. 1910. № 3.

115. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» за 1909 год // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. IV. 1910. № 3.

116. Отчет академиков О. А. Баклунда, К. Г. Залемана, Ф. Н. Чернышева и А. С. Лаппо-Данилевского о командировке на общее собрание Международного союза академий, состоявшееся в Риме весной 1910 г. // Протоколы заседаний Общего собрания Императорской академии наук 1910. Приложение к протоколу заседания 6 ноября 1910 г.

117. Проект адреса от Академии Берлинскому университету // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. IV. 1910. № 17.

118. Записка об ученых трудах Н. И. Кареева // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1910 г. 3-е приложение к протоколу заседания 17 ноября 1910 г.

119. Записка об ученых трудах Джемса Брайса // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1910 г. 4-е приложение к протоколу заседания 17 ноября 1910 г.

120. [Рец.] *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II // *Zeitschrift fur osteuropaische Geschichte*. 1911. Bd I. H. I.

121. Екатерина II и крестьянский вопрос // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. I. М., 1911.

122. Памяти Василия Осиповича Ключевского // *Вестник Европы*. 1911. № 8.

123. К. К. Ширрен. Некролог университета // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. V. 1911. № 4.

124. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» за 1910 год // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. V. 1911. № 4.

125. В. О. Ключевский. Некролог // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. V. 1911. № 13.

126. Исторические взгляды В. О. Ключевского // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912.

127. Отчет о подготовительных работах для издания «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» за 1911 год // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. VI. 1912. № 3.

128. Габриэль Моно. Некролог // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. VI. 1912. № 9.

129. Записка об ученых трудах проф. Берлинского университета Отто Гирке (Otto v. Gierke) // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1912 г. III приложение к протоколу заседания 28 ноября 1912 г.

130. Записка об ученых трудах члена Парижской академии наук Поля Виоллэ (Paul Viollet) // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1912 г. III приложение к протоколу заседания 28 ноября 1912 г.

131. Методология истории. Выпуск II. Пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910—1911 году. СПб., 1913.

132. Карты и планы Невы и Ниэншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником, с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского (Приготовлены и изданы под ред. А. А. Куника и А. С. Лаппо-Данилевского). СПб., 1913.

133. L'idée de l'Etat et son evolution en Russie depuis les troubles du XVII-eme siecle jusqu'aux reformes du XVIII-me // Essays in legal history read before the International Congress of historical studies held in London. Ed. by P. Vinogradoff. Oxford, 1913.

134. Доклад о деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам за 1904—1911 гг. // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. VII. 1913. № 2.

135. Отчет о работах по изданию «Сборника грамот бывшей Коллегии экономии» за 1912 год // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. VII. 1912. № 4.

136. Записка об ученых трудах П. Г. Виноградова // Протоколы заседаний Историко-филологического отделе-

ния Императорской академии наук 1913. Приложение к протоколу заседания 23 октября 1913 г.

137. Записка об ученых трудах проф. И. А. Линниченко // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1913 г. Приложение к протоколу заседания 20 ноября 1913 г.

138. Программа международного исторического конгресса в С.-Петербурге в 1918 г. СПб., 1913.

139. Die Tätigkeit der russischen Gouvernements-Archivkommissionen // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. 1913. Bd III.

140. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12.

141. Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. VIII. 1914. № 18.

142. [Рец.] *Riess L.* Historik ein Organon geschichtlichen Denkens und Forschens. Bd 1. Berl. und Lpz. 1912 // Научно-исторический журнал. 1914. Т. I. Вып. 2. (Отд. изд.: СПб., б. г.).

143. Записка об ученых трудах проф. Эрнеста Лависса (E. Lavisse) // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1914 г.

144. Записка об ученых трудах Ярослава Голля (I. Goll) // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук 1914 г.

145. Петр Великий, основатель Императорской академии наук // Речи, произнесенные на торжественном собрании императорской академии наук по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Пг., 1915. (Отд. изд.: СПб., 1914).

146. Доклад об ученых трудах сверхштатного академика Ф. И. Успенского // Протоколы заседаний отделения исторических наук и филологии 1915 г.

147. Доклад об ученых трудах сверхштатного академика П. Г. Виноградова-Успенского // Протоколы заседаний отделения исторических наук и филологии 1915 г.

148. Автобиографический очерк // Материалы для Биографического словаря действительных членов Императорской академии наук. Часть I. А — Л. Пг., 1915.

149. Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниэншанца. Приложение к труду А. И. Гиппинга «Нева и Ниэншанц» с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916.

150. Участие общества в правильной постановке архивного дела в России // Императорское русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916. (Отд. изд.: Особая комиссия при Императорском историческом обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911—1916 гг. Пг., 1916).

151. Отзыв о сочинении Н. Я. Новомбергского «Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия» (Материалы по истории медицины в России). Т. V. Томск, 1910, с дополнением под заглавием «Опыт российской ветеринарной фармакопеи половины XVIII века». М., 1912, сост. акад. А. Лаппо-Данилевским // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. XII. № 8. Отчет о пятьдесят пятом присуждении наград гр. Уварова. Пг., 1916. (Отд. изд.: Пг., 1915).

152. Доклад о научной деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам, преимущественно за 1911—1914 гг. трудов // Известия Императорской академии наук. VI серия. Т. X. 1916. № 7.

153. Обзор документов вотчинного архива стольника А. И. Безобразова // Летопись занятий Археографической комиссии за 1915 г. Вып. XXVIII. Пг., 1916.

154. Записка В. И. Семевского об издании проектов государственных преобразований М. М. Сперанского и заключение акад. А. С. Лаппо-Данилевского трудов // Изве-

ствия Императорской академии наук. VI серия. Т. X. 1916. № 14.

155. Записка об ученых трудах проф. Э. Бутуру // Протоколы Отделения исторических наук и филологии. 1916.

156. Записка об ученых трудах проф. А. В. Дайси // Протоколы Отделения исторических наук и филологии. 1916.

157. Записка об ученых трудах П. Б. Струве // Протоколы Отделения исторических наук и филологии. 1917.

158. Главнейшие направления в развитии номотетического построения исторического знания. Отд. I. Гл. I: Возникновение номотетического понимания истории в древнее время // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Новая серия. Ч. LXXII. № 11—12.

159. Заключение акад. А. С. Лаппо-Данилевского об отчете Псковской губернской ученой архивной комиссии за 1916—1917 гг. // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XI. 1917.

160. Записки об ученых трудах проф. А. А. Кизеветтера // Протоколы заседаний общего собрания академии наук. 1917. Приложение к протоколу заседания 2 декабря 1917 г.

161. The development of science and learning in Russia // Russian Realities and Problems. Ed. by J. D. Duff. Cambridge, 1917.

162. Доклад о ходе издания «Tabeller over Skibsfart og Varen transport gennem Oresund», составленный на основании отчета Карлсбергского фонда в капенгагене за 1917 г. // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XII. 1918. № 4.

163. Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XII. 1918. № 5.

164. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом знаниях // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XII. 1918. № 5, 7, 9, 11, 13.

165. Дмитрий Фомич Кобеко. Некролог знания // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XII. 1918. № 7.

166. Заметка о сборнике писем графа А. А. Аракчеева к лейб-гвардии Егерского полка штаб-лекарю А. П. Владимирскому // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XII. 1918. № 18.

167. Новые переводы и комментарии донесений и записок Родеса и Кильбургера о России // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5.

168. Об институте социальных наук. Записка комиссии Российской академии наук // Протоколы заседаний общего собрания Российской академии наук. 1918. Приложение к протоколу заседания 18 (5) июня 1918 г.

169. Россия и Голштиния. Очерк из истории германорусских отношений в XVIII веке // Исторический архив. 1919. Кн. 1.

170. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920.

171. Очерк развития русской историографии. Введение. Глава первая и отрывок второй // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

172. Методология истории. Вып. 1. Посмертное изд. Пг., 1923.

173. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990.

Литографированные курсы лекций

174. Русская история (Домонгольский период). Лекции, читанные студентам I курса Императорского историко-филологического института. 1899—1900 гг.

175. Русская история. Второй период: Политическое объединение России и ее положение в Европе до исхода XVII в.

176. Русская история (Петровский период).

177. Очерки по русской историографии.

178. Методология истории. Ч. 2. Методы исторического изучения. Отд. II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908—1909 акад. году.

Оглавление

<i>А. Н. Цамутали. К читателю</i> (А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа)	5
Введение	9
БИОГРАФИЯ	13
Начало научного пути	13
Университетская деятельность	21
Служение Российской Академии наук	33
ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ	65
Первые исторические работы	65
История Московского государства XVII века	73
Исследования русской истории и культуры XVIII века	87
Историографические проблемы	100
Исследования в области дипломатики	142
Незавершенный труд по русской истории XVIII века	150
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ	170
Критика позитивизма Огюста Конта и неокантианское наследие	175
Задачи науки и теория познания	178
Методология истории и проблема исторической действительности	183
Исторический факт и ценность	187

Номотетическое построение	193
Идиографическое построение	196
Понятие исторической связи	198
Историческое целое	202
Принцип чужой одушевленности	206
Историческая типология	209
Исторический источник	214
Историческая интерпретация	217
Историческая критика	219
Заключение	228
Приложение	236
Обзор работ, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому	236
Библиография основных работ об А. С. Лаппо-Данилевском	252
Список трудов А. С. Лаппо-Данилевского	262

Научно-популярное издание

Алексей Валерьевич Малинов, Сергей Николаевич Погодин
АЛЕКСАНДР ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ:
ИСТОРИК И ФИЛОСОФ

Редактор *Н. Г. Николаюк*
Компьютерная верстка *С. Л. Филипенко*
Корректор *Л. Н. Борисова*

ISBN 5-210-01552-1



ЛР № 000024 от 9.Х 98 г.

Подписано в печать 12.Х 2000 г. Формат 70 X 100 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,70. Усл.кр.-отт. 11,94. Уч.-изд. л. 14,22. Тираж 2000 экз. Заказ № 3821

Издательство «Искусство—СПБ». 191014 Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, оф. 8

Отпечатано с диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН. 199034 Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Алексей Малинов родился в Бокситогорске Ленинградской области. Окончил философский факультет ЛГУ. В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории философии. Автор книг: «Философские взгляды Григория Сковороды», «Предрассмертные прогулки». В настоящее время работает на кафедре истории русской философии Санкт-Петербургского гос. университета.

Сергей Погодин родился в Ленинграде. Окончил ЛГПИ им. А. И. Герцена. В 1998 г. защитил докторскую диссертацию на основе монографии «„Русская школа“ историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский». В настоящее время профессор Санкт-Петербургского государственного технического университета.

